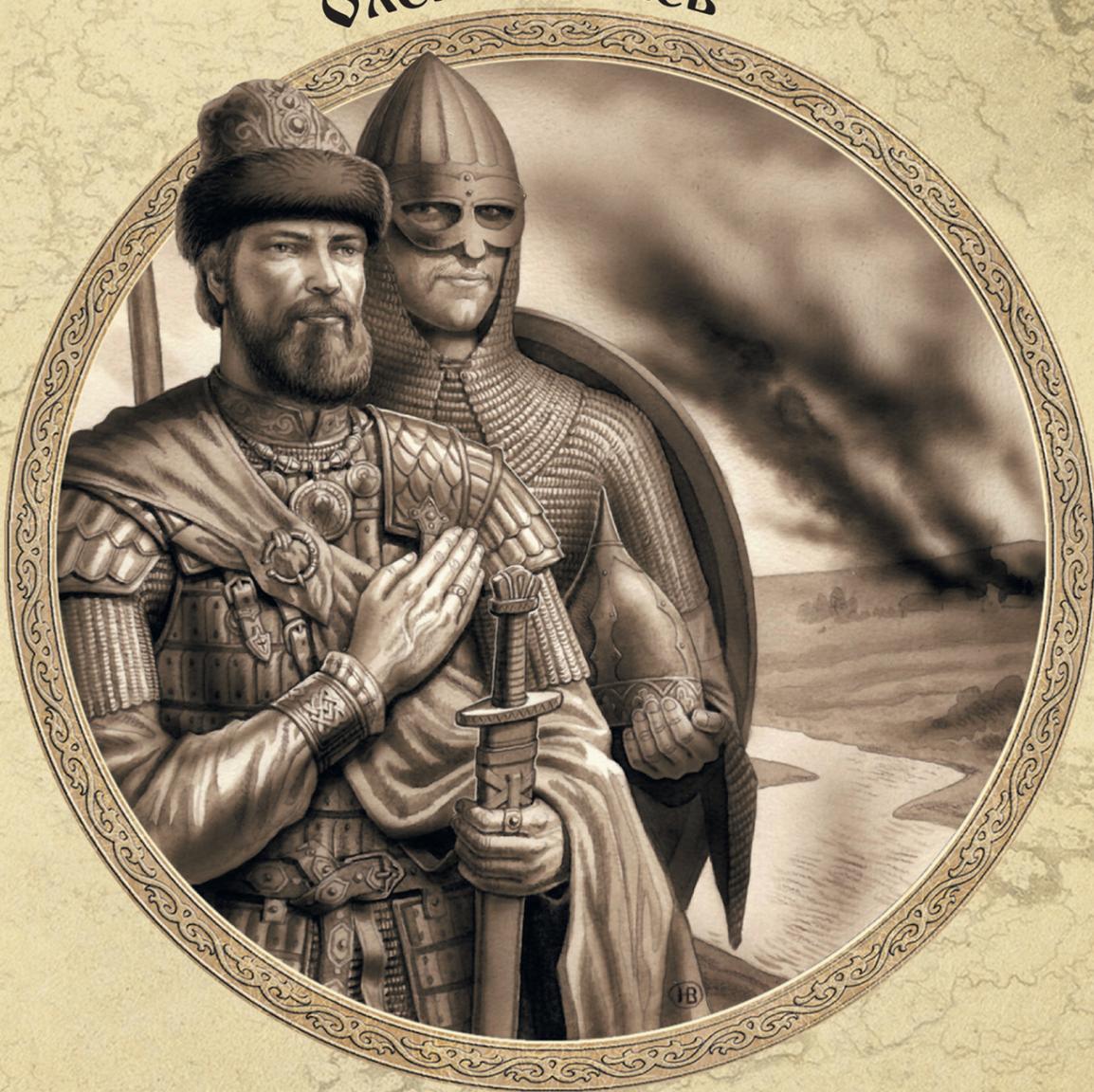

У истоков Руси

ОЛЕГ ЯКОВЛЕВ

ВСЕЙ ЗЕМЛЁЙ ВОЛОДЕТЬ

У истоков Руси

Олег Яковлев

Всей землёй володеть

«ВЕЧЕ»

2019

Яковлев О. И.

Всей землёй владеть / О. И. Яковлев — «ВЕЧЕ», 2019 — (У истоков Руси)

ISBN 978-5-4484-7759-1

Середина XI века. Всеволод, сын Ярослава Мудрого, чёрно завидует своему старшему брату Изяславу. Сказано: «Не возжелай дом ближнего твоего; не желай жену ближнего твоего», но нарушил Всеволод эту заповедь. Возжелал он и братову жену, и престол киевский, который достался Изяславу в наследство от отца. Всеволоду жизнь положить не жалко, чтобы заполучить желаемое, ведь несправедливо, что «дурак Изяслав» всем владеет... Началась братоубийственная распря, но разве оправдывается предательство и убийство стремлением разделить отцовское наследство «по справедливости»?

ISBN 978-5-4484-7759-1

© Яковлев О. И., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Братья	7
Глава 2. Завещание Ярослава	15
Глава 3. Рубиновые серьги	26
Глава 4. Град Переяславль	28
Глава 5. Сделка с совестью	31
Глава 6. Степное пограничье	35
Глава 7. Во вражьем стане	38
Глава 8. Сполохи любви	42
Глава 9. Тайна рождения	44
Глава 10. Подстяга	47
Глава 11. Волнения Владимира	49
Глава 12. Первый поход	51
Глава 13. Обиды и проказы	55
Глава 14. Костры в ночи	62
Глава 15. Резня	64
Глава 16. Сквозь вой пурги	65
Глава 17. В дальнем селе	68
Глава 18. Щель в двери	71
Глава 19. Явление Ростислава	74
Глава 20. Из разных эпох	78
Глава 21. Спасение Тальца	80
Глава 22. Во граде Чернигове	85
Глава 23. Боярин Яровит	87
Глава 24. «На тот берег»	90
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Олег Игоревич Яковлев

Всей землёй володеть

Роман

Пролог

На дощатом, грубо сколоченном столе одиноко мерцает тонкая свеча, обливая тусклым светом углую келью. В полумраке немигающе смотрят с икон лики святых. В глазах их, больших и красивых, читается скорбь, безмолвная, такая, какая бывает у одинокой вдовы или у матери, потерявшей возлюбленного сына.

Седобородый старец-монах, сгорбленный, опирающийся на деревянный посох, тяжело поднимается с упрятого в глубокую нишу ложа.

Горестно вздыхая, подходит он к столу и медленно садится на скамью. Сухие скрюченные персты сжимают перо, шуршат на столе разложенные листы пергамента, низко склоняется над ними седая голова, бескровные иссушённые уста шепчут слова молитвы:

– «Царь Небесный, утешитель Дух истины, везде находящийся и всё наполняющий, источник всякого блага и Податель жизни, приди и поселись в нас, и очисти нас от всякого греха и спаси, Благий, души наши».

Красные воспалённые глаза старца видят плохо, он щурится, длань предательски дрожит. Но вот, преодолевая себя, монах выводит на пергаменте первую букву, вторую. Мерным потоком льются мысли, облекаются в форму букв, слов, рисунков. Старец не ленится, раскрашивает киноварью¹ заставки; подчиняясь его воле, прекращается предательская дрожь в перстах. В заставках и рисунках виден немалый талант. Выходят из-под руки его сказочные птицы, грифоны, львы, крепостные башни, фигуры воинов в шишаках² и кольчугах, вздыбленные кони, ладьи с надутыми парусами.

Ясен мысленный взор летописца. В душе его бурлят, как бешеные морские волны, воспоминания о давно минувших годах. Как наяву, выплывают из глубин памяти лица: молодые и старые, прекрасные и уродливые, полные радости и неуёмного гнева, страха и боли, осветлённые любовью и искажённые ненавистью.

И с тихим скрипом ложатся на лист харатья³ ровные строчки. Взметаются ввысь столбы пожарищ, звенят острые сабли, разрезают воздух стремительные всадники на огненных скакунах, кипят жаркие споры, глухо и тревожно звонят колокола. Жизнь, бурная, как река в половодье, словно вторгается с летописных страниц в утишённый мир монашеской кельи.

Вновь и вновь возникают из мрака прошлого лица, они мелькают перед взором старца, сменяясь в бешеном круговороте. Но вот остаётся одно... Тёмная прядь волос падает из-под шапки с меховой опушкой на смугловатое сухощавое лицо; прямой нос с едва приметной горбинкой; тонкие змеиные губы; карие глаза, исполненные ума и грусти...

– Ты, ты виновен... Паче прочих! – шепчет чуть слышно летописец. – Иные не ведали, что творили. Но ты знал, что и зачем... Всё знал и шёл... По крови. Боже, сколько крови пролито, сколько душ загублено! И ради чего?! Всем володеть!

¹ Киноварь – краска из одноимённого минерала, красного цвета.

² Шишак – остроконечный шлем с гребнем или хвостом.

³ Харатья – пергамент.

Лицо тает, исчезает во мраке, старец читает молитву, отстраняет от себя ставший вдруг таким тяжёлым лист. Окоченевшие персты снова дрожат, медленно разжимаются, перо падает на стол.

Летописец размашисто кладёт десницей⁴ крест и вымученно улыбается. Труд его закончен. Он исполнил замысленное, сделал всё, что хотел и что смог. Много лет, изо дня в день, корпел он над летописью. Теперь можно и на покой.

Старец встаёт, опираясь на посох, и, шаркая непослушными ногами, пошатываясь, скрывается в темноте ниши.

Лениво догорает на столе, оплывает и гаснет одинокая свеча. Келья погружается в непролицаемую кромешную тьму.

⁴ Десница – правая рука. Одесную – справа.

Глава 1. Братья

Год 1053 (6561)

Яркое вешнее солнце вырвалось из-за большого кучевого облака и брызнуло Всеволоду прямо в глаза. Молодой князь зажмурился, по загорелой пыльной его щеке покатились слеза. Смахнув её ладонью, Всеволод порывисто обернулся. Отряд гридней⁵, было отставший, нагоял их с братом. Густая пыль летела из-под копыт резво скачущих коней и клубилась над широким шляхом.

Удостоверившись, что всё с гриднями в порядке, никуда они не делись, Всеволод успокоился и боднями⁶ поторопил своего рослого гнедого скакуна. Стал смотреть вперёд. Вот по левую руку из-за холма, поросшего густой зеленью, как-то резко и неожиданно вынырнула Днепровская прибрежная отмель. Дорога, совершив замысловатый извив, круто пошла вниз к реке. Стали видны качающиеся на голубой искрящейся воде утлые рыбацьи лодчонки.

– Привал учиним, али как? – спросил Всеволода Изяслав.

– Зачем, брате? Уж Киев недалече. – Пожав плечами, Всеволод с лёгкой усмешкой взглянул на мокрое, всё в капельках пота чело старшего брата.

Высокий и полный, с коротко остриженной бородой и широкими, загнутыми книзу усами, Изяслав казался с виду властным и могучим богатырём. Портили всё маленькие плутоватые глазки, которые быстро и с неким затаённым трусливым недоверием бегали из стороны в сторону.

У обочины дороги появились несколько странников-калик в белых посконных⁷ рубахах, с длинными посохами в руках и тощими котомками за плечами. Догадавшись по расшитым золотом и украшенным драгоценными камнями малиновым плащам-корзнам⁸, что перед ними сыновья великого киевского князя Ярослава, они почтительно склонились к земле.

– Здравы будьте, люди добрые. – Всеволод вынул из дорожной сумы пригоршню мелких пенязей и бросил их на дорогу.

Как только всадники проехали, калики, отгалкивая друг друга локтями, ринулись подбирать ярко блестящие посреди дорожной пыли медные монеты. Но Всеволод и Изяслав уже не видели этого. Забыв и про странников, и про пенязи, вели они неторопливый разговор. Говорил в основном Изяслав, Всеволод же больше молчал, хмурился и с явной неохотой вслушивался в слова брата.

Медленно, как тихая, спокойная река, текли в голове его невесёлые думы.

– А Олёнка красна собою, девица в самом соку. Хошь, приведу? Потешись на досуге, – говорил Изяслав, лукаво подмигивая.

Так и хотелось Всеволоду сказать в ответ что-нибудь резкое, обидное, но он усилием воли сдержал себя и лишь с презрением скривил тонкие уста.

«Болтает всякую чепуху! – с недовольством подумал он о старшем брате. – С юных лет славен разве что распутством, ума же – ни на грош. Сколько знаю Изяслава, всё вокруг него непотребные бабы, как мухи, вьются. Иной раз ещё, бывало, волосы и бороду выкрасит в рыжий

⁵ Гридни – категория младших дружинников в Древней Руси. Часто выполняли функции телохранителей при князе.

⁶ Бодни – шпоры.

⁷ Посконный – домотканый.

⁸ Корзно – княжеский плащ, богато украшенный, застёгивавшийся на плече. Был распространён на Руси до монголо-татарского нашествия, во второй половине XIII века вышел из употребления. Существовали лёгкие и тёплые корзна, подбитые мехом.

цвет, свиту⁹ похуже напялит – и бегом из терема. То жён чужих хватать примется, то напьётся в корчме, так что потом уже и идти не может – гридни его волокут в терем. В Турове, а после в Новгороде, куда батюшка сажал его на стол¹⁰, наложниц, рабынь завёл, будто бесермен¹¹. Отец думал, хоть оженится – иным станет. Куда там! Жена, ляшка Гертруда – Елена, сестра князя Казимира, коя родила Изяславу двоих сыновей, верно, уже привыкла к нескончаемым мужниным изменам. Лишь усмехается грустно, услышав очередной рассказ о похождениях беспутного супруга. Нячнется со своими мальцами – Мстиславом и Святополком. Со мною, когда гостил зимой в Новгороде, держалась просто, была добра и ласкова. Учил её читать и писать кириллическим письмом. Схватывала всё налету, быстро и крепко. Умна, ничего не скажешь. Подарил ей серёжки с багровыми самоцветами, так радовалась, как ребёнок малый. Показывала украшенную миниатюрами псалтирь, говорила: вшивает в неё свои собственные молитвы Богу, Богоматери и святой равноапостольной Елене. С виду она жёнка пригожая – пышногруда, белолица»...

Всеволод тяжело вздохнул. Нет, никогда не влекло его в корчму, не любил он пиров, остерегался и пьянства, и блуда.

«Душа человечья от того гибнет», – наставлял его в детстве Иларион, пресвитер¹² церкви в Берестове¹³, ныне возведённый отцом, князем Ярославом, в митрополиты¹⁴.

Любимый учитель! По лицу Всеволода при воспоминании об Иларионе пробежала улыбка. Сколько же не виделись? Полгода? Нет, больше. Ещё зимой отъехал он из Киева на полюдь¹⁵ в дальнее Залесье, торопился, чтоб успеть оттуда в Новгород до вешней распутицы.

«Как приеду в Киев, первым делом – к нему, – решил было Всеволод, но тотчас же передумал. – Нет, сперва к отцу. Хворает он».

При мысли об отце молодой князь сокрушённо качнул головой. Стар отец и болен. Неро-вен час, помрёт. Тогда и подумать страшно, что створиться может. Как бы тучи чёрные не затянули небо. Кто в Киеве на стол сядет? Изяслав? Ведь как-то обмолвился отец, что хочет ряд¹⁶ утвердить, восхождение лествичное, чтоб не было меж князьями усобиц. Стол великий – старшему в роду. А коли так, то Изяславов черёд в Киеве княжить. Ну и ужель сможет он – степных разбойников, торков¹⁷, отогнать, волю свою показать, сильным стать – как отец, дед, прадед?! Куда там! И мыслить о таком смешно. Ведь глуп, ничтожен! Не раз говаривал Изяславу батюшка с укором: «Ох, и дурень же! Вон сколь статен и красен, а ума нет!»

А вот если бы ему, Всеволоду, достался киевский «злат стол»? Готов ли он взвалить на свои плечи эту тяжкую ношу?

Всеволоду казалось, что готов, и вполне. Изяслава он не боялся, за такого князя ни дружина, ни бояре стоять не будут. Опасался другого брата, Святослава, который сидит теперь на Волыни. Этот наберёт себе верных людей, за ним пойдут, он и умён, и твёрд, да и на рати, в бою уже доблесть и отвагу свою выказал. Но самое страшное – честолюбив Святослав без меры.

⁹ Свита – длинная верхняя одежда на Руси.

¹⁰ Стол – здесь: княжеский престол. «Стол» в значении «престол» обычно употребляется в переносном смысле.

¹¹ Бесермен (*ст.-русск.*) – мусульманин.

¹² Пресвитер – священник.

¹³ Берестово – княжеское село под Киевом.

¹⁴ Митрополит – глава Русской церкви в X–XVI веках. До XV века обычно назначался или утверждался константинопольским патриархом. В домонгольское время митрополитами были преимущественно греки.

¹⁵ Полюдь – выезд князя для сбора дани в подвластные ему области.

¹⁶ Ряд (*др.-рус.*) – договор, порядок.

¹⁷ Торки – кочевые тюркоязычные племена, впервые упоминаются в русских летописях в 985 году как союзники киевского князя Владимира Святославича. С XI века жили в причерноморских степях, совершали опустошительные набеги на русские земли. В XII веке эти племена известны в летописях под названием *ковуев* или *чёрных клобуков*.

Такого гордеца непрестанно удерживать от греха и одёргивать надо. Мнит он себя великим правителем и воином, ничьих советов не слушает, всё как ему вздумается, один решает.

Но нет, не видать Всеволоду великого стола – лишь третий он по старшинству в княжьей семье сын после Изяслава и Святослава. Был ещё у них один брат старший, Владимир, да умер год назад в Новгороде, сына оставив, Ростислава. Ещё два брата, Вячеслав и Игорь, и вовсе отроки, но и им, как и старшим, непременно даст отец в удел волости.

Его, Всеволода, Ярослав любил более остальных сыновей, ибо по душе великому князю была книжная грамота, а в грамоте и языках Всеволод с малых лет превосходил всех братьев и сверстников.

Сперва легко, без особого труда, познал греческий, затем осилил латынь. Любимым занятием его было учить языки. Откроет, бывало, книгу с непонятными словесами, тычет перстом и вопрошает учителей: «А это какое слово? А это что значит?»

Учителя улыбались, хвалили его, а Ярослав, слыша их хвалу, гордился сыном.

Покойная мать, княгиня Ингигерда – Ирина, обучила Всеволода говорить и писать по-свейски¹⁸. Потом, когда бежали на Русь из Угрии¹⁹ два королевича, Андраш и Левента, с их помощью усвоил Всеволод угорский язык, а ещё позднее от одного печенега²⁰, который был взят князем Ярославом в полон во время жаркой схватки под киевскими стенами и определён княжичу в челядинцы²¹, научился и печенежской молви. Отец, не нарадуясь успехами сына, бывало, гладил Всеволода по голове и с улыбкой называл его: «Чудушко ты моё пятиязычное!»

У матери в свите служило немало свеев, её соотечественников. Один из них, ярл Регнвальд, много лет занимал место посадника²² в Ладоге – городе-крепости неподалёку от Новгорода, близ берегов озера Нево. В детстве Всеволоду не раз вместе с матерью-княгиней случалось бывать в этой старинной, обнесённой мощными укреплениями цитадели, слушать и вникать в свейскую молвь, учиться понимать доселе неведомые слова и выражения.

Вообще, в Новгороде княжеская семья жила подолгу, ибо в Южной Руси в ту пору одна за другой вспыхивали косящие люд войны. Князь Ярослав то ратился, то мирился со своим единокровным братом Мстиславом Храбрым²³, которому вынужден был уступить Чернигов и всё Днепровское Левобережье. Только после смерти бездетного Мстислава, а произошло это событие, когда Всеволоду исполнилось шесть лет, маленький княжич с матерью, братьями и сёстрами окончательно перебрался в стольный Киев. Но и после многожды доводилось ему бывать на севере Руси. Связи со свями сохранялись у Ярослава и его сыновей ещё немало лет, вот и прозвище своё – Хольти, неведомо кем, когда и за какие заслуги данное, получил от них молодой Всеволод. Под именем этим вошёл он в знаменитые скандинавские саги. «Князь Хольти» – так зачастую называла его покойная мать, а порой и новгородцы. «Хольти» – означало что-то вроде «сильный», «смелый», и закрепилось лестное сие и странное прозвище за Всеволодом как-то неожиданно-негаданно. Даже Гертруда, и та, когда гостил он недавно у брата в Новом Городе, порой обращалась к нему так. При этом серые глаза молодой польки светились лукавинкой, она тихонько посмеивалась, прикрывая ладонью рот.

При воспоминании о Гертруде Всеволод снова грустно вздохнул. Увы, не его доля – быть рядом с этой яркой красивой жёнкой.

Ни охоты, ни пиры, ни рати не были особенно по душе юному княжичу, хотя приходилось часто и выходить с братьями на зверя, – негоже было отставать от других, – и принимать

¹⁸ По-свейски – по-шведски.

¹⁹ Угрия, Угорская земля – Венгрия. Угры – венгры.

²⁰ Печенеги – союз тюркоязычных кочевых племён, сложившийся предположительно в VIII–IX веках. В XI веке западные кочевья печенегов были разгромлены Киевской Русью.

²¹ Челядинец – слуга.

²² Посадник – в Древней Руси наместник князя.

²³ Мстислав Храбрый (ум. 1036) – князь Тмутараканский, с 1023 года – князь Черниговский, сын Владимира Святославича.

участие в пирах, – никуда не денешься: то послы приедут, то праздник какой. Князь всегда щедрость и милость являть должен, и нужно, чтоб подданные уважали его, чтоб видели его бояре и дружинники непрестанно пред собой, – вот он, князь наш! Славен вельми, на ловах²⁴ вместе с нами, в походах рядом со всеми, все тяготы делит, и на пиру от нас не отделяется, пьёт, ест то же, что и мы, здравицы говорит. Только так можно заслужить уважение. Удалишься же, укроешься от людей в тереме, будешь лишь рассылать всюду гонцов с повелениями – так и власть над людьми потерять можно, ненависть посеешь в души их, злобу, зависть.

Всеволод отвлекся от размышлений и посмотрел на брата.

– Вборзе²⁵ в Киеве будем, – сказал, взглядываясь вдаль, Изяслав. – Тамо в стольном тож разных жёнок хватает. Марфу знаешь, воеводу жену? Млада, красна.

– Да хватит тебе, надоел со своими бабами! – гневно перебил его Всеволод, но, заметив, что брат недоволено сдвинул брови, тотчас с досадой в голосе вымолвил:

– Ну да не серчай. То так, с языка сорвалось. Ты вот скажи мне лучше, много ли у тебя язычников в Новгородской земле?

– Да где уж «много»?!. Которые и были, в леса схоронились. Дружина моя вборзе мечами их разогнала.

– Мечами? – поморщился Всеволод. – От мечей ещё сильнее озлобятся. Нет, брат, их Словом Божьим просвещать надо. Вот митрополит Иларион правильно глаголет: следует нам поболее иметь просветителей. Ходили бы они из деревни в деревню, из города в город с заповедями Господними на устах. Иначе не приемлют, не проникнутся люди верой Христовой.

– Молвить сей Иларион леп! – с раздражением возразил Изяслав. – Да не все этикие умники. Что простолюдинам словеса ваши?

– Невежество, брат, от лености нашей русской, что в душах у людей, а не от ума исходит, – покачал головой Всеволод. – Любой смерд²⁶ или людин²⁷ может грамоте обучиться, если терпение и желание у него будут. На Руси, слава Господу, учёных людей хватает, есть кому народ грамоте выучить.

Изяслав, недоволено хмурясь, поспешил перевести разговор на другое.

– Марья-то твоя, бают²⁸, робёнка сожидает? – неожиданно спросил он. – Правда ль?

Всеволод нехотя ответил:

– В тягости она. Что в этом дивного, брат? Молю Бога, чтобы сын был. Дочь не хочу, не к чему.

– Почто тако? – не унимался Изяслав.

Всеволод, прикусив губу и жалея о сказанном, лишь пожал в ответ плечами. Перед мысленным взором его возник лик юной супруги, дочери ромейского базилевса²⁹ Константина Мономаха, того, что называет себя автократом³⁰. Едва минуло ему шестнадцать лет, когда отец женил его на Марии. Маленькая рыженькая голубоглазая девочка, такая чужая и далёкая от всех них, приехавшая совсем из другого мира, из-за моря, не красавица, но и не урод, из кожи вон лезшая, только бы казаться надменной, напыщенной, высокомерной, а на деле смешная и глупая – нет, Всеволод никогда не любил её. Пусть она ромейская царица, пусть она молода, чиста, пусть высокородна, но не такую жену хотел иметь двадцатитрёхлетний князь. А

²⁴ Лов – охота.

²⁵ Вборзе – быстро, скоро.

²⁶ Смерды – категория феодально зависимого населения в Древней Руси. О смердах мало что известно. Видимо, это узкая социальная группа, тесно связанная непосредственно с князем.

²⁷ Людины – основная часть населения Киевской Руси в IX–XII веках, свободные общинники. Их зависимость от феодалов заключалась в уплате дани.

²⁸ Баить, баять – говорить.

²⁹ Базилевс – титул византийского императора. Ромея – Византия.

³⁰ Автократор (*греч.*) – самодержец.

вот о сыне мечталось, было бы приятно осознавать: сын – это плоть от плоти его, его продолжение на земле, в сущности – это словно бы он сам.

...Солнце поднималось всё выше, становилось жарко, уста пересохли и запеклись.

– Экая жара! Пить хочется. – Всеволод потянулся за флягой с водой, висевшей на поясе.

Живительная влага мгновенно придала сил. Жадно попив и ополоснув лицо, он передал сосуд брату. Прозрачные водяные струйки побежали по сухощавому обветренному лицу молодого князя.

– Скорее давай поедем, – обратился он к Изяславу. – Может, Мария родила уже. Пора как будто.

Братья поторопили коней...

Оба они не были в Киеве более полугода – Всеволод ездил на полюдь в Ростовский край, а Изяслав обретался в Новгороде, куда отец послал его наместником после смерти своего старшего сына, Владимира, – и потому, как только показался впереди родной, близкий им с детства город, души их наполнились радостным трепетом.

– Поглянь, брате, на Подоле-то³¹ божницы каковы! – воскликнул Изяслав, указывая на две одноглавые, выложенные из плинфы³² розовые церквушки с крытыми свинцом куполами, нарядно высившиеся рядом с вечевой площадью³³. – Экая краса! В последнее лето, видать, ставили их!

Изяслава отличала тяга к зодчим и живописцам. Если Всеволод проводил время за книгами или в беседах с учёными людьми, то он любил подолгу бывать в церквах, слушать сладкозвучное пение, взирать на иконы. Когда возводили в Киеве новые церкви, отрока Изяслава было не оторвать от иконописцев, он с любопытством смотрел, как кладётся мусия³⁴, как из-под кисти мастера выходят лики святых, ангелов, Богоматери. Нравилась ему неторопливость, основательность живописцев, он и сам попробовал было рисовать фрески, но мать, всегда сердитая, строгая ко своим сыновьям, запретила ему заниматься этим неподходящим для князя делом. Тогда Изяслав поклялся, что если когда-нибудь Господь сподобит ему сесть на стол в Киеве, то он понастроит здесь столько церквей, сколько нет ни в одном городе на свете.

Обычно князя въезжали в Киев через Золотые ворота – это были главные, парадные ворота города. Но сейчас братья настолько соскучились по стольному, настолько сильно захотелось им посмотреть на него, что, не сговариваясь, пустили они коней через Подол.

На Подоле, в нижней, укреплённой лишь деревянным тыном части Киева, жили ремесленники и купцы. В центре Подола, на торгу, царило оживление, толпился народ, слышались ругань и громкие оклики купцов, которые наперебой расхваливали свои товары. На княжьих сыновей почти не обращали внимания – так, скользнут глазами, узрят дорогие корзна с фибулами³⁵ – и в сторону, подальше.

– Неприветлив люд, – сказал Изяслав брату.

– А кто мы им? – усмехнулся в ответ Всеволод. – Ну, проедем и проедем. Узнают, так узнают, нет – и не надо.

«Лучше бы узнавали. Меня – не Изяслава, – подумалось ему вдруг. – И не только узнавали – любили бы, привечали. Люд – сила великая. Коли подымутся, пойдут против князя – полетит он со стола».

³¹ Подол – то же, что посад, торгово-ремесленный район в древнерусских городах, как правило, слабо укрепленный или совсем незащищенный.

³² Плинфа – в древнерусском домонгольском зодчестве тонкий обожженный кирпич, часто квадратной формы, ширина которого примерно равнялась длине.

³³ Площадь, где проводилось вече. Вече – народное собрание в Древней Руси.

³⁴ Мусия – мозаика.

³⁵ Фибула – застёжка.

По правую руку от молодых князей возвышались три вытянутые в одну линию горы – словно былинные богатыри, окаймляли они Подол. Зелёный лес покрывал их крутые обрывистые склоны, местами отступая, обнажая каменистые или песчаные проплешины, а то нависая, подходя к самым домам, словно бы стремясь поглотить в тёмной массе своей неуступчивую горделивую русскую столицу. Но город ширился, рос, и страшный лес с его чёрными непроходимыми пушами, как зверь, огрызаясь, уходил всё дальше от подножий гор.

Всеволод глянул вправо, живо представив себе, как где-то там, на самой дальней, Лысой Горе, или Хоревице, ещё каких-нибудь семь десятков лет назад курились дымки жертвенных костров, высились деревянные, грубо вырубленные топором идолы, и косматые седые волхвы взывали к грозным богам, моля об обильном урожае, о дожде в засушливое лето, о победе над врагом.

Но прошла, отхлынула, исчезла, провалилась в небытие жестокая и наивная пора язычества.

Вон хорошо видна освещённая солнцем обнажённая вершина Хоревицы, раньше наводившая на него, ещё ребёнка, страхи своей таинственностью и неизведанностью, а теперь кажущаяся по-доброму смешной, глупой даже.

– Помнишь, брат, как мы с тобой и Святославом на Лысую Гору ходили? – ещё раз посмотрев в сторону Хоревицы, спросил Всеволод. На лице его промелькнула улыбка. – Боялись, что ведьмы и колдуны там водятся. Помню: сидим в лесу, едва дышим, все от страха дрожим.

Изяслав молча кивнул.

Между горами виднелись поросшие густой зеленью овраги и урочища, с давних пор облюбованные киевскими ремесленниками – гончарами и кожемяками.

– Доброе место сии гончары выбрали, – указал Изяслав. – Ведали, где избы ставить. Токмо поглянь, дым экий из труб валит. Аж противно! Всё своей вонью портят, простолудины!

– Напрасно, брат, к людям придираешься, – возразил ему Всеволод. – Каждый как может живёт.

«И вот ему (ему!) – великий стол! Эх, отче, отче! – Всеволоду хотелось броситься на землю и разрыдаться от отчаяния. – Ну почему не я?! Почему Изяслав старший?! О, Боже, Боже! Как несправедливо устроен мир!»

Братья поднялись по Боричеву увозу – пыльной дороге, вьющейся змейкой по склону, проехали через Подольские ворота в старую часть княжеского детинца³⁶, ту, которая строилась ещё при Владимире Крестителе, миновали другие ворота – Софийские, и остановили коней возле каменного княжьего терема с большими, забранными слюдой окнами и резными башнями, горделиво возвышающимися по краям и посередине. Изузоренные расписные кровли и верха башен отливали золотом.

Навстречу князьям спешили в радостном возбуждении челядинцы.

– С сыночком тя³⁷, княже Всеволод! – неслось отовсюду.

Из бабинца³⁸ служанки вынесли на крутое крыльцо маленький, жалобно попискивающий свёрток, обёрнутый пуховым одеяльцем.

Всеволод ошалело принял ребёнка на руки.

«Господи, сын!» – Тут только дошло до него.

Князь бережно прижал младенца к груди.

– Сынок! Владимиром тебя нареку, – прошептал он. – В честь деда моего, Крестителя Руси. И будь ты делами своими достоин имени своего!

³⁶ Детинец – укреплённая часть древнерусского города, то же, что кремль или кром.

³⁷ Тя (др.-рус.) – тебя.

³⁸ Бабинiec (др.-рус.) – женская часть дома.

Всеволод осторожно прикоснулся устами к челу ребёнка.

* * *

Обнесённый высокой стеной, величественно раскинулся по соседству с собором Святой Софии каменный дворец митрополита. Крутые мраморные ступени вели в просторные возвышенные сени³⁹, светлые длинные переходы и хороводы гульбищ⁴⁰ выводили в широкие, богато убранные горницы.

Привычно суетилась на дворе челядь. Всеволода с поклонами встречали монахи в чёрных рясах и куколях⁴¹, он рассеянно кивал им в ответ, торопливо подымаясь по лестнице.

Иларион, в шёлковой лиловой рясе и клобуке с окрылиями, сухой, высокого роста, довольно ещё молодой – было ему на вид около сорока пяти лет – встретил молодого князя возле сеней. Он протянул Всеволоду для целования золотой наперсный крест, затем обхватил его за шею, прижал к себе и со слезами радости в бесхитростных серых глазах, исполненных живого ума и тихой ласковой доброты, дрожащим голосом вымолвил:

– Всеволод!

– Я, отче, – отозвался Всеволод, краснея от смущения. Он не ожидал от обычно строгого с ним митрополита таких страстных лобзаний.

– Ну, пойдём ко мне, – пригласил его следовать за собой Иларион. – Расскажешь, как в Ростове, что видал, что слышал.

Они проследовали в покой, богато украшенный иконами греческого письма в дорогих окладах и щедро освещённый множеством свечей.

Сев на обитую парчой скамью, Всеволод, вздохнув, начал свой рассказ:

– Вроде, отче, тихо всё, спокойно. И в Ростове, и в Суздале. Но коли приглядеться, тревожно на душе становится.

– Почто тако? – взволнованно нахмурился Иларион. – Ну, сказывай же, сказывай вборзе!

– Волхвы повсюду неведомо откуда являются, крамольные речи ведут. Бояре лихоимствуют, никакой управы на них нет. Земли себе понахватали, дружинами обзаводятся, людинов кабалят. Думается, в скором времени не нужны мы им станем. Захотят бояре власти. Князем слабым, как куклой, вертеть будут, князя же сильного не потерпят. Не знаю, как и перемочь⁴² силу боярскую. Кабы отец не так стар и болен был, сумели бы бояр в узде удержать. А вот умрёт он если... Изяслав ведь – слаб, глуп.

– Рази ж можно тако о брате родном, Всеволод? – качая головой, пристыдил его Иларион. – Мне вот, по правде говоря, тож не по нраву, как живёт он. Окромья⁴³ баб любимых, ни о ком заботы не имеет. Говорил ему, наставлял – не внемлет. Гневлив становится. Гляжу, в очах – злоба. Ненавидит он меня. Другой же брат твой, Святослав, всё к ромеям льнёт. Вечно на дворе у него патриции⁴⁴ ромейские толкутся. Негоже тако. Нельзя ромеям потакать.

– Но ведь, отче, с ромеями нам нужен мир. Единоверцы, по моему разумению, должны в дружбе жить. Вон сколько присылают к нам ромеи живописцев, зодчих, мастеров разных – всё то Руси в помощь.

³⁹ Сени – отдельная постройка на столбах или подклете, связанная с теремом висячими переходами.

⁴⁰ Гульбище – открытая галерея со столпами и колоннами в княжеских или боярских хоромаш; балкон, терраса для прогулок и пиров.

⁴¹ Куколь – монашеский головной покров в виде капюшона.

⁴² Перемочь – победить. Перемога – победа.

⁴³ Окромья – кроме.

⁴⁴ Патриций – в Византии высший придворный чин.

– Помощь?! Мир?! Дружба?! – вдруг вспылл Иларион. – А ты почитай-ка, что они о нас, о руссах, пишут! Нечестивцы! – Он схватил лежащий на столе пергаментный свиток, с хрустом развернул его и в гневе прочёл: – «Это варварское племя всегда питало яростную и бешеную ненависть против греческой игемонии; при каждом удобном случае изобретая то или иное обвинение, они создавали из него предлог для войны с нами». Не кто иной, но Михаил Пселл⁴⁵ се пишет, княже. Вдумайся: «Варварское племя!» Духовно поработить нас хошут! Не выйдет!

Митрополит с яростью отшвырнул в сторону свиток и стукнул посохом по полу.

– Изяслав, коли сядет в Киеве, знаю, снимет меня, – жестом руки остановив готового возразить Всеволода, спокойно продолжил он. – Заместо меня грека поставит. Но грекам потакать сей князь не будет. Он, скорей, наоборот, на римского папу глядеть почнёт. Жена вон у него латынянка. Вот Святослав, тот неведомо как себя поведёт. Око пристальное за ним надобно. Про бояр ты баил? Скажу тако: надобно власть княжую в Залесье крепить. Не токмо посадников да тиунов⁴⁶ – мнихов⁴⁷, иереев⁴⁸ посылай туда.

– Знаю об этом, святой отец. Посылаю уже.

– Ну вот и лепо. – По лицу митрополита скользнула мягкая улыбка. – Трудная ныне грядёт пора, чадо. Но ты, Всеволод, поверь уж мне, старцу, своё возьмёшь. Сердце чует. Любимый ты был у меня ученик – в тебя, в разум твой верую я.

– Пойду я, отче. – Смущённый последними словами митрополита молодой князь торопливо поднялся со скамьи.

Он ценил Илариона, уважал его, ибо тот был человеком, взрастившим его духовно. И хотя вёл споры митрополит всегда гневно, был запальчив, часто взрывался, мог накричать, что совсем не подобало священнику, Всеволод испытывал к нему одни только добрые чувства, восхищался его умом и благодарил Бога за то, что тот даровал ему такого мудрого наставника.

– Что ж, ступай, – улыбнулся Иларион и на прощание перекрестил питомца.

Ещё немного растерянный, не осмысливший до конца всего, что говорил митрополит, молодой князь вернулся к себе в терем. В ту ночь он долго не ложился и всё ходил в полумраке, глядя в темноту и размышляя о будущем, о том, что может и должно случиться на Руси, если умрёт отец.

⁴⁵ Пселл, Михаил (1018 – ок. 1078 или ок. 1096) – византийский политический деятель, писатель, учёный, философ.

⁴⁶ Тиун – сборщик дани. По социальному положению относился к холопам.

⁴⁷ Мних (др.-рус.) – монах.

⁴⁸ Иерей – священник.

Глава 2. Завещание Ярослава

Старый князь Ярослав чувствовал, что доживает последние дни. Вся жизнь, полная опасностей, побед, поражений, великих свершений и замыслов, незримо представлялась ему, и едва стоило закрыть глаза, как, словно из тумана, выплывали перед ним образы давно умерших людей.

Вот отец, князь Владимир Святославич, Красное Солнышко, Креститель, его холодные, беспощадные серые глаза, в которых читается железная воля, упрямство, уверенность.

На чём зиждется величие державы? Предки – деды, прадеды – полагали, на крепости меча, на силе. С мечом ходили на непокорные племена, лили потоки крови, уничтожали ради призрачной мечты о единении человечья жизни. Олег Вещий, Игорь, Святослав – сколько ратных трудов свершили они, создавая огромную славянскую державу, которая раскинулась ныне на сотни вёрст от Двины до берегов Понта, от Карпат до Волги, сколь великое множество раз они усмиряли, покоряли, подчиняли чужую волю воле своей! Какие только правители, из каких только земель искали у них союза, покровительства, помощи! Но что значит величие, добытое мечом, кровью, убийством?! Отец первым понял: одной тупой силой не удержать людей в единой руке. Неизбежно в душах их подымется ненависть к насильникам, начнутся встани⁴⁹, бунты, и наступит рано или поздно час, когда не останется силы, чтобы сохранить державу. Сколько было примеров – древние деспотии, Рим, империя франков, Великая Моравия.

Значит, нужен иной путь. Сплотить людей, полагал князь Владимир, должна вера. Всегда скорый на руку, отец никогда ни в чём не сомневался, не колебался, шёл вперёд твёрдо и уверенно, но это было дело, которое определяло судьбы Руси, будущее многих поколений, и торопиться здесь никак было нельзя. Поначалу отец склонялся к старой вере, ставил повсюду идолов, потом сам тайно принял христианство, и лишь много позже, спустя несколько лет, решился наконец крестить Русь.

Ярослав глухо застонал. Лица отца он уже не видел. Только глаза его, жестокие, упрямые, всё стояли перед ним, застывшие, немигающие, словно говорили они, напоминали: «Вот, Ярославе, и твой час пробил».

– Отче, отче! Ответь мне: могут ли сила и вера сохранить на века единение державы? Молчишь... А я скажу тебе, – тихо шептал старый князь. – Нет, мало этого. Вера прививается не за день, не за два, не за сто лет даже. Меч же порождает ненависть, как кровь порождает кровь. Это ты уразумел. Уразумел и я. Когда волхвов в Суздале повесить велел, неотступно о том помнил.

Но, помимо веры, нужно ещё иное – просвещение, цель и закон. Без этого даже самая великая и могучая держава рассыпается в прах. Он, Ярослав, всю жизнь без устали просвещал людей, создавал в городах школы, даже для бедноты, собирал книги, призывал из Ромеи учёных богословов. У себя в Киеве устроил он библиотеку, в которой хранилась без малого тысяча драгоценных свитков и редкостных книг в тяжёлых, богато украшенных окладах. Просвещение, думалось Ярославу, должно убить в людях злобу, ненависть к ближнему, должно сделать их лучше. Но просвещение невозможно без красоты – человек, не видя красоты, не потянется к книгам, не захочет знать грамоты; красота же невозможна без Бога.

Долгое время казалось Ярославу: что-то он тут недопонимает, что-то недоделывает. Наконец, додумался он выстроить в Киеве собор, подобный Константинопольской Софии. Возвели зодчие диво дивное, розовое, с покрытыми свинцом куполами, поражающее взор красками. Столь великий храм, каким стал Софийский собор, полагал Ярослав, будет гордостью

⁴⁹ Встань (*др.-рус.*) – бунт, восстание.

всей Руси и смягчит ожесточение сердец. Глядя на него, люди ощутят свою причастность к этой красе, почувствуют себя единым народом.

Но, кроме просвещения, красоты, веры, нужно единство цели – только оно может крепко сплотить люд. Много воевал Ярослав с братьями и племянниками, изведаль и радость славных побед, и горечь тяжких неудач, не раз приходилось ему подавлять бунты непокорных людинов, но когда вырастала перед Русью опасность – будь то печенеги, торки, нурманы⁵⁰ или ляхи⁵¹ – народ вставал воедино: простолюдины забывали ненависть к боярам, бояре – страх перед беднотой, князья – свои распри. Так цель объединяет людей. Но как обрести эту цель? Какая может быть иная единая цель, кроме отпора нашествиям иноплеменных? Ярослав не знал.

С годами уяснил он себе ещё одну истину: держава не существует без закона. Закон, если ему следовать, способен удержать многих людей от греха, уладить миром споры, установить справедливость. Но никакой закон, сколь бы ни был он хорош, не сможет удовлетворить всех. Вот он, Ярослав, создал свою «Русскую Правду», а всем ли она по нраву? Конечно, нет. Обязательно сыщется тот, кто захочет закон обойти. Так и ряд – порядок наследования, который хотел теперь он, Ярослав, установить, не всем придётся по душе. И тогда... Сыны, как волки лютые! Князь беспокойно заёрзал в кресле.

Вспомнилось ему давнее грозное лето 6523 от Сотворения мира⁵². Страшный, самый страшный год его многотрудной жизни. Умирает отец, столь неожиданно, что вся Русь в смятении. Он не оставил завещания, и они, двенадцать сыновей, вступили в кровавую свару. Как живые, предстают перед старым Ярославом единокровные братья Борис и Глеб, убитые Окаянным Святополком, их чистые, юные лица, наивные, полные жизни. И вдруг... Вот они оба в гробах. Ярослав прослезился.

Он чтит память братьев, добился признания их святыми, создал церковь в Вышгороде⁵³ в их честь. Родство со святыми призвано было, по его мысли, укрепить княжескую власть и помочь ему возродить и умножить славу предков.

Кажется, труды не пропали даром. Слава Всевышнему, Русь стоит. Но вот из тумана выплывает лицо внучатого племянничка, Всеславушки, хищным огнём пылают его наглые очи, он закладывает пальцы и хриплым голосом говорит:

– Витебск⁵⁴ – раз. Усвятский волок⁵⁵ – два, Полотеск⁵⁶ – три, Меньск⁵⁷ – четыре. Се – моё! И то моё же!

И отделился, супостат. Собор в Полоцке отгрохал – Киевской Софии не уступит. И что с ним делать, с проклятым крамольником?!

Ярослав снова глухо застонал. Представился ему внезапно большой отрез фиолетового ромейского аксамита⁵⁸, на котором сверкали золотом гривастые львы и птицы в круглых медальонах. Аксамит этот хочет он взять в руки, но едва успевает ухватиться, как неведомо откуда появляются Всеслав со своим покойным батюшкой Брячиславом (тоже был коромольник, здорово побил его Ярослав единожды на Судомири⁵⁹ под Плесковом!), жадными ручищами потя-

⁵⁰ Нурманы (нурманны, норманны) – так на Руси называли жителей Скандинавии.

⁵¹ Ляхи – поляки.

⁵² 1015 год н. э.

⁵³ Вышгород – город на Днепре, к северу от Киева.

⁵⁴ Витебск – город на северо-востоке современной Белоруссии, на реке Западная Двина.

⁵⁵ Усвятский волок – часть бассейна реки Западная Двина, отрезок одного из маршрутов пути «из варяг в греки».

⁵⁶ Полотеск (Полоцк) – город в северной Белоруссии, на Западной Двине. Впервые упомянут в летописи под 862 годом. До XIV века – столица Полоцкого княжества.

⁵⁷ Меньск – город на реке Свислочь, близ современного Минска.

⁵⁸ Аксамит (или гексамит) – дорогая узорная византийская ткань сложного плетения с золотой нитью, род бархата. Обычно синего или фиолетового цвета, с круглыми медальонами, изображающими львов и грифонов.

⁵⁹ Судомири (Судома) – река в Псковской области, приток Шелони.

нулись они к дорогой ткани, схватили, стали тянуть к себе. Ярослав в гневе рванул аксамит на себя, и... легко, будто пуховая, порвалась драгоценная ткань. И тут же подумалось: вовсе не ромейский аксамит это, это – сама земля Русская, его держава, кою он холил и лелеял без малого четыре десятка лет.

Старый князь встряхнулся, закрыл лицо руками, отогнал мрачные видения и стал думать о своём завещании.

Составленное заблаговременно, покоится оно под замком в ларце, и ни одна душа пока не ведаёт, что писано в нём. Но мозг старого Ярослава сверлит беспокойная мысль: «Вдруг не внемлют?! Нет, только бы не так! Только крови бы не пролили!.. Сыны, один на другого! Господи, не допусти! Не дай им сгубить друг дружку!.. Всеволод, любимец мой! Пойми, иначе я не мог! Стол великий – старшему в роду! Так заведено, раз и навсегда. Старшему, ибо таков завещанный мною вам ряд. Эх, Владимир, надежда моя! Зачем, Бог, отнял ты у меня первенца?! Видно, грешен аз! Изяслав – не то. Святослав? Да нет, тоже не то. Даже Всеволод не такой. А Вячеслав, Игорь – те и подавно... Господь милостив. Отнял у меня одного Владимира, зато подарил другого – крохотного внука – младенца».

Вдруг почудилось Ярославу: как раз этот младенец, носящий имя умершего старшего сына, и есть будущее Руси, он – её надежда. Старый князь, сам не зная почему, но успокоился.

«Да, а ведь верно», – подумал он и с тяжёлым старческим вздохом откинул голову на обитую синим бархатом спинку кресла. Подоспевшие холопы⁶⁰ бережно подхватили князя под руки и повели в опочивальню.

* * *

В киевском великокняжеском дворце – тишина и покой. Редкий челядин едва слышно проскользнёт через галерею с резными столпами и скроется в одном из тьмочисленных тёмных переходов, убогий монашек прошелестит долгой рясой, холопка прошмыгнёт в бабинец, оружный⁶¹ ратник у дверей кашлянёт, разглаживая усы.

Уныло, пустынно в горницах дворца. Разъехались кто куда княжьи сыновья, ускакали с поручениями в волости отроки⁶². В тоскливом, гнетущем душу одиночестве сидит в палате старый Ярослав, седая борода вьётся непослушными колечками, на поредевший лоб падает жидкая прядь некогда густых волос.

Топот детских шажков слышится за дверями, хрипловатый женский голос несётся вослед:

– Куда, княжич! Не мочно⁶³ туда.

Ярослав вымученно улыбается, встаёт с мягкого кресла и, тяжело ступая, сам открывает высокие двери.

Худощавый мальчик лет трёх, темноволосый, с большими чёрными глазами, смуглолицый, проворно хватает ручонками дедову ладонь. Долгая белая сряда⁶⁴ мальчика, шитая из добротного сукна, перетянута узорчатым пояском, ноги обуты в короткие сапожки.

Они идут в палату, дед сажает внука к себе на колени.

– Почитай мне, – просит малыш. – Аль сказку скажи.

⁶⁰ Холоп – категория населения на Руси. Обельные (полные) холопы – рабы, основным источником их происхождения был плен. Они чаще всего использовались как слуги. Необельные холопы, или закупы, – феодально зависимые крестьяне, попавшие в кабалу за долги и юридически могущие освободиться от зависимости, выплатив купу, то есть долг.

⁶¹ Оружный – вооружённый.

⁶² Отрок – здесь: категория младших дружинников. Отроки использовались в качестве гонцов, посыльных и др. Считались выше гридней.

⁶³ Мочно (*др.-рус.*) – можно.

⁶⁴ Сряда – одежда.

– Извини, княже великий, не доглядела, – просовывает голову в дверь холопка. – Забегал-от к тебе, без спросу.

– Ничего. Ты ступай, – отстраняет её рукой Ярослав. – Ну, чего ж тебе такое и порассказать, Святополче, – обращается он к крохотному княжичу.

– Про храбров⁶⁵, дедо, молви, – просит ребёнок.

И Ярослав рассказывает, медленно, неторопливо; мальчик слушает, кося и посверкивая тёмными глазами.

А великий князь думает о своём. Святополк, младший сын Изяслава от польской княжны. Сейчас с горькой усмешкой вспоминает Ярослав, как ещё до свадьбы ругал сына за его похождения.

Впрочем, речи гневные отцовые Изяслава, как видно, не проняли. Собрал он в Турове на погляд красовитых девок и выбрал из их числа для себя несколько наложниц. Сведая о том, чем занимается и как живёт его сын, великий князь отправил в Польшу сватом новгородского боярина Остромира – прослышали на Руси о красоте и богатстве сестры князя Казимира, Гертруды. И вскоре новая хозяйка появилась в туровском Изяславовом терему – властная, нравная. С овдовевшим свёкром, правда, была ласкова, прикидывалась овечкой беззлобной, понимала: он покуда здесь, на Руси, – глава. Родила Гертруда мужу двоих ребятешек. Первенцу, Мстиславу, уже стукнуло нынче девять лет. Лихо управляется не по годам рослый Мстислав с конём, меток в стрельбе из лука, первенствует во всех забавах и проказах, кои творятся на княжьем дворе. Одно только плохо – порой овладевают юным княжичем внезапные приступы гнева. Один раз высек он в ярости плетью дворового пса, посмевшего его обляять, в другой – свернул шею пойманной в силки птичке. Тревожно становилось на душе у старого князя. Не натворил бы сей Изяславов сын, как вырастет, больших бед.

Обоих чад Изяславовых Ярослав поначалу почему-то недолюбливал. Может, потому, что ратился в молодые годы с Гертрудиними отцом и дедом.

Святополк, во святом крещении Михаил, – странное дело – совсем не походил ни на мать, ни на отца, ни на старшего брата.

«Моя бабка – греческая царевна Теофано⁶⁶! Племянница самого базилевса Иоанна Цимисхия! – вздёргивая вверх голову, с гордостью поясняла Гертруда. – Смуглая была, и волос чёрный! В неё ребёнок!»

Она показывала Ярославу красочную миниатюру с изображением смуглолицей женщины в королевском венце и в нарядном багряном платье.

Как причудливо передаются черты через поколения! Во всём, кажется, повторяет крохотный княжич прабабку свою. Что-то необъяснимое даже, неуловимое, такое, что и не передашь словами, скользит в каждой чёрточке его детского личика.

Ярослав усмехался в усы и рассказывал о былинном богатыре Добрыне, о том, как победил он в бою семиглавое чудовище-змия.

Низко поклонившись князю, в палату впорхнула молодая Гертруда. Вопросила, нет ли грамот от посланного на полюдье в Пинск Изяслава. Ярослав придирчиво, со строгостью оглядел невестку. Хороша. Лыняные волосы пробиваются из-под парчового плата, ниспадают на ровное высокое чело, ланиты румяны, пышут здоровьем, тонкие уста горят багрянцем, под облегающим стан суконным платьем проступает пышная грудь. Один, пожалуй, изъян у Гертруды – острый, длинный нос. А так, добрая жёнка. И чего Изяславу неймётся?! Другим бы такую кралю!

⁶⁵ Храбр – богатырь, храбрый и сильный воин.

⁶⁶ Теофано – византийская императрица, жена Романа II и Никифора II Фоки, мать императоров Василия II Болгаробойцы и Константина VIII. В борьбе за власть отличалась коварством и жестокостью.

Стало вдруг жалко эту молоденькую княгиню. Разве такого мужа, как Изяслав, заслуживает она?!

– Не докучает? – спросила Гертруда, указывая на Святополка. – А то заберу, отведу в бабинец.

– Да нет, пусть сидит.

Гертруда, снова низко поклонившись, вышла.

Вскоре за дверями послышались тяжёлые шаги и громкие голоса. На пороге показался оружный гридень.

– Княже великий! Тамо боярин твой, Яровит-Микула. Издалече прибыл. Из стран восточных. Просит пустить.

Ярослав оживился, обрадовался, осторожно спустил с колен маленького Святополка и коротко повелел:

– Зови скорей.

...Лет десять назад Ярослав, когда объезжал на Черниговщине сёла, заехал далеко на север, в дремучие пуши, туда, где за крутыми ярами начинается земля диких язычников-вятичей⁶⁷. В глухой деревеньке повстречал он отрока лет двенадцати, подивился, что понимает малец грамоте, стал расспрашивать и ещё более удивлялся умным его ответам. Паробка этого, Яровита, в крещении Микулу, князь увёз с собой в Киев. Смекалистый подросток быстро шёл в гору. Вскоре Ярослав стал поручать ему самые трудные и тонкие посольские дела. За короткий срок побывал юный Яровит в Дании, в Ромее, у венедов, в дальней земле франков. Умный юноша достиг на княжеской службе многого: и боярство ему пожаловали, и волости, и уважения добился он даже в среде именитых, кичащихся своим высокородством «набольших мужей».

Два года назад Ярослав отправил своего любимца с грамотами далеко на восток, в земли хорезмийцев⁶⁸. Хотел получше разузнать о тамошней жизни, думал расширять торговлю, искать прочных союзов. И вот теперь Яровит возвратился, и князю не терпелось выслушать его.

Исхудалый большеглазый юноша лет немногим более двадцати, с бронзовым от загара лицом и выгоревшими под жаркими лучами южного степного солнца тёмными волосами, высокий, тонкоусый, в пыльном дорожном вотоле⁶⁹, нервно сжимая в руках войлочную шапку, кланяется Ярославу в пояс.

Старый князь порывисто заключает его в объятия, приглашает сесть за стол. Яровит хмур, задумчив, сосредоточен.

– Извини, княже, – начал он, торопливо отпив из поданной челядинцем чары глоток сладкого греческого вина. – Спешил к тебе, прямо с дороги. Недобрые принёс вести.

– Что такое? – насторожившись, взволнованно спросил Ярослав.

– За Итилем⁷⁰, в степях бродят кочевые орды. Жгут, грабят, нападают на города. Вся Хорезмийская земля ныне в руках одного племени – сельджуков⁷¹. Племя это сродни огузам⁷² и торкам. Каганат огузов на реке Сейхун⁷³ разгромлен иными ордами, рекомыми кипчаками. Янгикент, главный город кагана, взят копьём и разграблен. Взяли кипчаки и иные грады –

⁶⁷ Вятичи – восточнославянское племя, жило по верхнему и среднему течению Оки. Долше остальных племён сохраняло независимость и языческие традиции и обряды.

⁶⁸ Хорезм – историческая область и древнее государство в Средней Азии, в низовьях р. Амударья.

⁶⁹ Вотол – верхняя дорожная одежда, грубая, из валяного сукна. Встречались и дорогие, княжеские вотола, саженные жемчугами.

⁷⁰ Итиль – другое название реки Волги.

⁷¹ Сельджуки – ветвь племён тюрков-огузов. В 40-х-80-х годах XI века захватили большую часть Средней Азии, Иран, Азербайджан, Грузию, Малую Азию. Государство сельджуков распалось в XII веке.

⁷² Огузы – средневековые тюркские племена, жившие до XI века в степях Центральной Азии и Монголии.

⁷³ Сейхун – Сырдарья.

Сыгнак⁷⁴, Сауран⁷⁵. Орды их тьмочисленны, кочуют от Сейхуна до великой реки на востоке. Купцы называют ту реку Иртыш. Вся степь за Итилем подвластна кипчакам.

– Откуда взялись эти кипчаки? Вот напасть. Теперь не до торговли будет. Да, худо дело, – раздумчиво огладил долгую бороду Ярослав.

– Учёные люди говорят, жил раньше в степях большой союз племенной – кимаки. Из него будто бы и отделились эти самые кипчаки. Живут в поле, коней пасут, овец, хлеб не сеют. А ныне, как я возвращался, слух прошёл, через Итиль они двинули, торчинов и печенегов теснят. В Саксине⁷⁶ купцы лавки закрывают, уезжают в иные края.

– Стало быть, скоро эти самые кипчаки возле наших земель окажутся?

Яровит угрюмо кивнул.

– Так, княже. Там ведь, от Итиля к востоку – сушь, песок. Ни пастбищ добрых, ни рек великих на сотни вёрст. А народ кипчаки кочевой, степной.

– Каковы они из себя? С печенегами схожи?

– Да нет. Глаза у многих узкие, как щелки, лица скуластые. Волосы у большинства тёмные, но есть среди них и светловолосые, и рыжие. И, думаю, опаснее они печенегов будут.

– Вот как. Да, видно, нелёгкое грядёт на Руси время. – Ярослав горестно вздохнул.

Он ещё долго беседовал с Яровитом, и с лица его не сходили тревога и печаль.

В недобрый час оставляет он родную землю. Лютый враг подступает к её рубежам. Но ничего поделать нельзя – на всё Божья Воля.

Как он решил, как обдумал, так он и поступит – иного нет.

* * *

Несмотря на старость и болезни, Ярослав продолжал заниматься державными делами: разбирал судебные споры, давал распоряжения тиунам и воеводам, рассылал гонцов. Глядя на беспокойные лица старых своих сподвижников, сыновей, иереев, он улыбался, ободрял их, хотел показать, что здоров и полон сил. Пусть не боятся за него, делают все дела, как прежде.

В середине февраля, когда обрушились на землю свирепые метели, старый князь выехал из Киева в Вышгород – город, в котором почти безвыездно жил последние два года. Теперь, на исходе земных лет, хотелось ему побывать у гробов братьев-святых, посмотреть с кручи на скованный льдом Днепр, обозреть тёмную дремучую пушу за рекой, тянущуюся за окоём⁷⁷, в неведомые дали, полюбоваться свинцовыми маковками церквей.

Недалёк путь до Вышгорода, но показался он старому Ярославу на редкость долгим. Глядя на белый снег, на дорогу, по которой мчались сани, князь чувствовал, как из старческих плохо видящих глаз его текут горькие слёзы. Невестимо сколько вёрст изъездил он за свою жизнь, но теперь впереди у него лишь вот эта последняя дорога.

В Вышгороде, как только приехали, великому князю стало совсем худо. Гридни с трудом вывели его из саней и сопроводили в горницу. Бессильно упав в мягкое высокое кресло, Ярослав снова предался невесёлым думам.

Пришла ему пора ступить последний шаг, свершить последнее в земной жизни деяние. Он беспокойно заворочался, приподнялся, упираясь слабеющими дланями в подлокотники, и едва слышно проговорил:

⁷⁴ Сыгнак – в древности крупный торговый и ремесленный центр, располагался на территории современного Казахстана. К середине XI века – столица кипчаков.

⁷⁵ Сауран – в древности крупный торговый и ремесленный центр, располагавшийся на территории современного Казахстана. Славился особо прочными и неприступными оборонительными укреплениями.

⁷⁶ Саксин – город в низовьях Волги, существовал в X–XIII веках.

⁷⁷ Окоём – горизонт.

– Скликайте сынов... Митрополита... Бояр.

...Первым влетел в ворота Вышгорода возок митрополита. С посохом в руке, в чёрной рясе и высоком клобуке, с наперсным крестом – энколпионом⁷⁸, висевшим на золотой цепи, в окружении служек-монахов, кланяясь князю, вошёл в горницу, чинно и степенно, Иларион. Ярослав, привстав, принял благословение святого отца.

Следом за митрополитом, будто ветер в поле, ворвался встревоженный Всеволод, на ходу стряхивая с кожуха⁷⁹ и шапки снег и бросая их в руки челядинца.

Нервно теребя перстом длинный ус, предстал перед отцом Изяслав в тёмно-коричневого цвета зипуне⁸⁰ с золотой прошвой.

За ним явились младшие – Вячеслав с Игорем, испуганные, нахохлившиеся, как воробы.

Собирались видные бояре, все в тёмных зипунах, кафтанах, ферязях⁸¹ (знали: не на празднество едут), рассаживались по обитым бархатом и парчой лавкам, стоящим возле стен по обе стороны от княжеского кресла.

Последним, весь в поту, вбежал Святослав.

– Трёх коней загнал, отец! – тяжело, с присвистом, дыша, выпалил он.

Его рыжие космы разметались во все стороны, светлые глаза на молочной белизны лице смотрели из-под насупленных широких бровей прямо, жёстко и холодно. Это были глаза воина, готового в любой миг ринуться в яростную, смертельную схватку.

Ярослав недовольно поморщился. Отчего-то он недолюбливал Святослава. То ли за легкомыслие его, за дурь молодецкую, то ли за то, что общению с монахами и книжному чтению предпочитал этот сын охотничьи забавы, пиры, шумные застолья. Вот покойная княгиня любила Святослава паче прочих детей, да и был он весь в мать, такой же резкий, гневливый, порывистый, скорый на руку.

Старый князь окинул сумрачным, колючим взглядом сыновей, вымученно улыбнулся митрополиту и властно махнул десницей стоящему за спиной гридню.

Гридень опрометью бросился за дверь и через несколько мгновений воротился, неся в руках обитый красным сукном ларец.

– Изяслав! – подозвал Ярослав старшего сына, дрожащей дланью снимая с пояса и протягивая ему ключ. – Открой. Там... завещание. Достань.

Сжав в руке массивный медный ключ, Изяслав несмело ступил вперёд. Внезапно всем существом его овладел страх, он срывающимся робким голосом с трудом выдавил из себя:

– Нет, не возмогу... Может, иной кто... Не я... Нет.

Ключ вывалился из дрогнувшей десницы и с глухим стуком ударился о деревянный пол.

– О, Господи! За что мне такая кара?! – прошептал Ярослав.

Набрав в рот побольше воздуха, он гневно крикнул сыну:

– Князь! Что же ты, недостойный, позоришь меня перед боярами и митрополитом? О, сын мой, чадо возлюбленное, Владимир! Боже, за какие грехи ты его прибрал к себе?! Ему бы Киев отдал!

Изяслав, весь в холодном поту, стуча зубами от волнения, прижался спиной к стене.

Власть! Он страшился её, этой власти над людьми, боялся братьев, смердов, бояр – всех, кем должен будет теперь повелевать. Да и как могло быть иначе, если вовсе не готовился он занять отцово место, и в мыслях не допускал такого поворота дел? Ну, пусть дали бы ему какой-нибудь небольшой городок, жил бы он там, охотился, любил, тихо и спокойно, не ощущая на

⁷⁸ Наперсный крест – крест, носимый на груди (персях) поверх одежды. Крест-энколпион содержал частицу мощей.

⁷⁹ Кожух – здесь: опашень на меху, шуба, тулуп.

⁸⁰ Зипун – верхняя мужская одежда, кафтан с длинными рукавами, расклешённый снизу, без воротника.

⁸¹ Ферязь – кафтан без воротника.

плечах тяжкого бремени первенства. Какое несчастье, что умер старший брат Владимир, что при смерти отец и что ему отныне надлежит сесть на великий стол! Как завидовал он младшим братьям, сам хотел быть младшим, далёким от этих властных, суровых киевских бояр, которые, конечно же, станут требовать от него походов, даней, вир⁸², земель, от этих простолюдинов, вечно чем-то недовольных, иереев с длинными речами о Боге, нравоучениями, молитвами. Сколь счастливы мастера, кладущие мусию или пишущие фрески – кроме мира красок, ничего не существует для них, нет в их жизни тяжких и нудных державных забот!

Захотелось Изяславу бежать отсюда, из дворца, сесть на коня, махнуть куда-нибудь в дальнее Залесье, облачиться в простые одежды. Только ведь сыщут – никуда не денешься.

С нескрываемым презрением смотрел на него Святослав, на устах одного младшего из братьев, Игоря, извечного остролова и весельчака, играла злорадная усмешка, с недоумением взирали на растерянность наследника киевского великого стола ближние бояре. Один только Всеволод казался бесстрастным и равнодушным.

«Всё это – суета сует», – словно бы говорил его скупающий, холодный взгляд.

Но вот вдруг в глазах Всеволода вспыхнул живой огонёк, он подался всем телом вперёд и решительно сделал шаг. Шаг в неведомое будущее.

Всеволод и сам не понимал, зачем он сейчас шагнул вперёд. Ну, стоял бы себе, как другие братья, как рыжеусый верзила Святослав, тихий Вячеслав, насмешливый Игорь – так нет же, проснулся в нём некий внутренний голос, который будто нашёптывал ему: «Иди, княже. Покажи себя. Пусть знают, кто великого стола более достоин».

– Дозволь мне, отец, – промолвил Всеволод тихо, едва шевельнув губами.

– Добро, сынок, – прошептал со слабой, вымученной улыбкой Ярослав.

Всеволод наклонился и взял в руку упавший ключ, почувствовав внезапно со всей отчётливостью, какая великая тяжесть заключена в нём – тяжесть власти.

В горнице воцарилась тишина. Бояре одобрительно закивали головами, а на лице Изяслава, как почудилось Всеволоду, промелькнула даже некая благодарность – спасибо, мол, выручил, братец.

Всеволод чуть заметно усмехнулся и, открыв ларец, достал из него пергаментный свиток, туго перевязанный шёлковым шнурком и увенчанный вислой серебряной печатью.

С низким поклоном принял его из Всеволодовых рук боярин Чудин.

– Прочти! – Велел ему Ярослав.

Чудин прокашлялся и, с шуршанием разворачивая свиток, громким голосом начал читать. Сыновья Ярослава стояли, стараясь не шелохнуться, и, затаив дыхание, вслушивались в каждое слово.

– «Скоро выпадет преставиться мне. Молю вас, дети мои, сыны одного отца и одной матери, всем сердцем любите друг друга. Ведайте, что междоусобье губительно не только для вас, оно губит величие Руси, счастье коей принесли деяния отцов и дедов наших. Мир же и согласие меж вами утвердят славу земли Русской. Изяслав, старший сын, заступит на моё место и сядет на столе киевском. Повинуйтесь отныне ему, как вы мне повиновались. Придаю Изяславу также Новгород, Плесков и Туров. Святославу даю Чернигов, Муром и Тмутаракань⁸³, Всеволоду – Переяславль⁸⁴, Ростов, Суздаль, Белоозеро.

⁸² Вира – штраф по приговору суда. Размеры вир за различные проступки и преступления оговорены в «Русской Правде» – первом дошедшем до нас своде древнерусских законов.

⁸³ Тмутаракань – город на Таманском полуострове. До 60-х годов X века принадлежала хазарам, в конце X – начале XII века являлась столицей русского Тмутараканского княжества, включавшего в себя также восточный берег Крыма с городом Корчевом (современная Керчь).

⁸⁴ Переяславль (Южный) – город на реке Трубеж, ныне в Киевской области, в XI–XIII веках – столица Переяславского княжества.

Вячеславу – Смоленск, Игорю – Владимир. Каждый да будет доволен землёю своею, или старший брат да судит вас, как великий князь. Да защитит он утеснённого и накажет виновного!»

Ярослав поднял вверх дрожащую десницу. Чудин замолк.

– Да будете вы княжить в земле Русской по закону, по ряду. Кто же этот ряд порушит, да проклят будет! – торжественно изрёк он, преодолевая слабость, с тяжёлым старческим хрипом.

Отчего-то последние слова – о проклятии, сказанные как-то зловеще, глухим, но твёрдым голосом, заставили Всеволода содрогнуться. Он размашисто перекрестился и устремил взор на стоящую на ставнике⁸⁵ икону с ликом святого Климента.

– Стол киевский – старшему в роду, – продолжал тем временем Ярослав. – О том помните. Иначе рати и усобья пойдут по Руси, не братьями – врагами, волками лютыми станете вы друг дружке, и не добро – семена зла и лжи посеете.

– Может, довольно, отец? – вдруг перебил его Святослав. – Тебе ль думать топерича о нас? Сами мы промеж собою уладим. Не малые дети, чай.

– А ты слушай, да помалкивай! – прикрикнул на всегда столь непослушного, несогласного с ним сына Ярослав и, не выдержав, громко закашлялся. – Ну вот, снова кровь ртом пошла, – с трудом прохрипел он, вытирая губы. – Теперь святой крест целуйте в том, что не порушите ряда. Иларион, прими целование крестное.

Митрополит Иларион торжественно поднёс к устам каждого из княжеских сыновей большой золотой крест.

Святослав приложился к кресту с явной неохотой, Игорь и Вячеслав лобызали энколпион равнодушно, Всеволод – с робостью и неожиданным волнением, аж ком подкатил к горлу, в очах же Изяслава – Иларион заметил – исчез страх и вспыхнули искорки гнева. Всегда, как видел Изяслав митрополита, овладевало им раздражение. И стоял теперь перед братьями и боярами уже вовсе не тот робкий, дрожащий от страха ничтожный человек – стоял охваченный гневом, готовый к первому в своей жизни значительному действию властитель. Пусть слабый, неумелый, невеликий разумом, но – властитель. Правда, ни бояре, ни братья Изяслава, ни сам Ярослав не обратили на эту внезапную перемену внимания. Да и как могли они увидеть этот исполненный мгновенно полыхнувшей ярости и ненависти взгляд, ведь обращён он был только на Илариона?!

– Изяслав не по своей голове шапку надел, – улучив мгновение, шепнул Всеволод на ухо Святославу, и тот, разглаживая густые рыжие усы, с одобрением согласно кивнул.

«Хорошо, что Святослав так. Тоже, верно, думает о ничтожности Изяслава, – пронеслось в голове у Всеволода. – Вместе удержим его от глупостей, обережём от дурных советчиков. А так... Ну какой из Изяслава великий князь? На поле сражения всегда позади рати, хоронится в веже⁸⁶ походной, боится, что убьют. На княжьих советах всё время молчит, а как испросят его, так ляпнет какую-нибудь несуразицу. Ему не то что Киева – деревни никакой в удел не дал бы на месте отца. В монахи бы постриг или прогнал бы взашей. Всё ведь погубит, народ изведёт! Вон в Турове да в Новгороде люди поборами замучены, тиуны всюду лихоимствуют, бояре самовластвуют, нужда царит, болезни, голод, а Изяславу и невдомёк, что людьми правит, но не теремом своим. Эх, кабы мне киевский стол, не стал бы я робеть, в каждом деле испрашивать совета, на свою голову полагался бы. Не слабой рукой взнуздal бы непокорных! А так... князь Переяславский!» – с грустной усмешкой передразнил Всеволод сам себя.

Сразу после целования креста Ярослав закончил свещанье. Бояре отвесили ему поклоны и, тихо перешёптываясь, один за другим покинули горницу. За ними следом потянулись кня-

⁸⁵ Ставник – столик или шкафчик для помещения образов.

⁸⁶ Вежа – шатёр. Также жилище кочевника, которое можно разбирать и собирать. Иногда вежей называли отдельно стоящую башню внутри детинца.

жьи сыновья и митрополит со своими слугами. Всеволод выходил последним, и уже в дверях отец окликнул его и жестом привлёк к себе.

– Останься. Подойди. Сядь рядом.

Всеволод взглянул в окно. За слюдяными стёклами горела багрянцем вечерняя заря. Челядинец торопливо закрыл ставни и зажгёт свечи в узорчатом семисвечнике тонкой восточной работы. Худое скуластое лицо Ярослава озарилось тусклым переливчатым светом.

– Пойдём в опочивальню. Лягу я. – Старый князь, опираясь на плечо любимца, тяжело поднялся и, медленно ступая и часто останавливаясь по пути, прошёл через длинный переход в ложницу.

Разоболочённый холопами, он лёг на широкую постель. Всеволод присел на низкую кленовую скамью у изголовья. Внезапно молодого князя охватило некое жуткое и страшное оцепенение, он почувствовал, что не в силах даже шевельнуть рукой.

Ярослав задул свечу, и опочивальня погрузилась в кромешную тьму.

Когда понемногу глаза привыкли к темноте, Всеволод заметил, как пристально, словно бы испытующе, смотрит на него отец. Ярослав тихо зашептал, и шёпот этот вывел Всеволода из оцепенения. Прильнув к отцову лицу, он услышал:

– словно сквозь лета, вижу я, чадо моё: станешь ты князем в Киеве. Ясно узрел тебя на столе великокняжеском. Уже немолод ты, голова седа. А сын твой Владимир будет велик. Слышишь? Славен он будет более, чем и ты, и я. Знай. И помни: против братьев идти не смей! Поберегись, ибо гордыня непомерная к гибели тебя приведёт. Погубишь душу свою, сыне! Ведомо мне: мечтаешь ты первым быть князем на Руси. Понятно это, ибо и я таким же вот был когда-то. Всё хотел переменить, переустроить. Но... О, Господи! Изыди, сатана! Уйди, нечестивец! Как посмел, на брата меч поднять!

Всеволод в ужасе вскочил, отпрянул от ложа и попятился к двери покоя.

– Уходи! Прощай, чудо пятиязычное! И помни! Помни! – раздался, будто бы откуда-то сверху, жаркий, прерывистый отцовский шёпот.

Стуча зубами от нахлынувшего страха, Всеволод вылетел в переход и, к удивлению стоявшего со свечами у дверей постельничего, стремглав метнулся прочь.

Бешено стучало в груди молодого князя сердце.

«Что привиделось отцу? – лихорадочно размышлял он. – Почему прогнал меня? Ужель... это правда? Я буду киевским князем?! – Он круто остановился посреди перехода. – Да, отец же сказал: будешь. О, Боже, дай же мне больше власти!»

Немного отдышавшись, Всеволод постарался успокоиться и унять охватившую всё тело дрожь.

«Так вот почему Переяславль! Как же я раньше не догадался! Торки! Каждое лето приходят туда, – стукнуло ему в голову. – Я один не смогу с ними сладить. Хитёр отец, ох, хитёр! А череспосолица? Даёт земли кусками, в разных частях Руси. Так что, хочешь, не хочешь, а придётся союза у братьев искать. Но это только пока. А потом... Что потом?»

Всеволод резко вскинул голову.

«Я молод, мне всего двадцать три года, я смогу, смогу свершить!»

Чувствуя небывалый прилив сил, он медленно побрёл дальше по переходу. На душе стало как-то одновременно спокойно, тихо и радостно.

Дойдя до своего ложа, Всеволод уже совсем уверовал в отцово пророчество. Быстро раздевшись, он повалился на мягкие пуховики. Заснул молодой князь почти мгновенно, глубоко и беззаботно.

Рано утром его разбудил громкий стук. В ложницу вбежал взволнованный гридень.

– Княже Всеволод! Отец твой преставился!

...В великокняжеской опочивальне стояла гнетущая, тягостная тишина. Жёлтое, сморщенное лицо Ярослава казалось жалким, не верилось, что лежит это, уже обмытый и одетый в чистое, великий человек, чьими тяжкими трудами и потом укреплена была могучая, огромная держава. Сыновья и бояре стояли возле тела в скорбном молчании, опустив головы. Тихий, болезненный Вячеслав, не выдержав, разрыдался. Боярин Чудин, утешая, ласково положил длань на его вздрагивающее плечо.

Всеволод, пошатнувшись, прислонился спиной к стене. Весь вчерашний разговор в этой опочивальне вмиг всплыл в его памяти.

«Изыди, сатана! На брата! Меч поднял!»

Молодой князь возвёл очи горе и зашептал молитву.

...Тело великого князя Ярослава положили во гроб и повезли на санях в киевский Софийский собор. Сыновья следовали за гробом, а митрополит Иларион читал заупокойную молитву и призывал их быть достойными своего отца, укреплявшего землю Русскую, «братолюбца и нищелюбца и доброго страдальца».

В соборе возле мраморной корсты⁸⁷, как полагалось по старинному славянскому обычаю, поставили копьё – символ воина, и повесили меч – знак княжеского достоинства.

«Весь народ и все дети плакали по нему, как по отцу или по матери, – напишет после летописец. – И разошлись люди в жалости великой».

Разошлись и сыновья его, каждый в ту волость, что дал ему отец.

⁸⁷ Корста – гроб.

Глава 3. Рубиновые серьги

В каменной палате пахло сыростью. Холодные стены были серы и мрачны. За широким столом, накрытым скатертью из дорогого фландрского сукна, сидели двое: невзрачный прелат в тёмной сутане, с капюшоном за спиной, и молодая княгиня Гертруда, облачённая в длинную, до пят, бобровую шубу. В ушах её переливались багрянцем серьги с крупными рубинами, на парчовой шапочке качались на тонких золотых нитях подвески, сверкающие разноцветьем драгоценных камней. Густые белокурые локоны непокорно струились из-под надетого под шапку шёлкового платя. Красивое румяное лицо с чувственными, немного припухлыми губами дышало здоровьем и молодостью. Во взгляде серых глаз Гертруды читались ум, воля, решительность.

Прелат, маленький, худой старичок с гладко выбритым подбородком, говорил не спеша, ровно и бесстрастно.

– Гертруда, дочь моя, сегодня ты должна решить, с кем ты. Не время теперь предаваться веселью, пирам, утехам любви. Все эти грехи можно простить и искупить. Но подумай, что ты дочь римской Святой церкви, и интересы Церкви ты должна теперь представлять и достойно защищать в этой чужой и дикой стране, в окружении варваров и нечестивых схизматиков⁸⁸.

– Что я должна делать, отец Мартин? Говори. – Голос у княгини Гертруды мягкий и тонкий, но в нём слышатся нотки твёрдости.

Её унизанная золотыми перстнями холёная рука нервно скользит по белой скатерти.

– Первое, – загибает скрюченный хирагрой⁸⁹ уродливый перст прелат. – Ты должна помочь убрать Илариона с кафедры митрополита. Пусть сядет на его место грек.

– Мой муж ненавидит Илариона. Это будет нетрудно.

– Иларион – наш враг. Пока он носит митру на голове, русские князья никогда не пойдут на союз с римским святым отцом. Его ставили даже без позволения патриарха! А почитай его речи! Сплошная ересь!

– Но зачем грек?

– Не всё сразу, дочь моя. Ни твой муж, ни его братья, ни бояре не перейдут в лоно нашей Церкви. Пока. Любое важное дело надо сначала тщательно подготовить. Думаю, помогут щедрые дары и посулы. Например, титулы короля, герцогов, графов. Но не это самое главное.

– Что же главное? – Тонкая соболиная бровь красавицы изумлённо изогнулась.

– Ты говорила, князь Изяслав доверяет тебе, слушает твои советы? – спросил отец Мартин.

– Да он как шkodливый ребёнок. – Гертруда рассмеялась.

– Зато его младшие братья далеко не дети, – ворчливо заметил прелат. – Вячеслава и Игоря не бери в расчёт, они ещё слишком юны. Но Святослав-Николай и Всеволод-Феодор... Что ты думаешь о них?

Гертруда передёрнула плечами.

– Святослав был любимым сыном своей матери. Мой свёкор недолюбливал его. Он очень близок с греками.

– А Всеволод?

– Всеволод. Князь Хольти – так называют его свейские наёмники в Новгороде. Мне хочется думать о нём лучше. – Княгиня вздохнула.

– Ты призналась на исповеди, что тайно влюблена в него. Это так?

⁸⁸ Схизматики (т. е. раскольники) – так католики называли православных.

⁸⁹ Хирагра (*греч.*) – подагра рук (в отличие от подагры, которой первоначально называлась только болезнь ног).

– Да. – Серые глаза Гертруды словно подёрнулись дымкой. – Да, святой отец. Но к чему этот твой вопрос?

– К тому, что Святослав – главный соперник твоего мужа.

– Руссы редко нарушают клятвы. Они так набожны, так боятся греха! – Гертруда внезапно громко, заливисто расхохоталась.

– Думаю, Святослав не из таких, – презрительно кривя тонкие змеиные уста, оборвал её смех Мартин. – Впрочем, нарушит он клятву или нет, это – вопрос времени. Так вот. Всеволода следует превратить в нашего друга, союзника.

– Но он женат на гречанке.

– Ты сама говорила, дочь моя, что заметила его равнодушие к жене. Хоть и грех советовать такое. – Отец Мартин перекрестился. – Постарайся, чтобы он полюбил тебя.

Молодая княгиня снова томно вздохнула.

– Как он относится к тебе?

– Вот. – Гертруда указала на рубиновые серьги. – Его подарок.

– Расскажи поподробней, как это случилось.

– Был День святой Елены. И как он узнал, что Елена – моя святая?! Никогда ему не говорила!

– Человеку, который выучил пять языков, не составит труда расспросить кого надо из твоей германской свиты и узнать подобное. Что было дальше?

– Пришёл, преподнёс серьги в ларце из орехового дерева. Как была я рада!

– Ну, а потом? Что он говорил? – продолжал настойчиво допытываться прелат.

Лицо его вытянулось, он подался всем телом вперёд.

– Почти ничего. Просил принять. Извинялся, что подарок так скромн.

– Ну, а ты, дочь моя?

– Я растерялась сначала. Так неожиданно.

По ярко накрашенным губам княгини скользила мечтательная улыбка.

– Не надо теряться. Обворожи его, очаруй. Бог наделил тебя красотой. Пользуйся ей во благо Церкви. И помни: любой грех искупает преданное служение Господу.

Гертруда усмехнулась. Что же, отец Мартин прав. Она красива, и она влюблена.

Всеволод. Князь Хольти. Немного сухощавое лицо, глаза, большие, как на иконах греческого письма, тонкие брови, как нарисованные, густые ресницы, тёмные волосы. Воистину, он красив. Как бы она хотела стать его женой вместо этой глупой, напыщенной гречанки! Что с того, что Мария дочь ромейского императора?! Подумаешь, птица!

Гертруда презрительно хмыкнула. Пальцем стала теревить свой острый нос.

– У тебя глупая привычка! – проворчал отец Мартин. – Мало того, что твой нос несколько оттеняет твою красоту, так ты ещё, как маленькая, грязная потаскушка, без конца трёшь его. Этим ты можешь испортить впечатление о себе. А вот серьги... Надевай их чаще, покажи Всеволоду, как ты ценишь его подарок, как он дорог тебе. – Он внезапно взглянул на зарешёченное оконце, за которым угасал день. – Ну, тебе пора, дочь моя. С Богом. Будь осторожна. И помни: на тебя одна надежда всех честных христиан.

Прелат перекрестил свою духовную дочь. Гертруда поцеловала его сморщенную маленькую руку и, слегка склонив голову, вышла.

Отец Мартин потушил свечи и встал на колени перед распятием.

– Помогите, Господи! – зашептал он в темноту.

Глава 4. Град Переяславль

Сразу после похорон отца Всеволод с дружиной и семьёй отбыл в Переяславль. Ехали на конях под завывание свирепого, пронизывающего холодом ветра. Мела метель, и лица вершников⁹⁰ становились мокрыми от снега.

Княгиню Марию с маленьким Владимиром везли в крытом возке, боясь застудить. Младенец, облачённый в розовый зипунчик на меху и парчовую шапочку, весело болтал ножками, прижимаясь к матери, а княгиня, не скрывая недовольства (как бы там ни было, а всё-таки не хотелось дочери базилевса покидать Киев), в гневе цыкала на него. Малец, конечно, ничего не понимал и в ответ лишь громко смеялся. Не выдержав, рассерженная Мария надавала ему шлепков. Маленький Владимир захныкал, размазывая ладошками по щекам слёзы. Княжича успокоила мамка-кормилица, протянувшая ему игрушечный деревянный свисток.

Переехав по льду через Днепр, князь и дружина вскоре достигли берега извилистого Трубежа. Всеволод с неослабным вниманием смотрел по сторонам: взору его открывались заснеженные холмы над кручей, тёмные перелески, степные дали за окованной льдом рекой. Вот впереди показался Переяславль, обнесённый высоким земляным валом и мощными дубовыми стенами. При виде княжеской дружины со скрипом открылись обитые медью ворота. Через ров лёг подъёмный деревянный мост.

– Славный город, – пробормотал Всеволод, обернувшись к воеводе Ивану Жирославичу. – Вижу: терема, торжище, стены крепкие.

– То дед твой, князь Владимир Красно Солнышко, стенами сими Переяславль обнёс. Дабы от печенегов оборониться, – изрёк в ответ круглолицый, тучный, с широкими, пышными усами и окладистой бородой богатырь – воевода. – А вон там, где Альта-река⁹¹ в Трубеж впадает, – указал он перстом, – пристань-кораблище построить велел. Купцы здесь кажну весну станоят, на пути в греки, лады чинят. Пошлины немалые в скотницу⁹² твою идити будут. А вон церковь Михаила Архангела со крестом златым – то епископ наш Пётр выстроил.

– Епископ Пётр? – переспросил Всеволод.

– Да, княже. Муж вельми учёный. Особливо в зиждительстве⁹³ искусен, в Царьграде⁹⁴ бывал. А вон наверху другая церковь, каменная, – Воздвижения Креста. Её ещё при деде твоём, князе Владимире, возвели.

За разговорами путники взобрались на гору, на вершине которой широко раскинулся детинец, миновали Епископские ворота и вскоре оказались возле деревянного княжеского дворца.

«Что ж, как будто неплох Переяславль. Город большой, и от стольного недалеко. Только вот одна беда: степь рядом. Придётся об обороне иметь неустанную заботу. Да и на Киев при этом не забывать посматривать», – думал Всеволод.

Из возка, поддерживаемая слугами, вышла надменная, холодная Мария. Недовольным взором обвела она площадь перед княжым дворцом.

– И это княжеское жильё! – горько усмехнулась она, указывая на деревянный терем, над крышей которого курились белые дымки из труб топящихся печей. – Воистину, глушь! А

⁹⁰ Вершник – всадник, верховой.

⁹¹ Альта – река в современной Киевской области, приток Трубежа. Устье – близ г. Переяславля (ныне – Переяслав-Хмельницкий). Летописное название этой реки – Лытец.

⁹² Скотница – казна.

⁹³ Зиждительство (*др.-рус.*) – зодчество.

⁹⁴ Царьград – русское название Константинополя, столицы Византии.

вокруг – поля, степи. Нечего сказать, стал ты великим государем, Всеволод! – В голосе княгини слышалась издёвка. – И я, дочь базилевса, должна тут жить?!

Она торопливо засемила по восходу⁹⁵, поднялась по скрипящим, видно, давно не чиненным ступеням; высоко вздёрнув гордую голову, прошла, не глядя на коленопреклонённую челядь, в тёмные сени.

За холодным крытым переходом потянулись просторные палаты в византийском вкусе. Голубая зала, пурпурная, зелёная. Мария брезгливо скривила губки, поморщилась, оглянулась на Всеволода.

– Какое убожество! Да разве можно эти горницы сравнить с Палатием?! Там – золото, красота, свет. Рыцари в доспехах, турниры, веселье. А здесь у тебя... Как в монастыре.

Всеволод смолчал. Глянул задумчиво на её нарядный головной убор, сплошь затканый розовым новгородским жемчугом, на изузоренные золотой сканкой колты⁹⁶ у неё над ушами, в которых переливались аравитские благовония.

Жарко топили печи. Мария распахнула бровь коротель⁹⁷, недовольно хмыкнула.

– Захолустье! Всюду грязь!

Всеволода вдруг прорвало. Жалобы жены, нелюбимой им вовсе, эти вечные надоедливые стенания вызывали в душе его глухое раздражение.

Не сдержавшись, князь злобно рявкнул:

– Хватит! Наслушался твоих глупых речей! Ещё раз такое скажешь, в самом деле поедешь в монастырь, грехи отмаливать! А то возомнила о себе невесть что!

– Как смеешь ты! – вскипела высокородная гречанка. – Да ты ведаешь ли, кто я такая?! Мой отец – сам базилевс!

– И что же?! Полагаешь, родичи твои тебе помогут? Да нужна ты им! – Всеволод пренебрежительно махнул рукой. – Ты ведь даже не порфиородная⁹⁸. Ты родилась, когда твой отец ещё не был императором.

Губы Марии побелели от ярости. Ещё мгновение, и она бросилась бы на князя. Задыхаясь от возмущения, княгиня сумела лишь злобно прошипеть:

– Ты заплатишь за эти слова!

Круто повернувшись, она змеёй метнулась прочь. Неудачно подвернувшаяся под руку смуглая холопка-печенежинка получила хлёсткую пощёчину.

Всеволод, смачно сплюнув, вернулся в сени. Подозвал молодого грека-евнуха из свиты Марии.

– С княгини очей не спускать! – резким голосом приказал он.

Грек покорно склонился, ударив челом оземь.

– Сделаем, светлый князь.

Брезгливым жестом руки Всеволод отстранил скопца.

Подошёл к кадам с капустой, остоялся в холодных сенях, остудил охвативший разум гнев, улыбнулся даже, сам не ведая чему.

Подумалось: одна радость у него – сынок, Владушка. Дай ему Бог стать сильным, мудрым, справным на рати. Чтоб был сын под стать своим деду и прадеду.

...Наверху, в покоях, суетились челядинки. Из поварни шёл щекочущий ноздри аромат готовящихся яств. Всеволод поднялся по крутой лестнице наверх и заглянул в светлицу, где на ворсистом персидском ковре играл маленький Владимир. Размахивая ручонками, ребёнок бросал в стену деревянные игрушки.

⁹⁵ Восход – крыльцо.

⁹⁶ Колты – женские височные украшения в виде полумесяца со сложным узором, иногда служили как сосуд с благовониями, прикреплялись к головному убору.

⁹⁷ Коротель – женская свитка.

⁹⁸ Порфиородная (порфирогенита) – т. е. рождённая в багряной палате Большого Константинопольского дворца.

– Ты почто тако?! Ишь, расшалился! – покрикивала на него мамка.

Всеволод подхватил визжащего от удовольствия сына на руки и усадил его к себе на колени. Владимир ухватился десницей за длинную тёмно-русую отцову бороду, а шуйцей⁹⁹ стал тихонько тянуть вшитый в кафтан князя голубой сапфир.

– Баловник! – возмутилась мамка. – Ой, княже, прости, недоглядела я!

По синим шароварам Всеволода побежала вниз тоненькая тёплая струйка. Князь, глядя на отчаяние заламывающей руки мамки, засмеялся и потрепал сына по голове.

Вдруг он нахмурил брови: и волосы у Владимира рыжеватые, как у Марии, и глаза светлые. Весь в мать. Но ничего: дай Бог, норовом выйдет в их, Ярославову породу. Главное, не подпускать к нему близко лукавых греков. Да и от Марии подальше держать. Есть у княжича мамка, есть вуй¹⁰⁰ – воевода Иван Жирославич, да и он, родной отец, будет за Владимиром пристально следить. Научит всему, что знает и что умеет сам.

Вскоре крохотный княжич, уже вымытый и переоблачённый в чистое, мирно спал в детской кроватке, тихонько посапывая, чуть приоткрыв рот. Посмотрев на спящего сына, Всеволод почувствовал успокоение. Томительная усталость смежила ему веки. Встряхнувшись, князь вышел на крыльцо и кликнул дворского¹⁰¹.

– Баню истопить вели!

Подняв голову, он глянул ввысь. Вечерело, тускло мерцали звёзды. В покоях Марии зажглась свеча.

Идти туда, к ней, мириться? Совсем не хочется. Но ради Владимира. Ох, если б не сын! Всеволод, помрачнев, вернулся обратно в хоромы.

⁹⁹ Шуйца – левая рука. Ошуюю – слева.

¹⁰⁰ Вуй – здесь: дядька, пестун, воспитатель малолетнего княжича. Обычно воем называли дядю по матери.

¹⁰¹ Дворский – управитель, вёл хозяйство князя или боярина.

Глава 5. Сделка с совестью

Спустя несколько дней Всеволод воротился в Киев – скорый гонец передал ему короткое послание от Изяслава: «Хощу зреть тя, брате. Приезжай на свещанье».

В знакомом до мелочей родном отцовом тереме царило необычное оживление. В холодных сенях, на заиндевелых лавках пировала Изяславова чадь, разодетая в меховые опашни и кожухи. Всеволода, едва слезшего с коня, расторопные киевские отроки посадили на почётное место, по правую руку от Изяслава.

В маленьких бочонках искрился тягучий хмельной мёд. На огромном блюде возлежала зажаренная кабанья туша, рядом стояли тарели с дичью, солёными грибами, огурцами, различным овощевем¹⁰².

Немало смущённый, Всеволод старался держаться как можно спокойней и приветливо кивал знакомым боярам. Вот братья Вышатичи, Путята и Ян, славные, умелые воеводы; Захария Козарин, Перенит – дядька-воспитатель Изяславовых сыновей.

Изяслав, уже подвыпивший, говорил, подымая чару с вином:

– Тя, Всеволод, паче всех братьев жалую. Тако скажу: выбирай любую из наложниц моих. Хошь – Олёну отдам, хошь – Оксану.

По усам и бороде его текли струйки вина. Всеволод с глубоко спрятанным в душу отвращением улыбался, тихо говоря:

– После, после, братец.

Рослый челядинец в кафтане иноземного покроя поднёс Всеволоду на широком поливном блюде серебряный браслет.

– Великая княгиня Гертруда дарит, – коротко объяснили ему.

– Ай да княгиня! – восхищённо ахнул кто-то из ближних бояр.

Вскоре на крутой лестнице показалась сама великая княгиня. С томной улыбкой на ярко накрашенных устах взирала она на Всеволода. Шушун¹⁰³ бобрового меха был наброшен на её плечи. На шапке, отороченной широкой собольей опушкой, переливались бирюзовые, багряные, огненные самоцветные каменья.

Будто сказочное видение, проскользнула Гертруда по ступеням и плавной поступью, как пава, подплыла к пирующим.

Всеволод заметил в ушах её рубиновые серьги, те самые, которые прошлым летом он преподнёс ей в дар.

Нечасто появлялась Гертруда на Изяславовых пирушках, и бояре удивлённо зашушукались, отмечая красоту и богатство одеяния молодицы.

Всеволод при виде Гертруды испытал внезапное волнение.

«Мне бы такую княгиню! У неё стройный стан, красивые глаза, приятная улыбка. Да и умна. Помощницей бы верной стала. О, Господи! Грех какой! На чужую жену смотрю! Но почему, почему опять повезло Изяславу, а не мне?!» – будоражили его разум беспокойные мысли.

Гертруда села за стол рядом со Всеволодом, молодого князя окутал заманчивый запах благовоний, то ли аравитских, то ли ромейских.

«Срам – чужой жены возжаждал! – одёрнул он себя, чувствуя, как растекается по щекам багряный румянец смущения. – Что подумают бояре, воеводы, что скажут братья!»

Всеволод отбросил всякие мысли о Гертруде и старался больше не смотреть в её сторону.

¹⁰² Овощеве – фрукты.

¹⁰³ Шушун – женская верхняя одежда или кофта. В разных регионах имеет разный крой. Бывает короткая, не ниже бёдер, либо длинная – до щиколоток.

... Долго, до глубокой ночи, гремел на княжеских сенях весёлый пир. А наутро Изяслав, взволнованный, с горящими глазами, чуть ли не бегом примчался в покои брата. Он ещё не почувствовал себя великим князем – нечто мальчишеское, ребячье было в этом его порыве.

– Брате! – на ходу выпалил он, сгорая от нетерпения, едва они вошли в палату. – Порешили мы со боярами – Илариона с кафедры убрать. Негоже с патриархом греческим ссориться. Ибо без благословенья его, своею волею, неправо возвёл Илариона в митрополиты отец наш. Я же мыслю, Ефрема, грека, поставить, епископа Новгородского. В обчем, велел я ему по весне в Царьград плыть, на поставленье. Ты как, Всеволоде? Супротив не будешь? Верно ли, мыслишь, содеял я? Ефрем – муж учёный, пастырь для нашего народа добрый.

Всеволод, никак не ожидавший такого, в изумлении уставился на старшего брата.

«Прав Иларион был! – пронеслось у него в голове. – Но как же Изяслав осмелился?! А впрочем, что тут смелого? Бояре с ним заодно. И со Святославом небось уже сговорено. Святослав греками себя окружил. Ясно дело, он Изяслава поддержал. И если я с ним не соглашусь, то они оба против меня будут. Плохо тогда мне придётся. Что же делать? Отступить от Илариона?! Иного нет?!»

– Верно ты... порешил, – с трудом, после долгого молчания, выдал из себя Всеволод.

– Ну вот и добре! Ведал, разумен ты вельми, братец, – заулыбался, обрадованно потирая руки, Изяслав. – Приходи ноне ко мне. Попируем.

– После, Изяславе, – с усталым вздохом отозвался Всеволод. – Ты уж прости, уморился, устал с дороги. Да вчера ещё пир этот...

– Да, да, брате. Воистину, тако, – закивал одобрительно довольный Изяслав.

Когда он вышел, Всеволод, повалившись на обитую рытым бархатом¹⁰⁴ лавку, в отчаянии бессильно уронил голову на руки.

Иларион – любимый учитель, столь много сделал для него доброго, а он, выходит, предал его, не защитил, не избавил от незаслуженной опалы. До чего же он слаб и ничтожен!

Так впервые переяславский князь Всеволод, любимый сын великого Ярослава, князь Хольти, «пятыязычное чудо» пошёл на сделку со своей совестью.

* * *

Как и везде на Руси в то время, в Переяславле широко велось церковное строительство. Множество храмов, деревянных и каменных, словно грибы после дождя, выростали на улицах города. Среди прочих строений в детинце выделялся каменный епископский дворец, возведённый зодчими-ромеями. Дворец украшен был дивными фресками и мозаикой и словно соперничал красотой и с княжьими хоромами, и с палатами митрополита в Киеве.

Со временем Всеволоду полюбился Переяславль – город, где многие постройки связывались уже с его именем, любил он просто так, без всякой надобности, пешком, препоручив коня гридню, ходить по узким переяславским улочкам. Неизменно приковывала его взор надвратная церковь Святого Феодора. Каждый раз останавливался он у ворот детинца, задира голову и с восторгом смотрел на свинцовый купол с золотым крестом и розовые нарядные стены церкви.

Странно, но здесь, в Переяславле, среди этих соборов, церквей, рядом с новыми, неизвестными доселе людьми, почувствовал молодой князь, впервые и со всей остротой, своё одиночество. Люди вокруг жили совсем иной жизнью, иными заботами, будь то закупы¹⁰⁵ и смерды с их нелёгким трудом или бояре с роскошными пирами, обжорством, леностью, чванством и невежеством. Он, Всеволод, всегда был один, у него не было друзей, да и не могло быть, ни с кем не мог он поделиться сокровенными мыслями и мечтами, никому не хотел раскрывать

¹⁰⁴ Рытый бархат – бархат с тиснёным узором.

¹⁰⁵ Закупы – феодально зависимые крестьяне, попавшие в кабалу за долги.

душу и только свято верил, что впереди ждут его слава, власть, почести. Иначе зачем жить? Иногда закрадывались в душу, терзали её глубокие сомнения, думалось почти с отчаянием: а вдруг всё так и останется – беспокойный пограничный город, переливы колоколов, и это до скончания земных дней?! Но гнал молодой князь прочь сомнения: неслучайно ведь отцу привиделось перед смертью будущее, то Бог решил поддержать его, Всеволода, сказать ему: «Ничего, княже, потерпи, пробьёт твой час. Сбудется всё, чего жаждешь вкусить ты в жизни бренной».

... Однажды поутру дворский с недоумением доложил князю:

– Некий монах на крыльце. Хочет зреть ты, княже.

– Что за монах? – удивился Всеволод. – Ладно, зови.

Перед Всеволодом возник... Иларион в чёрной монашеской рясе с куколем, весь какой-то потускневший, постаревший, с сединой в долгой бороде.

– Отче! – Всеволод повалился на колени и, рыдая, припал к стопам святого отца. – Отче! Прости! Умоляю! Не смог! Не посмел! Слаб! Недостоин! Ничтожен!

Иларион грустно улыбнулся, с любовью положил десницу на плечо питомца и ласково сказал:

– Не кори себя, Всеволод. Праведно створил ты, что не стал ссориться с Изяславом. Иначе усобица, крамола пошла б по Руси. Люду невесть сколь погибло бы. Да и не выдюжить тебе супротив старших братьев. А что меня снял Изяслав, в Печеры велел удалиться, а топерица и вовсе в Тмутаракань гонит, дак на то воля Божья. Ты же, Всеволод, одно постигни: как бы лихо ни было, завет отцов помни и блюди свято. Всё тогда лепо будет.

Всеволод, встав с колен и сдержав рыдания, сдавленным голосом спросил:

– Чего ж тебя в Тмутаракань? Близкий ли свет?

– Тако велено. Ныне уж не Иларион аз есмь, но мних Никон. Тако зови.

– Нет, отче. Воротить тебя Изяслава просить буду.

– Не надобно, княже. Гнев вызовешь, недовольство. Слаб ты покудова. Об ином прошу ты. – Иларион выглянул в окно и знаком подозвал стоящего посреди двора возле возка дрожащего от холода маленького монашка в низко надвинутом на глаза куколе.

Несмело поднялся монашек на мраморное крыльцо, прошёл в сени, в сопровождении дворского и оружного гридня направил стопы в горницу.

Увидев перед собой князя, облачённого в шёлковую пурпурную рубаху с золотым шитьём, он упал ниц и троекратно отвесил ему земной поклон.

– Встань, чадо, – строго сказал ему Иларион.

Монашек отбросил назад куколь. Перед Всеволодом возникло совсем юное, худое, истощённое строгим постом лицо. Бескровные уста, редкая русая бородёнка, тонкий, как у ромея, нос, глубоко посаженные глаза, ясно выражающие твёрдость духа и решимость идти на подвиги ради торжества истинной веры, – что-то высокое, неотмирное читалось в облике молодого монашка.

– Се Иаков-мних, постриженец монастыря на Лътеце. Ученик мой первый, – говорил Иларион. – Оставляю его на Руси, княже, заместо себя. Был он мне помочником верным, советником в делах многих. Не гляди, что молод. Разумом немалым наделил его Господь. Вот, мыслит летопись вести. Уж ты, княже, аще¹⁰⁶ что, в беде его не оставь.

– Не оставлю, отче, – хрипло выдал из себя Всеволод.

К горлу его подкатил тяжёлый ком: «Неужели никогда не увидимся больше? Иларион, отец мой духовный! Этого Изяславу ни за что не прошу!» Тёмные глаза князя полыхнули огнём.

¹⁰⁶ Аще (др.-рус.) – если.

– На Изяслава обиду за меня не таи, – словно догадался о его помыслах Иларион. – Помни: на всё воля Божья. Ну, прощай. Сподобит Господь, свидимся.

Они троекратно облобызались. Иларион, вздохнув, поспешил во двор.

...Всеволод, в одной шёлковой рубахе, без шапки и кожуха, невзирая на холод, выскочил на крыльцо. Он круто остановился на верхних ступенях высокой лестницы и со слезами в глазах пристально смотрел вслед возку, запряжённому тройкой ретивых жеребцов, который быстро мчал по снежной дороге. И стоял так молодой князь, недвижимо, оцепенело, до тех пор, пока возок не скрылся из виду посреди воя степной пурги.

Глава 6. Степное пограничье

С заборолов¹⁰⁷ переяславской стены за гладью Трубежа открывался вид на бескрайние степные просторы. Высокая трава тянулась к палящему солнцу, зеленела весной, желтела к лету, высыхая и громко шурша под бешеными порывами лихого южного ветра. Ветер носил по полям невесомые шары перекаати-поля, в воздухе стоял терпкий запах полыни вперемежку с гарью.

Вдоль Альты и Трубежа вереницей убегали вдаль сёла и пригородные слободы, на возделанных полосах жирной сочной земли, отвоёванной у степи, росли колосья пшеницы и ржи. И степь мстила... ураганами, тучами саранчи, сжирающей посева, дикими ордами кочевников-торков, налетающих со стремительной внезапностью. И горели хаты, возведённые с любовью и тщанием, угонялся скот, а сами крестьяне, повязанные верёвками и арканами, уныло брели по невольничьим дорогам на далёкие рынки Сурожа¹⁰⁸ и Корсуня¹⁰⁹. И кружили над тлеющими развалинами, над трупами со зловещим карканьем хищные птицы.

Жизнь на беспокойном пограничье не щадила никого. Бесконечные стычки со свирепым врагом утомляли, надоедали, но и закаляли, прививали привычку к постоянной опасности.

Как в омут головой, окунулся в этот новый для себя мир молодой Всеволод. Дня не проходило, чтоб не случилось беды: то угоняли за Сулой¹¹⁰ табун коней, то жгли деревни на Ворскле¹¹¹, то обстреливали отряд сторожи¹¹² на Правобережье Днепра у Заруба.

Перья, книги, учёные беседы откладывались в сторону, десница привыкала к рукояти отливающей серебром харалужной¹¹³ сабли. Стремя, седло, неистовая скачка, ломота в теле от непрерывной тряски, ночи в степи, у ярко взметающихся в тёмное, усеянное россыпью звёзд небо костров; пот, грязь, смерть рядом, в двух шагах; неприятный холодок, бегущий по спине – всё это ворвалось в жизнь молодого князя бешеным галопом. Спокойно было только в Переяславле, за крепкими стенами, земляным валом и наполненным грязной болотистой водой рвом. Впрочем, и здесь, что ни день, приходилось заниматься делами: слушать доклады тиунов о собранной дани, разбирать запутанные судебные споры, надзирать за хозяйством в хоромаш. Лишь вечерами, при свете свечи, удавалось иной раз раскрыть книгу в тяжёлом окладе, обитом серебром, и с наслаждением вчитаться в изречения мудрецов. А утром всё начиналось снова...

Отряд оружных воинов Всеволод заметил ещё за рекой, с заборола. Резво летели по степи низкорослые мохноногие кони. Передний всадник был в русской дощатой броне¹¹⁴ и в шишаке, затылок его закрывала кольчужная бармица¹¹⁵. Облачение его спутников – полукруглые шлемы – аварские¹¹⁶ и мисюрки¹¹⁷, калантыри¹¹⁸, юшманы¹¹⁹, узорчатые колчаны и тугие луки за спинами – выдавало в них степняков-торков.

¹⁰⁷ Заборол – площадка наверху крепостной стены, где находились во время осады защитники крепости.

¹⁰⁸ Сурож (Сугдея) – старинное название города Судак в Крыму.

¹⁰⁹ Корсунь (Херсонес) – греческая колония в Крыму близ совр. Севастополя, в описываемую эпоху принадлежал Византии.

¹¹⁰ Сула – река, приток Днепра, протекает по территории совр. Полтавской области. В устье Сулы находился древнерусский город Воишь.

¹¹¹ Ворскла – река, протекающая по территории современных России и Украины, приток Днепра.

¹¹² Сторожа – отряд воинов, выделяемый для охраны лагеря или посылаемый в разведку.

¹¹³ Харалужный – булатный, стальной.

¹¹⁴ Дощатая броня – вид защитного вооружения, панцирь из гладких металлических пластин.

¹¹⁵ Бармица – кольчужная сетка, защищающая затылок и шею.

¹¹⁶ Аварский шлем – тип защитного шлема. Имел лубяную основу, скреплённую металлическими пластинами.

¹¹⁷ Мисюрка – воинская шапка с железной маковкой или теменем и сеткой.

¹¹⁸ Калантырь (калантарь, колонтарь) – защитный панцирь без рукавов, состоит из металлических пластин, скреплённых

Вот передний круто остановился у рва, задрал вверх голову и, сложив руки лодочкой, звонко прокричал:

– Други! Дружина переславска! Княже Всеволод! Се я, Хомуня, сакмагон¹²⁰! Отворите! Вести везу важные!

– Что содеем, княже? – спросил Всеволода тучный боярин Никифор.

Старому боярину опостылело степное пограничье, так хотелось махнуть куда-нибудь подальше, в свои вотчины, но что поделать, если покойный князь Ярослав, полагаясь на его опыт, поручил ему заботу о любимом своём сыне.

– Откроем. Послушаем, какие вести несёт нам Хомуня. Может, в самом деле что важное скажет.

– На забороле ратников выставь поболе. И пред воротами такожде¹²¹, – стал советовать Никифор. – Не дай бог, что створить измыслят. Сам ко воротам не ходи, сожидай Хомуню в тереме. Не верую я вон тем. – Он указал унизанной перстнями дланью на степняков, сбившихся в кучу, словно им не хватало места, около Хомуни.

Всеволод согласно кивнул.

– Вели отворять, – коротко приказал он стоящему за спиной воеводе Ивану и поспешил вниз.

...В горнице, украшенной золотыми подсвечниками, оправленными в серебро турьими рогами и майоликовыми¹²² щитами, царило напряжённое ожидание. Хомуня, светло-русый, с пшеничного цвета усами, молодой, с тёмным от пыли и загара лицом, на котором ярко и лихорадочно блестели белки глаз, сидя напротив князя, говорил отрывисто, тяжело дыша:

– Племя несметное идёт... Издалече... За Волгой, за Яиком жили ране... Имя им – кипчаки... Живут дико... Сырое мясо едят... Кони, как ветер... На Дону... печенежьы вежи... грабили... разоряли... Торков притеснили... ко Днепру... Торчин сказал... Наш, союзный... Кунтувдиевой орды... Примчал... Вот.

Всеволод в тревоге вскочил со стольца¹²³. Хмуро провёл рукой по широким усам воевода Иван. Чуть заметно улыбнулся, предвкушая яростную сабельную сшибку, молодой, порывистый боярин Ратибор – лихой рубака и удалец. Никифор аж потемнел, стал мрачнее тучи.

И разом все заговорили, забросали сакмагона вопросами.

– Какова сила их?

– Оружны чем?

– Где ныне? Верны ли вести?

Хомуня, стараясь держаться спокойно, переведя дух, отвечал теперь скоро и точно.

– Сила несметная. Рать неисчислимая. Перешли Орель¹²⁴, Ворсклу. Лтаву¹²⁵ обошли стороной. Сейчас за Хоролом¹²⁶. Идут к устью Сулы, к Воиню¹²⁷. Другая орда ушла за Днепр, к киевским волостям. Переднюю орду ведёт хан Болуш. Оружье, как и у всех степняков, сабли,

кольчужным плетением.

¹¹⁹ Юшман – панцирь с кольчужными рукавами.

¹²⁰ Сакмагон – пеший лазутчик.

¹²¹ Такожде (*др.-рус.*) – также.

¹²² Майолика – изделия из обожжённой глины, покрытые глазурью и красками.

¹²³ Столец (мебель) – княжеское кресло.

¹²⁴ Орель – река, левый приток Днепра.

¹²⁵ Лтава – Полтава.

¹²⁶ Хорол – река в современной Полтавской области, приток Псёла.

¹²⁷ Воинь – пограничный древнерусский город в составе Переяславского княжества. Располагался на правом берегу реки Сула близ её впадения в Днепр.

стрелы, луки. Все комонные¹²⁸. На лицо схожи с торчинами. Хотя у иных, бают, и власы светлые, яко солома, и очи голубые. Переяславской дружине одной с ими не совладать.

Выслушав грозные известия, Всеволод вдруг как-то обмяк, ссутулился и устало опустился обратно на стolec. «Не совладать», – звенели в ушах сказанные Хомуней слова. Душу князя охватило отчаяние, он со слабой надеждой оглядел собравшихся бояр и тихо спросил:

– Как думаете, что нам делать? Как поступим?

Заговорил воевода Иван.

– Я мыслю тако, княже. Перво-наперво гонцов шли ко братьям – в Киев, в Чернигов. А сам не стряпая¹²⁹ наряжай сторóжи, собирай дружину – и встречу ворогу, к Воиню. И мужиков с поля оторви и оборужи. Дело святое.

Бояре одобрительно затрясли бородами.

Воевода Иван продолжил:

– Коли узрим – прут на нас степняки – примем бой, иного не дано. Коли они поворотят – не помчим за ими. Знаю их повадки – заманят в засаду да перестреляют.

– Кто ещё сказать хочет? – Всеволод обвёл взглядом примолкших советников. – Ты, Хомуня, что думаешь?

Хомуня, прокашлявшись, прохрипел:

– Прав Иван Жирославич. Здесь, в Переяславле, сожидать ворога нечего. Ибо покуда мы тут будем сидеть, сёла, нивы наши огню предадут! Выступать надоть¹³⁰.

– На том и порешим. – Всеволод хлопнул ладонями по подлокотникам столыца. – Грамоты князьям Изяславу и Святославу тотчас же, с печатями вислыми, с гонцами пошлю. А ты, воевода, – обратился он к Ивану. – Дружину готовь. Ты, Хомуня, и ты, Ратибор, нарядите сторóжу. Пошлите людей в степь, за Сулу, за Хорол. Ну, с Богом.

Проводив взглядом уходящих бояр, Всеволод приказал принести перо, чернила и пергамент.

Быстрые, неровные строки побежали по тонкому листу.

¹²⁸ Комонный (*др.-рус.*) – конный.

¹²⁹ Стряпать – мешкать, задерживаться.

¹³⁰ Надоть, нать (*др.-рус.*) – надо.

Глава 7. Во вражьем стане

Над Хоролом рассеивался утренний туман. Жёлтый слепящий глаза диск солнца пробивался через густую пелену, яркие копьё-лучи прорезали своими остриями непрочную белесую дымку. Ясно стал виден левый берег реки – низкий, обрамлённый нестройной цепочкой крутых холмов, что высились у самого окоёма.

Вдоль холмов неторопливо разъезжали вереницы степных всадников – вражеская сторо́жа. На равнине, перед холмами раскинулся лагерь кипчаков – всюду сверкали на солнце наконечники копий, доносились громкие гортанные крики. Посреди лагеря стояли огромные шатры на столбах, возле них виднелись тьмочисленные обозы, телеги, сюда же согнаны были стада овец, кони, двугорбые великаны-верблюды.

Ближе, у песчаного берега, с диким свистом проносились конные разъезды. Толпы степняков собирались у кизячных костров, пили кумыс, жевали сырое или слегка поджаренное мясо.

– Велика сила поганых, – раздумчиво вымолвил воевода Иван.

Всеволод, в волнении кусая сухие, пыльные губы, молча кивнул.

– Княже! Гонец! Белым платом машет! – крикнул, останавливая коня, Хомуня.

Всеволод порывисто обернулся. У излуки через реку плыл, ухватив коня за повод, молодой воин. В шуйце он держал сулицу¹³¹, на которую был наколот светлый клочок материи.

– В вежу! – коротко бросил Всеволод и, круто поворачив ретивого белоснежного скакуна, понёсся к своему шатру. Спешившись, передал поводья челядинцу, крикнул рослым гридням: – Гонца пропустить!

Следом за князем в шатёр-вежу проследовали Иван, Ратибор, Никифор и Хомуня. Сев на кошмы, они примолкли в томительном, тягостном ожидании.

«Половцы» – это слово уже срывалось с уст переяславских дружинников. Так, с чьей-то лёгкой руки, назвали они этот неведомый ранее степной народ¹³².

«Воистину, – подумал Всеволод, – метко сказано. Живут дико, в поле, хлеб не растят, умершим знатным воинам ставят на курганах каменные бабы – этакие страшные, уродливые, огромные». О них рассказали любознательному князю торопящиеся в Переяславль встречные купцы, которые под защитой крепостных стен мыслили сохранить свои товары.

Войлочный полог шатра колыхнулся, и внутрь не вошёл, а прямо-таки ввалился кипчак в мокрой одежде.

Увидев облачённого в кольчатую бронь князя, он поклонился ему в пояс.

– Садись! – сказал по-печенежски Всеволод.

Степняк, оскалив в улыбке крупные жёлтые зубы, тотчас уселся на кошмы, скрестив под собой ноги.

– Здравствуй, каназ! – молвил он так же по-печенежски. – Моё имя – Искал. Я – солтан¹³³, глава орды. Хан Болуш, главный в нашем племени, послал меня к тебе. Он сказал: «Хочу жить с Русью в мире». Зовёт тебя на пир. Ждёт, когда солнце...

Он указал перстом вверх.

– В полдень, – догадался Всеволод.

– Да. – Искал кивнул, неприятно, сдавленно рассмеявшись.

¹³¹ Сулица – короткое метательное копьё.

¹³² Половцы – союз тюркоязычных племён, занявших в середине XI века причерноморские степи. Совершали набеги на русские земли, участвовали в междоусобных войнах русских князей.

¹³³ Солтан – глава орды у половцев. Самой крупной единицей деления у половцев было племя, возглавляемое ханом. Племя делилось на орды, каждая орда делилась на роды, а роды в свою очередь – на семьи.

Вообще, во всех движениях и в поведении ханского посла проглядывали плохо скрываемые злоба, жестокость и пренебрежение.

– Ты, воевода! Ты, боярин! Ты, храбрый воин! – указал он на Ивана, Никифора и Хомуню. – Вы тоже приглашены. Я сказал!

Он неожиданно резко вскочил. Грідень у порога схватился за саблю и со скрежетом вырвал её из ножен.

– Ой, нехорошо, каназ! – снова рассмеялся Искал, обращаясь к Всеволоду (грідня он словно бы и не замечал). – Взять меня хочешь? Выкуп хочешь? Искал богатый, да?!

– Никто тебя не задержит. Иди. Передай хану, мы подумаем над его словами. – Всеволод знаком приказал грідню вложить саблю обратно в ножны.

Искал, недовольно шуря свои узкие, как щелки, огненные глаза, молча вышел из шатра. Вскоре до ушей Всеволода донеслись конский топот и плеск воды.

– Что будем делать? – спросил князь, хмуро озирая притихших соратников.

– Может, заманить хотят, убить... – начал было неуверенно Никифор, но осёкся и пожал плечами.

– Сила у их великая, княже. Нам с ими не сладить, – раздумчиво, оглаживая десницей бороду, изрёк Иван. – Ехать надоть, княже. Думаю, убить ты али полонить не посмеют. Болуш, видать, тож мира ищет. Иначе б не звал. А вот сему зверю хищному... – Он указал в сторону полога. – Не приведи Господь в лапы угодить. Да токмо не он, похоже, у их верховодит.

Всеволод долго молчал, собираясь с мыслями. Сердце бешено колотилось, всё тело была нервная дрожь, думалось: а вдруг перебыют их там, в половецком стане. Вылетят ханские нукеры с саблями и... поминай, как звали. А если не поехать... Тогда уж точно розмирье. Можно погубить бесславно и себя, и всю свою рать. Да ещё смеяться будут, упрекать, назовут трусом. Нет, если он хочет стать воистину великим, то должен... должен превозмочь страх, дрожь, должен ехать творить мир.

– Воевода Иван прав. Надо ехать, – вымолвил он наконец. – Ты, Ратибор, оставайся здесь. Рать держи наготове. Если к ночи не вернёмся, отходи к Воиню.

...Кони вспенили водную гладь. Шли по знакомому броду, медленно, напряжённо всматриваясь вдаль. Сильно припекало яркое полуденное солнце. У половецких шатров было заметно какое-то движение, встречу им с гиканьем и свистом полетел небольшой отряд всадников.

– Оружье наготове держите! – приказал грідням воевода Иван. – Неровен час, биться придёт.

Всеволод по-прежнему испытывал в теле дрожь. Лицо его окрасил густой багрянец волнения.

«О, Господи! Прости и помилуй меня!» – беззвучно шептал он слова молитвы, возводя очи горе.

Кони миновали переправу, ко Всеволоду и его спутникам подъехали знатные кипчаки в богатых одеждах из восточной фюфудии¹³⁴, в шелках, некоторые – даже в платьях ромейского покроя, украшенных самоцветами и золотым узорочьем. Ноги их облегалли широкие шаровары и высокие кожаные сапоги. В воздухе стоял неприятный тошнотворный запах навоза, конского пота, продымленных овчин и квашеного молока.

Гостей ввели в огромный шатёр на столбах и усадили на мягкие кошмы. Свирепого вида усаые нукеры с непроницаемыми бесстрастными лицами застыли у входа и стен. Впрочем, острые взгляды некоторых из них ясно показывали, что они не прочь перехватить горло кому угодно.

¹³⁴ Фюфудия – дорогая узорчатая восточная ткань.

«Вот сейчас набросятся и изрубят нас, как капусту», – подумал Всеволод, с опаской озираясь по сторонам.

Посреди шатра горел очаг. Два полуголых раба жарили на вертеле баранью тушу. Аромат готовящихся яств растекался по шатру, но есть не хотелось совсем. Наоборот, казалось Всеволоду, он и куска не проглотит, подавится.

Красивая чернявая служанка с кошачьими движениями, вся светясь очаровательной улыбкой, поднесла им кумыс в чашах.

– Пей, каназ. И ты, боярин, пей.

Это говорил приземистый толстый половец, круглолицый, кустобородый, с короткими кривыми ножками. До Всеволода не сразу дошло, что это и есть Болуш. Хан казался смешным и безобидным, и ему стало даже стыдно: разве такого можно бояться? Как мог он вообще испугаться?! Хорошо ещё, не подал виду, не показал страха ни своим, ни этим вот, грязным дикарям!

И уже подумалось о бессмысленности опасений. В самом деле, зачем поганым убивать их? Придут другие князья, бояре, воины на место Всеволода, Никифора, Хомуни. Русь велика. И всё пойдёт сызнова – битвы, миры, переговоры.

Стали пить кумыс, кислый и хмельной, от него закружилась голова.

Болуш хлопнул в ладоши. Принесли тушу верблюжонка, зажаренного на молоке. Мясо показалось приятным на вкус, но Всеволод заставил себя есть через силу: всё ещё подрагивали руки, он сторал от нетерпения. Когда же хан начнёт говорить о том, ради чего они, собственно, и прибыли сюда?

За верблюжонком подали барана, потом опять пили кумыс. Всеволод с едва скрываемым омерзением смотрел, как приближённые Болуша, солданы и беки¹³⁵, грязными пальцами таскали в рот жирные куски мяса и поглощали их с громким чавканьем и хищным урчанием. Сок и жир текли по их бородам, по рукам с золотыми и серебряными браслетами, капали на шаровары.

«Варвары! Дикари! – с ненавистью думал молодой князь. – И как они все одинаково грубы и грязны!»

Ожидание становилось невыносимым. Всеволод уже совсем было впал в отчаяние, но вот Болуш, отрыгнув, неожиданно спросил:

– Велика ваша земля?

Всеволод, зная язык печенегов, с трудом, но понял смысл сказанного. К удивлению многих половец, он ответил без толмача:

– Велика, хан. Туда... – Он указал жестом на полночь. – Дней пути больше, чем пальцев на руках и ногах. Много больше.

– Сильное у тебя войско, каназ, – не спеша, потягивая кумыс, сказал Болуш. – А много у тебя городов, крепостей?

– Много, хан. Я их не считал. – Всеволод впервые за время их разговора улыбнулся.

Хан взглянул на сидевшего слева от себя странного старика с бубном в руках, в звериной шкуре и высоком войлочном колпаке, наклонился к нему и что-то горячо зашептал на ухо.

«Колдун! Шаман! – пронеслось в голове Всеволода. – О, Боже! Спаси и сохрани!»

Шаман молча кивал, затем повернулся к хану лицом и громко возгласил:

– Да будет так, о великий и могучий!

– Каназ! – подняв десницу, торжественно произнёс Болуш. – Я не хочу воевать с тобой... Мы пришли сюда... Здесь хорошие пастбища... Зимовья. Мы жили в далёкой стране на восходе солнца, но туда пришёл песок... Мы, кипчаки, ушли от него. Мы будем пасти овец, коней,

¹³⁵ Бек – у половец это глава рода.

вы, урусы – делать хлеб. Я – в степи, ты – в своих городах. Кимак, принеси вино. Ромейское, доброе вино. Им скрепим мы нашу дружбу, каназ.

Слуга в войлочном халате поднёс Всеволоду и хану большие чаши, в которых искрилось тёмное красное вино.

«Отраву мог подсыпать!» – в страхе подумал Всеволод, но улыбнулся хану, ничем не выдав своих подозрений.

– По сердцу мне сказанное тобой, – промолвил он. – Вижу, ты великий воитель и великий глава своего племени. Только мудрый человек говорит такие слова. Он – бальзам для моего сердца.

Они чокнулись, расплескивая вино. Всеволод с опаской взглянул на ногти Болуша, чистые и ухоженные. Под ногтем мог быть яд – вот так часто греческие вельможи отравляют своих врагов. Тихонько опустят в чашу горошинку из-под ногтя, и через день-другой, а иногда через седмицу¹³⁶ «друг и союзник» корчится в агонии.

Но у половца как будто яда не было.

На душе у молодого князя понемногу полегчало.

...Вечером, в сумерках, шли обратно по броду. Воевода Иван негромко говорил:

– Не верую в роту¹³⁷ половца. Но ведаю одно: боится он нас. Пото¹³⁸ и лебезит. А ещё – торки ему мешают. Равно как и нам. Так, верно, княже?

– Думаю, ты прав, – глухо отозвался Всеволод.

Всю ночь до рассвета он беспокойно ворочался на кошмах и не мог уснуть. Ему всё казалось, что к веже его крадутся кочевники, сжимая в руках острые кривые ножи. Он вскакивал, выходил из шатра, вдыхал полной грудью холодный степной воздух. Но всё было спокойно. Мерно нёс свои воды Хорол, журчала вода, мирно горели костры в лагере, мерцали в выси звёзды, белел Млечный Путь.

...Наутро на левом берегу Хорола не было ни одного кипчака. Лишь остатки костров, дымящаяся зола, вытоптанная трава да кучи навоза говорили о том, что ещё вчера здесь хозяйничали дикие орды.

Всеволод понемногу успокоился. Кажется, на первый раз ему сопутствовала удача. И сам невредим, и дружина цела, и пещы. Он улыбался, с упоением взирая на ярко-голубой купол неба. Высоко-высоко над землёй распростёр крылья степной ястреб. За реку, на полдень нёсся он, улетаая прочь от Русской земли, истаивая в необъятной дали, вскоре превратился в крохотную точку, а затем и исчез за расплывчатым, подёрнутым дымкой окоёмом.

¹³⁶ Седмица – неделя.

¹³⁷ Рота – клятва.

¹³⁸ Пото (*др.-рус.*) – потому.

Глава 8. Сполохи любви

Сквозь слюдяные стёкла окон падал неяркий ласковый утренний свет. Изнурённая Гертруда со слабой улыбкой взирала на прыгающий по стене солнечный зайчик. Слава богу, её мучения миновали. Крохотный сын-младенец, покричав, спит в колыбели в соседней светлице, рядом с ним – холопки и кормилица. Её, Гертруды, заботы на сегодня окончены. Можно лежать, отдыхать, слушать, как бегают за дверями челядь, как пробуждаются и щебечут птицы за окном.

К Изяславу, ушедшему в поход на Литву, посланы гонцы. Ночью, сразу после родов, тайно приходил отец Мартин, наказывал, чтоб сына нарекли Петром. Пётр, значит – камень. Пусть будет он твёрд в вере, как камень! Стоит ли во всём слушать Мартина?

Тихо скрипнула дверь. Рябая старуха-холопка доложила княгине:

– Князь Всеволод из Переяславля приехал.

– Позови его.

– Как? Прямо сюда?

– Сказала уже! Что, затрещину захотела?! – Гертруда угрожающе выпростала из-под одеяла руку. – Да, где мои рубиновые серьги? Поддай, я надену.

...Всеволод, потоптавшись в дверях, несмело шагнул в наполненную ароматами благовоний опочивальню.

– Здравствуй, княгиня! – сухо промолвил он, встав у окна. – Как ты? Вижу: слаба, бледна. Наверное, тяжело это?

– Что тяжело?

– Ну... рожать.

Гертруда засмеялась.

– Это удел каждой женщины. Почти каждой. Кроме убогих монахинь.

– Сын. У тебя тоже сын. И у меня сын, – хрипло пробормотал Всеволод.

Проницательная Гертруда заметила, как он помрачнел и плотно сжал губы.

«Я права, права была! Он не любит Марию, жалеет, что не я его жена!» – пронеслась у неё в голове радостная мысль.

– Как Мария? Здорова ли? – спросила она, не сводя с лица Всеволода своих серых изучающих глаз.

– Мария? – Всеволод внезапно вздрогнул. – Да, во здравии пребывает. Вашими молитвами, княгиня.

– У тебя один сын. А у моего Петра двое старших братьев, – похвасталась Гертруда и снова засмеялась, нервно, тяжело. Не выдержав, она громко закашляла.

Всеволод резко повернул голову и взглянул на неё с заметным беспокойством.

– Ты не должна волноваться. Лекарки сказали, тебе нужен покой, ты утомлена. Мне лучше уйти.

– Нет, нет, князь! Останься. Так мне будет легче... Браслет! Мой дар! – ахнула она, заметив на руке Всеволода свой недавний подарок – серебряный браслет.

– Серьги с рубинами. Помнишь? – По лицу князя пробежала мимолётная улыбка.

– Помню.

Как зачарованный, смотрел Всеволод на лежащую Гертруду. Вот это – женщина, настоящая, не то что Мария – смесь льда, холода и ромейской надменности. Гертруда – живая, непосредственная. Какой у неё смех – заразительный, лёгкий, серебристый. А у Марии? Издевательский, сухой, полный презрения. Таковую бы жену, как Гертруда! Тонкий стан, пышная грудь, волосы – золотистые, как хлебные колосья. И глаза – светлые и лучистые, и губы – сладкие, как мёд.

Всеволод подошёл к широкой постели, колени его тихо соскользнули на пушистый персидский ковёр, он наклонился и нежно поцеловал княгиню в нос. Пусть знает, что этот острый, большой, портящий её красоту нос не отталкивает Всеволода.

Гертруда ответила тихим довольным смешком.

– Я поправлюсь. Встану. У меня есть сёла и большой дом... за Днепром. Мои верные шляхтичи и саксонские бароны из свиты покойной матери будут охранять нас. Мы будем вместе. Я всё продумала.

Она говорила негромко, но с жаром, Всеволод угадывал в её голосе с трудом сдерживаемую страстность; в скупых, но резких движениях её просматривалась порывистость; в серых глазах, словно окутанных сладковатой пеленой, читались обожание и нежность. Сейчас она нуждалась более всего в ласке – в его, Всеволода, ласке. И князю вдруг стало казаться, что бездонная пропасть, разверзшаяся между ними, как будто бы сдвигается, исчезает; становятся неясными далёкими тенями Изяслав, Мария, Владимир, крохотный Гертрудин младенец, и даже сам Бог смотрит на них с горних высот если не с одобрением, то с сочувствием и пониманием неотвратимости неизбежного, того, что должно произойти между ними.

Впервые в жизни познал Всеволод настоящее глубокое чувство к женщине. Вот ведь минуло уже двадцать пять лет, а стоит он здесь на коленях, краснеет, словно шестнадцатилетний юнец, и сердце колотится в груди в сладостном предвкушении грядущих лобзаний, объятий, близости.

– Пришлю грамоту. Ты поедешь на охоту, возьмёшь всего нескольких гридней, – шептала Гертруда. – И моего человека. Зимой, по снегу. А сейчас иди.

Всеволод молча поднялся с колен и попятился к двери.

– Подожди, князь Хольти! – остановила она его. – Ещё раз. Только не в нос – в губы.

В жарком медовом поцелуе слились их пылающие уста.

Глава 9. Тайна рождения

Хрустя снегом под ногами, подбежал к Всеволоду юный боярин Ратибор. Шапка кунья лихо заломлена набекрень, мятелю суконная развеивается за плечами, слегка припорошенная снегом, на начищенных до блеска чёрных сапожках сверкают металлом бодни.

– Княже! – заговорил Ратибор бодрым голосом, светясь белозубой улыбкой. – Там... Матушки твоей покойной челядинка старая... Хильда, кажись... Бают, зреть ты хочешь... Проживает здесь, в Киеве, возле Лядских врат, у ропаты¹³⁹ латинской.

– Хильда! – Всеволод сощурил глаза, вспоминая. – Да, так её зовут... Зачем я ей понадобился? Ничего не говорила?

– Да я её и не видал вовсе. Шимон, варяг¹⁴⁰, дружинник, просил передать. – Ратибор, сразу смутившийся, с виноватым видом пожал плечами.

– Что же. Съездить к ней надо. Где её дом, я понял. Поедем вдвоём, Ратибор. Никому более ни слова не говори. Смею надеяться, ненадолго это. Ох уж эти мне матушкины свейки!

Князь неспешно взобрался в седло, тронул поводьями статного вороного скакуна с серебряной обрудью¹⁴¹. Плавной, важной поступью поскакал молодой, ретивый жеребец по заснеженным киевским улицам. Следом за Всеволодом держался Ратибор на своём гнедом коне. Они проехали мимо Десятинной церкви, миновали Софийские ворота, затем круто свернули влево и вскоре, поднявшись на бугор, оказались недалеко от Лядских врат.

Из трубы добротной сложенной избы, украшенной киноварной росписью, струился белый дым. Двор огорожен был частоколом из плотно пригнанных друг к другу толстых дубовых брёвен с заострёнными наверху концами.

«Будто за стеной крепостной эта самая Хильда живёт, – подумал Всеволод. – Что ж, покойная мать её любила, ей одной все тайны свои доверяла. Шесть лет минуло, как матушка преставилась».

Ратибору он велел остаться в сенях, сам же, переобувшись в домашние лапотки с загнутыми носками, поспешил во внутренний покой. Служанка, миловидная варяжка, поклонившись, зажгла свечу на столе и скрылась, тихонько затворив за собой дверь.

Старая Хильда тяжело дышала. Она покоилась на просторном ложе, накрытая беличьим одеялом.

«Подарок матери», – вспомнил Всеволод, опустившись по взмаху жилистой старушечьей руки на скамью рядом с постелью.

Седые волосы Хильды разметались по белой подушке. Она заговорила по-свейски, с присвистом, отрывисто, часто останавливаясь.

– Князь Хольти! Хочу открыть тебе тайну твоего рождения... Твоя мать, княгиня Инггерда, хранила её долгие годы... Хотела сказать тебе перед кончиной... Не успела... Ты был тогда далеко, в Суздале...

– Какую ещё тайну?! Говори скорей! – прошептал Всеволод, внутренне содрогнувшись.

– Твой отец – не князь Ярослав... За год до твоего рожденья в Новый Город приехал король Норвегии Олав Харальдссон. Он потерял власть в своей стране... Раньше... Олав и твоя мать были женихом и невестой... За десять лет до этого... Должны были пожениться...

¹³⁹ Ропата – костёл.

¹⁴⁰ Варяги – первоначально варягами на Руси называли жителей южного берега Балтийского (Варяжского) моря. Согласно «Повести временных лет...» варяги – обобщённое название племён, преимущественно славянской и летто-литовской языковых групп, живших к востоку от полуострова Ютландия вплоть до устья Немана. Впоследствии (с XI века) название «варяги» распространяется на жителей Скандинавии и часто отождествляется именно с ними.

¹⁴¹ Обрудь – сбруя.

Оба молодые, красивые... Но князь Ярослав... он предложил отцу Ингигерды, королю Швеции Шётконунгу, более выгодные условия...

– Эту историю я знаю! – недовольно перебил старуху Всеволод. – В вено¹⁴² мой отец передал матери Ладогу, которой стали управлять ярл Рёгнвальд и его сыновья. Защищали они Новгород от нападений других варяжских и нурманских находников. Отец потому и прозван был Мудрым. Умел чужими силами оборонять свою землю. То же самое сделал он и на юге Руси. В Поросье, на пограничье со степью поселил служивых торков и берендеев¹⁴³.

– Вот... ты называешь князя Ярослава отцом... А между тем твой настоящий отец – Олав! От греха его с матерью твоей, княгиней Ингигердой – Ириной, ты родился, – провещала, неприятно шамкая беззубым ртом, старуха.

– Ты врёшь, обманываешь меня! – Всеволод внезапно вскипел. – Лежишь тут, клеветешь на мою покойную мать!

– Это правда, князь Хольти! Клянусь тебе!.. Мне ли не ведать! Я тайно устраивала встречи Олава с Ингигердой. Князь Ярослав, наверное, догадался об этом, но позднее. В тот год он ходил в поход на ясов¹⁴⁴, на Кавказ, и прибыл в Новый город только поздней осенью... Олав после Рождества... уехал, вернулся в Норвегию. Он попытался вернуть себе престол, но погиб в бою с датским конунгом¹⁴⁵... Это случилось летом... Вести о его гибели пришли в Новый город уже в августе... Княгиня Ингигерда скорбела... А ты, князь Хольти! Ты родился в день памяти Феодора Стратилата, восьмого июня... Считается, что княгиня родила тебя раньше положенного времени... Но это не так... Помню, я принимала роды... Я держала тебя младенцем на руках... Тогда конунг Олав был ещё жив... Но он погиб два месяца спустя, так и не узнав никогда о тебе, князь Хольти... Он был смел, и в честь его твоя мать и дала тебе это имя – Хольти...

Хильда умолкла, переводя дыхание. Всеволод, вскочив, выглянул за дверь. Не подслушал ли кто его разговор? Пойдут слухи, и тогда... Бог весть. Такая молва может здорово навредить ему, владетелю Переяславля и Ростово-Суздальской земли.

Но в горницах было пусто. Ратибор в сенях негромко беседовал о чём-то с конюхом, служанка Хильды, по всей видимости, спустилась на нижнее жило¹⁴⁶.

«Ратибор не разумеет по-свейски, а больше некому тут слушать», – подумал Всеволод.

Немного успокоившись, он плотно притворил дверь и снова сел на скамью у изголовья Хильдиного ложа.

– Ты никому об этом не рассказывала? – спросил Всеволод, подозрительно глядя на морщинистое лицо старухи.

– Нет, я поклялась княгине Ингигерде, что никто, кроме тебя... ничего не узнает...

– А отец мой, князь Ярослав?

– Они часто ссорились... Твоя мать, князь Хольти, не была ему верной женой.

– То есть и среди моих братьев и сестёр тоже есть дети, рождённые не от князя Ярослава?

– Есть. Но я дала клятву...

– Довольно. Я понял тебя. Надеюсь, ты никому больше ничего не скажешь.

– Я умру этой ночью... Давно мучают боли внутри... Чую, отхожу к Господу... Дом свой завещаю тебе... Тебя твоя мать любила, очень любила... Потому что любила Олава... Князь Ярослав... он её сильно любил и многое ей прощал... Тебя он тоже любил как сына... Как

¹⁴² Вено – плата от жениха за невесту.

¹⁴³ Берендеи – кочевые племена в южнорусских степях, вблизи Киевского и Переяславского княжеств. В летописях часто упоминаются как торки.

¹⁴⁴ Ясы – народ на Кавказе, то же, что аланы.

¹⁴⁵ Конунг – у нурманов: предводитель, князь.

¹⁴⁶ Жило – этаж, ярус.

своих сыновей... Даже сильнее... Он был умён... И ему нужны были наследники... Ты... ты станешь достойным сыном своих отца и матери... Теперь уходи...

Всеволод неслышно выскользнул из покоя. Становилось не по себе. Он размашисто положил крест и шёпотом пробормотал:

– Всё в Руце Божией. Прости нам, Господи, грехи наши! Не осуждай мать мою Ирину! Все бо¹⁴⁷ мы, человеци, из праха созданы и возлюбили земное!

Отчего-то вспомнилась ему давешняя встреча с Гертрудой.

Мрачно тупясь, поспешил Всеволод во двор.

– Поехали! – окликнул он Ратибора.

– И что, княже, сей Хильде от ты надоть было? – вопрошал по пути любопытный молодой боярин.

– Помирает она. Дом свой и двор мне по грамоте передаёт. Наследников у неё не осталось, – коротко оттолкнул Всеволод.

На том разговор кончился. Сам себе князь Хольти поклялся, что открытую ему старой мамкой семейную тайну будет хранить до конца дней своих и ни единая душа о ней не проведаст.

«Ради своего же и детей своих блага», – решил он, глядя, как над стольным городом сгущаются сумерки и в домах зажигаются огоньки свечей.

...Старая Хильда, как и предсказывала, скончалась той же ночью. Гроб с телом её поместили в ограде латинской ропаты. Всеволод вместе с воротившимся из похода на Литву Изяславом и Гертрудой побывали на её отпевании. На душе у молодого князя было смутно. Слушая латинскую скороговорку католического прелата, размышлял он о том, сколько же ещё тайн унесла с собой в могилу наперсница княгини Ингигерды. Вряд ли кто когда об этом узнает или догадается. И ещё подумалось о том, что множество тайн есть, в сущности, у каждого из живущих на Земле.

¹⁴⁷ Бо (др.-рус.) – ибо, так как.

Глава 10. Подстяга

В глубоком почтении застыли на поросшем низенькой травкой князем дворе бояре и знатные дружинники. Воевода Иван вывел из стойла, держа за повод, вороного красавца-актаза¹⁴⁸. Седло с серебристым узором, золочёное стремя, парчовый чепрак, дорогая обурд красовались на гордом скакуне. Кто-то из дружины восхищённо ахнул.

Со востока сошёл трёхлетний Владимир в кафтанчике зелёного цвета с золотой прошвой в три ряда от ворота до подола. Тонкий стан мальчика перехватывал пояс с раздвоенными концами и пряжкой, изображающей греческую сказочную Медузу Горгону – чудовище со змеиными головами вместо волос. На поясе в обшитых бархатом ножнах висела короткая кривая сабелька. Голову мальчика покрывала войлочная шапчонка, ноги были в синих шароварах, расширенных у колен. Мягкие, тимовые¹⁴⁹ сапожки, как и кафтанчик, украшали золотые нити.

Явился с крестом в руках епископ Пётр в сопровождении архидиакона с кадиллом, облачённый в праздничную парчовую фелонь¹⁵⁰. Он прочёл краткую торжественную молитву и благословил оробевшего, мало что понимающего ребёнка. Затем к мальчику подошёл княжеский брадобрей. Челядинец снял с головы Владимира шапочку. Осторожно, со тщанием брадобрей остриг юному княжичу первые в его жизни волосы, рыжеватые, слегка вьющиеся плавной волной. Княжич скривил губку, норовя расплакаться, но сдержался, стиснув зубы. Отец накануне сказал, что будущий воин не должен никому показывать свою слабость.

И всё-таки стало страшно, Владимир задёргал головой, озираясь по сторонам. Вот мать стоит у окна, такая каменно неприступная, чужая, холодная, смотрит с едва скрываемым пренебрежением на обряд пострига. Отец впереди толпы бояр глядит на княжича и чуть заметно кивает с одобрением. С отцом всегда проще и лучше, чем с матерью. Он то подарит какую-нибудь игрушку, то наставит мягким спокойным голосом. Не то что мать – та, если совершит Владимир какую шалость, тотчас сердится, гневается, хватается за розги. Единственный её подарок сыну – серебряный оберег, на котором с одной стороны нарисован святой архангел, а на другой – какая-то неведомая женщина со змеиными головами вместо рук и змеиными же хвостами вместо ног. С этим оберегом Владимир теперь не расстанется, висит он у него на шее рядом с тельником.

Всеволод поднял сына на руки и торжественно усадил его на коня. В глазах у Владимира зарябило, всё возле него закружилось, запрыгало в каком-то неистовом вращении. Судорожно вцепившись руками в поводья, припав к гриве вороного актаза, он испуганно смотрел на бояр и дружинников, вдруг оказавшихся где-то внизу.

– Вот князь ваш, други! – возгласил Всеволод.

Он вместе с воеводой Иваном медленно провёл коня вокруг двора.

– Ничего, княжич, – лукаво подмигивая, успокаивал Владимира Иван.

Глядя на широкое, немного смешное лицо воеводы, княжич улыбнулся. Гридни бережно подхватили и опустили его на землю.

– Воин будешь, ратник, храбр удатный¹⁵¹! – погладил мальчика по голове воевода. – Научу ты всему, что сам умею. Дело нехитрое.

Так совершили над маленьким Всеволодовым сыном подстягу – обряд посвящения в воины. В тот день никто ещё не знал, как прогремит по белу свету имя Владимира Мономаха – полководца, писателя и умного устроителя своей земли. То будет в грядущем, а пока он был

¹⁴⁸ Актаз – порода коней; в Средние века известны актазы, разводимые в Болгарии Волжско-Камской.

¹⁴⁹ Тим – мягкая кожа, род сафьяна.

¹⁵⁰ Фелонь – то же, что риза. Богослужбная одежда священников.

¹⁵¹ Удатный – удалой.

просто крохотным, пугливым мальцом, впервые оторванным от заботливых мамок и нянек и одолевшим первую в своей жизни преграду – преграду из собственного страха, боли, слабости. И только Всевышний ведал, сколько преград, тяжких, многотрудных, ждёт его впереди!

Глава 11. Волнения Владимира

Юный Владимир на редкость легко осваивал первые азы науки, как бы играючи давалась ему трудная для других грамота, и к семи годам княжич уже читал и писал по-русски и по-гречески, умел считать, складывать и вычитать двузначные числа. С особым тщанием взялся он за чтение книг древних хронистов. По нраву пришлись юному Владимиру и славянские летописи. Часто, уединясь с книгой в саду или на крутом берегу Трубежа, под сенью могучих вековых дубов, с восхищением узнавал он о деяниях Владимира Святославича, о походах Игоря, о Вещем Олеге. Ему хотелось, пусть хоть чуточку, но походить на них – сильных умом и крепостью мышц, великих, готовых на ратный подвиг.

Закрывая глаза, Владимир представлял себя неким храбром на коне с мечом в деснице, крушащим дикие полчища кочевников-печенегов. Дал бы только Бог сил стать таким же, как деды и прадеды.

Учитель, молодой Иаков-мних, не мог нахвалиться успехами питомца. Столь любознательных и способных учеников больше у него не было. Одно беспокоило тщедушного монашка: вырастет Владимир, станет думать, что в жизни всё так же просто, как и теперь, будет ему даваться. Тогда и бед натворить недолго. Ведь князь – первый человек на Руси, за всю землю он ответ держит перед людьми и Богом, потому должен он быть всегда рассудительным, мудрым, не рубить сплеча, но осмысливать, прежде чем вершить, деяния свои.

– Поболе о предках наших чти. Польза от летописей огромна. Чти и мысли, как бы ты сам поступил на их месте. И крепко запоминай читанное. Ибо в жизни многое из сего пригодится тебе, – наставлял монах юного княжича.

Воинскому делу обучал Владимира воевода Иван Жирославич. Крепкий, хорошо сложенный, широкий в плечах воевода, всегда прямой и открытый, пришёлся по душе Владимиру, и он старался как можно чаще радовать его своими успехами. Княжич научился метко стрелять из лука, владеть лёгкой, пока деревянной, сабелькой, управляться с конём, за что получал от воеводы скупую, но всегда приятную похвалу. В перерывах между занятиями Иван Жирославич любил рассказывать о своём бурном прошлом, о походах, в которых принимал участие, о битвах с косматыми печенегами и осаде руссами Константинополя.

Жизнь Владимира текла радостно и безмятежно до того самого дня, когда Иаков, будучи приглашён на трапезу вместе с княжеской семьёй, завёл с князем Всеволодом разговор о будущем мальчика.

– Мыслю я, княже, свезти бы сына твоего в Киев, – говорил Иаков. – Вельми способен он, в науках смыслён. Поглядит на стольный, со братьями, дядьями, с учёными людьми побаит. Всё польза будет. Да и книжников различных в Киеве не счесть, не то что у нас в Переяславле. И учителей бы ему подыскать, в премудростях исхитрённых. Куда уж мне его учить! Языков-то ведь никоих, окромя греческого, не ведаю. Послушай, светлый княже, совета моего. Сам ведь ты учёностью своею прославлен, пять языков разумеешь.

Всеволод задумался, опустил голову и долго молчал, уставившись в пол.

Княгиня Мария, холодно усмехнувшись, с презрением в голосе стала возражать Иакову:

– Да зачем они ему, языки? Грамоту постиг, чего ещё? Книг много прочитает, многое узнает. Не монах – князь будущий. Скажи им, Иоанн Жирославич.

Бывший тут же воевода Иван вытер ладонью широкие седые усы, громко прокашлялся и изрёк:

– Я, княгиня, скажу тако. Вот я много лет прожил, многое видал, в походы хаживал, служил князю Ярославу верой и правдой. А вот молви иноземной не обучен, о чём жалею вельми. Что мечом махать? Дело нехитрое. Каждый сможет, аще прилежание иметь будет. По

моему разумению, всякому человеку учиться надоть, дабы всё сущее окрест¹⁵² объяснить он мог. А то вот я: сколько ни думаю, многого не понимаю. Прошу об одном. Владимира полюбил я, яко сына родного. Пото, княже, пустил бы ты мя с им вместиах¹⁵³ в Киев. Ведь и он вот ко мне привязался, а я уж пригляжу за им тамо.

– Глупость болтаешь, воевода! – Мария хмыкнула и недовольно поморщилась. – Что там, в Киеве, мёдом намазано?! Воин растёт, не святоша! Больно вы все его распустили, как я смотрю!

– Да нет же, прав воевода, – возразил Всеволод, стараясь хоть как-то сгладить резкость слов жены. – Пусть так и будет. Прав и ты, Иаков. Давно следовало бы княжича в Киев свозить. Нечего сиднем в тереме киснуть. Пускай на белый свет посмотрит. Вырастет – как княжить станет? Раньше проще было, но теперь иные времена, сынок, – обратился он к Владимиру. – Без грамоты никуда. Вот будешь ты с иноземными послами толковать или узнать задумаешь, что на свете творится. На толмача не надейся, он ведь и соврать, и ошибиться может. И помни: доверяй больше своим глазам, меньше – чужому слову. Съездишь вот с воеводой в Киев, поглядишь на стольный град, а там и учителей тебе найдём, и книги нужные раздобудем. Ты же, воевода, знай: за сына моего отныне ответ держишь! Присматривай за ним получше!

Сколь быстро и неожиданно меняется жизнь! Владимир широко раскрытыми очами удивлённо взирал то на отца, то на воеводу Ивана, то на Иакова. Иван Жирославич, уразумев, видно, что творится в душе мальчика, с ласковой улыбкой положил ему на плечо руку и тихо промолвил:

– Ничего, княжич.

И Владимир, ощутив у себя на плече тяжёлую и сильную длань воеводы, успокоился и застенчиво улыбнулся, доверчиво глядя на круглое усатое лицо вужа.

¹⁵² Окрест – вокруг.

¹⁵³ Вместиах (др.-рус.) – вместе.

Глава 12. Первый поход

Летом, в самый разгар полевых работ, поскакали в Переяславль, загоняя коней, чёрные вестники беды.

По Суле, Орели, Удаю¹⁵⁴ вихрем пронесли свирепые торки. Горели подожжённые ордой сёла и деревни, дымом окутывались пограничные городки, над полями кружило хищное воронье, по дорогам рыскали вылезшие из своих нор степные волки. Крестьяне, собрав скудный скарб, толпами валили под защиту крепостей, бросая дома, житницы, гумна, а где-то уже далеко по пыльным шляхам брели иные, повязанные в длинные цепи арканами, подгоняемые нагайками.

Сакмагон Хомуня, весь в пыли, в разорванной кольчуге и покорёженном шеломе¹⁵⁵, прыгнув с коня и бросив поводья челядинцу, бегом ринулся к крыльцу княжеских хором. Увидев на пороге сеней выскочившего ему навстречу обеспокоенного Всеволода, он резко остановился и, шатаясь от усталости, взволнованно выпалил:

– Княже! За Орелью сторожи наши торков узрели! Сказывали: как вышли ко берегу Днепра, так видна стала рать большая. Воеводы бают, тыщи три вершников наберётся. Народ с полей в крепости бежит, прячется. К тебе спешил, нарвался на засаду у брода. Тамо сторожа ихняя была. Едва не зарубили, треклятые!

Всеволод сдвинул тонкие брови.

– Опять зашевелились, поганые сыроддцы! – недовольно проворчал он. – Снова придётся мечом их поучить, супостатов. Вон как покойный отец печенегов бил под Киевом. Думаю я, Хомуня, выступать нам надо. Нечего за переяславской стеной сидеть. Соберу дружину, пойду в степь врагов встречать. На корню бы их сничтожить, не дать набрать силу.

Отпустив Хомуню и приказав воеводам собирать воинов, Всеволод прошёл в палату на верхнем жиле и сел на широкий конник¹⁵⁶. Тяжкие мысли омрачили его высокое чело.

Издревле, из века в век налетают на славянские земли степные орды. Сперва были гунны, за ними следом обры¹⁵⁷ – от этих племён остались одни названия – потом хазары¹⁵⁸, угры, печенеги, теперь – торки. Нет в степях ничего постоянного, не переставая кипит там борьба, одни истребляют и вытесняют других. Но, какие бы племена и народы ни появлялись на ковыльных причерноморских равнинах, какие бы события ни вершились, жизнь там всегда оставалась одной и той же – не сеяли кочевники хлеб, не работали на ниве, а жили только грабежами, разбоем и кровавыми набегами. Вот в нынешнее лето снова явились они на Руси, правда, если верить словам Хомуни, не в такой великой силе, как случилось прежде. Поэтому стоит ли ему, Всеволоду, ждать, когда приспееет помощь от братьев? Да и помогут ли? Изяслав вон, собрался на голядов¹⁵⁹, на Литву – до степи ли ему сейчас? Эх, был бы он, Всеволод, князем в Киеве, устроил бы он тогда воронам в степи обильное пиршество! Голяды и Литва подождут, торки – куда опасней и страшней. Но прочь, прочь беспокойные мысли, не время предаваться мечте, возлелеянной в глубинах страждущей души! Надо спешить готовить переяславскую дружину.

¹⁵⁴ Удай – правый приток Сулы (бассейн Днепра).

¹⁵⁵ Шелом – обычно конической формы и остроконечный.

¹⁵⁶ Конник – здесь: лавка.

¹⁵⁷ Обры – славянское летописное название авар. Союз кочевых племён, главным образом тюркоязычных.

¹⁵⁸ Хазары – кочевой тюркоязычный народ, появился на равнинах Восточной Европы в IV веке. В середине VII века хазары образовали на Волге и Северном Кавказе государство – Хазарский каганат. Около 800 года каган Обадия принял *иудаизм*, ставший государственной религией каганата. Около 965 года каганат был разгромлен войсками киевского князя Святослава. Впоследствии хазары смешались с другими народами Причерноморья и Предкавказья.

¹⁵⁹ Голяды – племя угро-финской языковой группы, обитало в междуречье Протвы и Оки. Упоминается в русских летописях XI века.

И выступать чем скорей, тем и лучше. Иначе торки могут откочевать далеко на юг, тогда ищи их там, на бескрайних просторах! Нагнать бы их сейчас, пока не поздно, перенять на пути, отобрать захваченный полон, иссечь саблями!

После недолгих размышлений князь вызвал к себе в покой воеводу Ивана вместе с Владимиром и, посадив мальчика себе на колени, ласково спросил:

– Ну, сыне, пойдём на торков? Пора тебе поглядеть хотя бы на них. Ведь не раз и не два придётся тебе столкнуться с этими погаными ордами. Давай-ка, воевода, возьмём княжича с собой в поход.

Иван одобрительно кивнул головой:

– Ратнику будущему надоть с младых лет ворога воочию увидеть. Пушай едет. Ты, княже, не бойся. Я уж за Владимиром тамо пригляжу.

Глаза мальчика светились радостью. Наконец-то он сможет проявить себя, показать всем свою доблесть и воинское умение. Как будут завидовать ему после сверстники, те, кто ещё не выходил на поганых, с каким жаром станут они внимать его рассказам!

Владимира обрядили в лёгкую кольчугу, а в руки дали короткую булатную сабельку – скорее для порядка, ибо какой же воин без оружия отправляется на сечу. Юный княжич лихо впрыгнул в седло.

Мать, обычно такая холодная и отчуждённая, вдруг выбежала из бабинца, заохала и принялась осыпать Всеволода упрёками.

– Куда берёшь дитя такое малое! Вдруг шальная стрела! Не пушу я тебя, Владимир!

На глазах княгини заблестели слёзы; не выдержав, она всхлипнула.

– Довольно тебе хныкать! – грубо отрезал Всеволод. – Ратник он будущий, а не рохля какой! – И уже мягче добавил, обняв жену: – Ну, полно тебе. Моли Господа, чтобы не случилось никакого зла с нашим сыном. Всё бо в Руце Его.

Мария, вытерев слёзы и высморкавшись, зло прошептала в ответ:

– Если сына мне не сбережёшь, ни за что не прощу тебя, князь!

Всеволод, ничего не ответив, хмуро отвернулся.

...Наскоро собранная дружина на рассвете выступила из Переяславля и двинулась левым берегом Днепра. Во все стороны рассыпались сторожи, зорко следя за степью: не покажется ли где враг.

Воевода Иван наставлял Владимира:

– Проста наука воинская, но требует порядку. Вот, княжич, совет тебе: в походе будучи, не ленись, на воевод всецело не полагайся, боле сам гляди. И ни еде, ни питью излиха не предавайся. По ночам же сам проверяй сторожи, дабы не спал страж никоторый и готовым к сече был. Вдруг ворог ночью напасть измыслит, внезапно?

...Остановливаясь на короткие привалы, рать шла под палящими лучами солнца полтора утомительных дня. Владимир, сильно уставший под тяжестью булатной кольчуги, весь в поту и пыли, с унынием смотрел вперёд. Скоро ли кончится эта тряска в седле, скоро ли повстречают они наконец торков? Но на ковыльных степных просторах царило безмолвие, только ветер бросал в лицо горячие, сухие струи.

К полудню второго дня пути переяславская дружина достигла Воиня – крепости у впадения в Днепр многоводной, широкой Сулы.

Воинь, большой сторожевой городок, обведённый дубовыми стенами на земляном валу и рвом, встретил юного Владимира оживлением и шумом. Жители окрестных сёл и деревень, услышав о нашествии торков, спешили обратиться за надёжные стены детинца. Воиньский воевода, весь охрипший от крика, метался по двору крепости, размещая вновь прибывших, расставляя ратников на забороле, торопя гридней с выдачей оружия. Городок, обычно тихий, как сказал Владимиру Иван, наполнился многоголосым гулом, звоном мечей и доспехов. Всюду видны были приготовления к обороне. В одном месте чинили повреждённую стену, в другом –

подновляли городню¹⁶⁰, в третьем – на скорую руку сооружали стрельницу. В огромных чанах кипятилась смола.

...Въехав в Воинь, Всеволод тотчас выслал за Сулу сторо́жу во главе с Хомуней, но не прошло и часа, как сторо́жа воротилась и Хомуня взволнованным голосом доложил:

– Узрели поганых. Идут степью к Суле. Верно, не ждут нас. Неторопоко идут.

Всеволод бегом сорвался с крыльца хором воиньского воеводы и, взыв на услужливо подведённого гриднем свежего поводного скакуна, крикнул расположившимся на дворе дружинникам:

– Ворог близко, други! Собирайтесь, поскачем немедля!

Подъехав к воеводе Ивану, князь взял его за облитый железом локоть и с мольбой попросил:

– Поберегись сам и княжича далеко не отпускай. Рано ему ещё... кровь проливать.

...Владимир жадно всматривался вдаль. Вот у окоёма, из-за курганов вдруг показались всадники на быстроногих низкорослых конях, в калантырях и сверкающих на солнце аварских шеломах. Раздались оглушительный свист, улюлюканье и гортанный протяжный вой – позже Владимир узнает, что этот боевой клич степняков называется «сурен».

– То они бодрятся, – объяснил воевода Иван. – Приметили нас, супостаты!

Кочевники сходу бросились переплывать реку, в воздухе сверкали их острые, тонкие клинки. Передние уже вылезли из воды и с визгом и воем понеслись на руссов, когда Всеволод обнажил свой меч и прямой рукой дал знак к битве. Тотчас с дружным кликом переяславцы галопом рванулись наперерез врагу.

В воздухе запела сталь, и степь огласилась скрежетом, руганью, ржанием обезумевших коней. Владимиру стало страшно, он испуганно воззрился на воеводу. Окружённый кольцом гридней, юный княжич лишь краем глаза мог видеть сражающихся. Где-то совсем близко от него пронёсся, яростно вопя, толстый страшный торчин с искажённым злобой лицом, скуластый, тёмный. Холодок ужаса пробежал по спине Владимира. Но как же так можно – бояться врага? Нет, нельзя подавать виду, что он боится. Владимир с отчаянным ожесточением стиснул кулаки и старался хладнокровно, даже надменно, держаться в седле. Дрожь в теле как-то малопомалу прошла, лишь бешено колотилось в груди сердце.

Княжич снова взглянул на воеводу. Иван, наверное, тоже волновался. Покусывая длинные седые усы, он с заметным нетерпением следил за ходом битвы. Как хотелось сейчас Ивану взмахнуть богатырским мечом и врубиться в ряды врагов! Но разве мог он послушаться княжеского повеления? После долгого молчания воевода наконец обронил:

– Наши гонят.

Владимир слышал, как стихают впереди свист и вой свирепой орды и как растекается по ковыльной равнине радостный, победный клич руссов. Оттолкнув гридня, он продвинулся немного вперёд и увидел, что остатки торков стремительно бегут за реку, а переяславцы гонятся за ними и рубят, рубят беспощадно мечами, отсекая тем самым корни грядущих набегов.

...Ратники возвращались усталые, но довольные. Всю ночь у костров, разведённых на берегу Сулы, не смолкали разговоры о битве. То и дело слышалось:

– А здорово мы им врезали!

– Топерича не сунутся, сыродцы поганые!

– А Ратша-то, Ратша как их сёк, супостатов!

Князь Всеволод, отыскав Владимира среди шумной толпы отроков и гридней, спросил:

– Ну, сыне, страшно тебе было?

– Страшно, отче. – Владимир в смущении зарделся и опустил голову.

¹⁶⁰ Городня – сруб, заполненный землёй.

Всеволод рассмеялся и потрепал его по жёстким рыжеватым волосам.

– Молодец, что не врёшь. И мне страшно было, и любому человеку страшно. Только страх этот надо учиться одолевать. Иначе какой ты воин? Главное, пойми: не ты врага, а враг тебя должен бояться. Думаешь, почему они свистят, визжат и воют так громко? Да потому что боятся. Страхом своим других хотят испугать. Когда же бьёшься, не думай ни о чём, кроме того, что Бог не попустит гибели твоей в лютой сече. И знай ещё: мы, руссы, всё равно этих степняков победим, мы сильнее, крепче духом, ибо за землю свою бьёмся, за своё, кровью и потом добытое, а они, враги, чужое пришли жечь и грабить. Запомни.

И юный Владимир запомнил слова отца. Никогда уже более не будет овладевать им на поле брани дрожь, не слабой рукой станет держать он меч, и при одном лишь упоминании о Владимире Мономахе трепет будет охватывать половецких ханов, бесстрашных отчаянных воителей, и неведимо сколько больших дел предстоит свершить ему – воину, правителю, полководцу.

Глава 13. Обиды и проказы

Ранней осенью Всеволод и Мария отправляли своё чадо в Киев. Семилетний княжич, казалось, был вовсе не рад предстоящей встрече со стольным городом. Последние дни он ходил как в воду опущенный, с грустью взирая на рубленый княжеский дворец, на строительные леса, которые поставили зодчие, возводящие храм Святого Андрея и дивную каменную баню, на высокие земляные валы, на пристань-кораблище под крутым склоном горы, при впадении Альты в Трубеж. Навсегда врежется ему в память детство и милый сердцу родной Переяславль.

Мать была в тягости, со дня на день в семье князя Всеволода ожидалось прибавление. Наконец, под утро накануне отъезда в Киев Владимира разбудили крики, стук шагов, громкие голоса холопок.

Отец, обеспокоенный, нахмурившийся, со свечой в деснице стоял возле дверей бабинца. Горячий воск обжигал кожу, но князь как будто не замечал этого, не чувствовал боли. Задумчиво и отрешённо он уставился на медную ручку плотно закрытой двери.

– С доченькою ты, княже! – крикнула просунувшая в дверь голову разбитная розовощёкая холопка. – Сей же часец вынесем на погляд!

Владимир протиснулся вперёд челяди и увидел на руках одной из материных служанок маленький белый шевелящийся свёрток.

Странно было осознать, что у него теперь есть сестра, такая крохотная.

Князь Всеволод жестом позвал сына и, взяв младенца, показал Владимиру сморщенное в плаче розовое личико.

– Сестра у тебя, Анна, – глухо промолвил он ровным бесстрастным голосом и поспешно сунул ребёнка обратно в руки княгининых служанок.

...Уже перед самым выездом Владимира подвели к матери, лежащей в своём покое на широкой постели. Как всегда, каменно-неприступная, Мария равнодушно перекрестила сына и, приподнявшись, сухо поцеловала его в лоб. Принялась строжить и наставлять:

– Будешь жить в хоробах у стрыя¹⁶¹ своего, Изяслава. Смотри, не опозорь меня, помни, что мать твоя – дочь базилевса. С братьями и сёстрами не ссорься, но и себя в обиду не давай.

– Матушка, а ты вставать, ходить скоро сможешь? – опустив очи долу, смущённо спросил Владимир.

– Скоро, – с холодной усмешкой отмолвила Мария. – Ты ступай.

Княжич поспешил во двор, где ждал его осёдланный вороной актаз. Смахнув невесть от чего выступившие на глазах слёзы, он лихо вскочил на коня, ласково потрепал его по холке и пустил рысью. Следом за юным княжичем во главе небольшого отряда дружинников тронулся на своём белоснежном могучем скакуне воевода Иван.

Они проехали через широкие Епископские ворота, проскакали вдоль пристани, миновали иудейское кладбище, тянущееся по обе стороны широкого шляха, оставили позади шумные и тесные пригородные слободы, огороженные дубовым тыном.

– Далеко ль до Киева? – спросил Владимир воеводу, едва они выехали за город.

Иван Жирославич усмехнулся, прикинул в уме и охотно ответил:

– Вёрст семьдесят будет. Что, княжич, не терпится? Не торопись, успеешь Киевом налюбоваться. Лучше на дорогу смотри, по сторонам глянь. Лепота экая кругом!

Владимир с любопытством завертел головой.

Дорога шла по низкому песчаному берегу Днепра. Дул слабый ветерок, и до ушей доносился негромкий плеск волн. У воды шуршали густые камыши, а вдали, на середине реки, темнели маленькие островки-высы. Весной, во время разлива рек, они бывают затоплены, но

¹⁶¹ Стрый – дядя по отцу.

к лету, когда схлынут вешние талые воды, словно бы высыпают, выплывают из глубин. Иные высыпья покрываются травой, растут на них деревья ивы, кустарник – такие острова укрепляются, им уже не страшно затопление, в половодье река их отекает, потому зовут их в народе отоками.

Оторвав взгляд от искрящейся днепровской глади, Владимир посмотрел в другую сторону. Справа от дороги простирался зелёной стеной густой лес. Среди могучих сосен изредка проглядывала седина кудрявых красавиц-берёз, ярким багрянцем полыхали листья тонких осин, чернели скрюченные разлапистые ветви дубов.

Няньки рассказывали Владимиру, что в таких лесах встречаются злые колдуны-волхвы, а в чащах на ветвях деревьев сидят прекраснотелые русалки. Сладкими речами заманивают они к себе и губят путников, забывших Бога и предавшихся греховным заблуждениям.

С жадностью слушая слова старших, Владимир для своих лет знал уже многое: например, что ложатся на зиму в спячку медведи, что улетают в тёплые края птицы, известно юному княжичу и то, что Днепр впадает в необъятное море, называемое по-русски Чёрным, а по-гречески – Понтом Эвксинским, а за морем тем стоит град Константинополь, откуда родом его мать, княгиня Мария.

– Дорога сия, – говорил Иван Жирславич, – проторена в незапамятные времена. Ходил по ей на печенегов ещё прадед твой, князь Владимир Святославич. У Переяславля разбил он тогда лютую орду, побил неисчислимую рать, добыл земле Русской славу. А было се – чтоб не соврать – лет эдак семьдесят тому. Я не учён, ты, Владимир, после сам прочтёшь. А ещё ранее, лет за сто, верно, будет, как пращур твой, князь Игорь, водил по сему пути рать свою, крепко бился он тогда с теми же проклятыми печенегами. Так что вельми знаменита сия дорога, ведай, княжич...

За разговорами скоротали время, как-то незаметно добрались до переправы у Триполья, затем поехали по правому берегу мимо богатых княжеских сёл. Вскоре впереди замаячили хорошо знакомые Ивану и большинству дружинников киевские горы...

– Глянь, княжич, влево, – указал Иван. – Видишь три горы. Ближняя к нам речётся Киселёвкой, иначе Фроловской, на ей в старину град Кия стоял. Чёл про Кия, Щека и Хорива?

– Чёл, воевода.

– Тако вот. Вторая гора – Щековица, третья же – Хоревница. Книжники учёные зовут её Иорданскими высотами, простолюдины же нарекли Лысой Горой. На ей раньше капище поганское стояло. Возле Киселёвки – зришь гору ещё? Се – Гора, а на Горе той – град Владимира, прадеда твоего, а в ём церковь Десятинная. Также же на Горе – град Ярослава, деда твоего. Собор Софии в сем граде, а окрест града Ярославлева – стены высокие с башнями и воротами. Главные ворота, медью обитые – Златые, наподобье Царьградских, на их – церковь надвратная. Иные же ворота в детинце рекутся. – Воевода стал загибать пальцы, перечисляя названия. – Лядские, Жидовские, Михайловские, Подольские, Софийские. Всего шесть врат. По правую руку глянь топерь. Се – Подол, тыном огороженный, тамо простой люд живёт – купцы, ремесленники различные. Посреди Подола – торг, подле торга – две божницы вельми дивные – Турова и Михайлова...

Княжич с неослабным вниманием слушал слова воеводы. Когда же въехали они в детинец и оказались у собора Святой Софии, юный Владимир аж застыл в изумлении.

Что чувствует человек, когда впервые прикасается к прекрасному, неведомому ему ранее творению человеческих рук?

С замиранием сердца и едва скрываемым восхищением смотрел Владимир на золотые кресты и крытые свинцом купола собора Софии, которые величественно возвышались на голубом фоне чисто вымытого неба. И раньше слышал он от отца и воеводы о неписанной красе главного храма Руси, но увиденное превзошло все ожидания юного княжича. Выложенный из кирпича, скреплённого розовой цемянкой, собор поражал яркими красками, какой-то осо-

бой нарядностью, завораживал, была в его многоглавии, в высоких апсидах¹⁶² и толстых мощных барабанах¹⁶³, наряду с величием, некая плавность, непринуждённость, лёгкость; он, будто хрупкий и невесомый, стелился, растекался по земле.

– Вот оно – творенье зодчих! – воскликнул воевода Иван.

И его, привыкшего ко многому и повидавшего в жизни всякого, восхищало это великолепно-строение. Каждый раз, как случалось бывать Ивану в Киеве, он неизменно останавливался у врат собора, запрокидывал вверх голову, смотрел и никак не мог насмотреться и надивиться неповторимой, даже сказочной, его красотой.

Не только София – весь стольный град поразил Владимира своей пышностью, многолюдьем, оживлением, необычными для Переяславля. Внизу, на Подоле, неподалёку от пристани, где шёл торг, у княжича аж зазвенело в ушах от многоголосого шума.

Привлекла взор юного отрока и Десятинная церковь, построенная ещё при Владимире Святославиче. Этот каменный храм, хоть и не блистал так, как София, но тоже был по-своему красив. Верхов же на Десятинной было столько, что Владимир, как ни пытался, не мог разглядеть и сосчитать все – глаза ему слепили яркие солнечные лучи, отражающиеся от свинцовых глав и золотых крестов.

Вызвали восхищение Владимира и просторные княжеские хоромы. На двух строгих высоких башнях, пристроенных к двухъярусному каменному дворцу, реяли голубые стяги с крылатыми архангелами. Стены дворца и башен украшала затейливая резьба. Владимир с любопытством разглядывал сказочных зверей и птиц. Вот размахивает крыльями Алконост – птица радости и счастья, а рядом зловеще чистит клювом перья мрачный Сириус – птица печали и скорби. Чуть повыше княжич увидел большого медведя, который, стоя на задних лапах, жадно пил из бочки мёда. Здесь же искусно вырезаны были туры, волки, соболя и другая живность, а наверху, под самой крышей, красовался родовой княжеский герб – сокол с широко распростёртыми крыльями.

...Сведая о приезде Владимира, в тереме засуетилась челядь. Навстречу им на крыльцо выбежал высокий и полный человек в аксамитовой ромейской хламиде¹⁶⁴. Круглое оплывшее жиром и лоснящееся от пота лицо его озаряла ласковая улыбка.

«Стрый», – понял Владимир, окинув незнакомца пристальным взглядом.

– Ну здрав будь, сыновец¹⁶⁵! – обнял его Изяслав. – Ишь, вырос-то как. И не признать тя. Совсем малым тя зрел. На отца похож становишься. Ты вот что, ты давай-ка покуда отдохни с дороги. Ступай, сопровожу тя в покои.

Взяв племянника за руку, великий князь потащил его за собой в хоромы, приговаривая:

– Отца твоего, Всеволода, паче прочих люблю я за ум, за норы его. Ну вот, тут и жить будешь, – указал он на просторную светлицу с окнами в сад. – Велю тотчас челяди рухлядишку¹⁶⁶ твою, бельё принести.

Шедший следом воевода Иван шепнул что-то Изяславу на ухо. Великий князь насторожился, нахмурился и, вмиг забыв про племянника, вышел вместе с воеводой из покоя. Владимир остался в светлице один.

Княжич осмотрелся, выглянул в окно. Роскошный княжеский сад, утопающий в зелени, окружён был забором, за которым виднелась широкая пыльная дорога. По ней взад-вперёд сновали всадники и телеги, гружённые спелыми грушами, яблоками, сливами.

¹⁶² Апсида – в церковной архитектуре алтарный выступ полукруглой или прямоугольной формы, имеющий собственное перекрытие.

¹⁶³ Барабан (в архитектуре) – опирающаяся на своды цилиндрическая или многогранная верхняя часть здания, служащая основанием купола. Барабан характерен для купольных церквей.

¹⁶⁴ Хламида – длинный плащ.

¹⁶⁵ Сыновец – племянник со стороны брата.

¹⁶⁶ Рухлядь – вещи, необязательно старые.

В саду росли высокие яблони, на ветвях которых заманчиво блестели налитые соком красные и жёлтые плоды.

Владимир выбежал на крыльцо, юркнул через калитку в сад и ловко вскарабкался на одно из деревьев. Сочные, сладкие яблоки быстро утопили его голод.

– Эй, что ты там делаешь?! – раздался вдруг снизу тонкий голосок.

Под деревом стояли две маленькие девочки в нарядных голубых платьицах. Одна из них, рыженькая и белотелая, на вид была лет двенадцати-тринадцати, а другая, та, что говорила, златоволосая, со смешным вздёрнутым носиком, казалась ровесницей Владимиру.

– А ну, слезай отсюда. – Златоволосая девочка погрозила ему кулачком. – Вот я пожалуюсь дяде, что ты яблоки рвёшь и сад разоряешь.

Владимир нехотя спустился с дерева. Девочка подошла к нему и примирительно спросила:

– Ты, стало быть, и есть Мономах?

Владимир смутился.

– Никакой я не Мономах, а Владимиром меня звать, – ответил он недовольно.

– А у нас все тебя Мономахом кличут, – сказала девочка и, высунув язык, подразнила его: – Мономах, Мономах!

– Чего дразнишься? Ну, Мономах, так Мономах. Мать моя в самом деле из рода Мономахов. Мономах, значит, Единоборец по-гречески. Что в том смешного? – Владимир удивлённо пожал плечами.

Девочка звонко рассмеялась.

– Ты-то кто такова будешь? – спросил он.

– Вышеслава я, сестра твоя двухродная, – ответила златоволосая.

– А сия – подружка твоя, что ль? – Владимир кивнул на рыженькую, которая за время их недолгого разговора покуда не промолвила ни слова.

– Что ты, какая подружка? – Вышеслава снова засмеялась. – Се мачеха моя. Одой её кличут. И по-нашему она ни слова не ведаёт, по-латыни токмо да по-немецки говорит. А мать, княгиня Килликия, у нас давно померла, мы ещё совсем маленькими тогда были. А ныне отец наш, князь Святослав, привёл в терем Оду и сказал мне и братьям: «Се топерича – мать ваша». Отец в немцах из монастыря её забрал. Мать родная, графиня Ида, когда овдовела, туда её упрятала, сама же вдругорядь¹⁶⁷ замуж вышла. Вот и пожалел батюшка наш сиротинушку. Потом послал отец нас с Одой в Киев, в школу при Иренином монастыре. С той поры тако вот и живём.

– И она нашу молвь совсем не понимает? – Владимир подошёл к Оде.

Вся в драгоценных шелках, как и положено княгине, Ода искоса посмотрела на Владимира, облачённого в грубый дорожный ватол из валяного сукна, потом вдруг ткнула в него пальчиком с розовым ноготком и выговорила, растягивая по слогам:

– Вла-ди-мир. Мо-но-мах.

– Умница! – Вышеслава радостно захлопала в ладоши. – Видишь, Мономах, она уже и по-русски баить учится.

– Да, целое имя выучила, – с издёвкой заметил Владимир.

Вышеслава обиделась за Оду и в негодовании топнула ножкой.

– Не смейся. Сам-то, верно, ни единого языка не выучил. – Она недовольно поджала губки.

Ода, стараясь держаться важно, ежеминутно надменно вскидывала вверх рыженькую головку. Ещё бы, она ведь княгиня, у неё уже и муж есть, а эти – неизвестно кто, всего лишь дети малые.

¹⁶⁷ Вдругорядь (*др.-рус.*) – в другой раз.

– Ты не обижай нас, Владимир, – сказала Вышеслава. – Вот княжие сыновья всё нороят нас за косы оттаскать. А мы чем ответить им можем? Они большие, мы – маленькие.

Она шмыгнула носиком, словно пытаясь заплакать. Видя, что Владимир уделяет ей мало внимания, а всё больше смотрит на хорошенькую, нарядную, как куколка, Оду, Вышеслава снова принялась дразнить его:

– Мономах! Мономах!

Ода, хоть и была княгиней, и следовало бы ей вести себя более прилично, не преминула больно ущипнуть Владимира и ткнуть его в бок. Девочки расхохотались и побежали по дорожке. Владимир бросился было за ними, но, передумав, махнул рукой.

Пускай себе бегут. Все они, девчонки, глупые. Ужели полагают, что прозвище «Мономах» обидно ему? Нет, он, Владимир, гордится своим высоким происхождением. Что ему до их насмешек, он выше всего этого, его дед – сам ромейский император, полубог!

Неторопливо побрёл Владимир по дорожке сада, грызя сочное красное яблоко. Навстречу ему из-за дерева вышел вдруг высокий темноволосый мальчик лет десяти, в белой свите тонкого сукна, немного расширенных у колен портах синего цвета и коротких выступках¹⁶⁸. Волосы его, прямые и длинные, были перехвачены золотистой ленточкой.

– Ты кто такой? – В чёрных, как перезрелые сливы, глазах отрока промелькнуло любопытство. – А, ты Владимир, да?!

По тонким устах мальчика пробежала улыбка – то ли насмешливая, то ли полная какого-то скрытого пренебрежения.

– Да, я Владимир, сын князя Всеволода.

– И царевны ромейской, – добавил незнакомец. – Да, высокородная у тебя мать. У меня прабабка, бают, тоже ромейка была. Да я о ней почти ничего и ведать не ведаю. Живу тут с братьями и с матерью, Гертрудой. Та ещё ведьма, скажу!

Владимира покоробили такие слова мальчика о родной матери.

– А как тебя звать? – спросил сын Всеволода.

– Крестили Михаилом, а родовое имя имею – Святополк. В честь князя Великой Моравии назван. А отец мой – Изяслав, киевский князь. Да ты, верно, его уж видал.

– Сколько тебе лет? – полюбопытствовал Владимир.

Чем-то притягивал его к себе этот немного насмешливый, немного высокомерный отрок.

– Одиннадцатое лето небо копчу. На три года ты старше. Чудной ты, Владимир. – Святополк внезапно рассмеялся.

– Что смеёшься? – Владимир недовольно нахмурил чело. Ему не нравилось, что Святополк намного выше его, и, говоря, ему приходится смотреть снизу вверх. – Девчонки тут бегали. Обзывали всяко. Ещё ты топерь.

– Девчонки? А, Вышеслава с Одою! Вот что, Владимир. Давай их возле терема подстережём да сливами гнилыми закидаем. Пошли. – Святополк потянул Владимира за рукав вотола.

Они побежали, подбирая под деревьями сливы и мелкие камешки, достигли угла терема и прижались спинами к каменной стене.

– Тише, – шепнул Святополк. – Тамо они. Давай кидай, а я с другой стороны зайду.

Он подтолкнул Владимира вперёд.

Вышеслава и Ода качались на качелях возле настезь раскрытого слюдяного окна. Владимир выскочил из-за угла и с размаху метнул сливу прямо в голубое платье Оды.

– Я вот покажу вам, как щипаться, дурочки! – крикнул он.

Девочки завизжали и бросились к крыльцу, но там уже подстерегал их Святополк с новой порцией гнилых слив. Платья девочек вмиг были перепачканы. Ода громко, навзрыд расплакалась. Вышеслава, хоть и была помладше, не растерялась, а схватила попавшуюся под руку

¹⁶⁸ Выступки – кожаная обувь, без каблука, чаще женская.

сухую хворостину и принялась колошматить ею Святополк, в конце концов вынудив его спастись постыдным бегством.

– Ладно тебе! Хватит, довольно! – крикнул ей Святополк, отбежав.

– Вот как задам те, лиходей! – погрозила ему Вышеслава кулачком. – Не получишь ты пояса мово, не получишь! – Она вдруг отстегнула от платья наборный серебряный пояс и с заливистым смехом потрясла им.

Святополк с тоской вздохнул.

– Да полно тебе сердиться! Давай, я те – ленту, ты мне – пояс. Не скупись, у вас ведь с Одою таких много. Попросишь отца, он те ещё купит.

– А вот и не дам. Не надоть было кидаться! М-м! – Вышеслава высунула язык и подразнила Святополка. – Скупой! Скупой и жадный еси, волче-Святополче!

Она хохотала и прыгала от удовольствия.

На Владимира, стоявшего в нерешительности, они не обращали внимания. Ода, закрыв руками измазанное сливами лицо, продолжала громко выть. На крыльцо выбежала дородная женщина в чёрном платье и повойнике¹⁶⁹, злыми глазами окинула обоих княжичей, схватила за руку плачущую Оду и поспешно увела её. Спустя несколько мгновений с шумом распахнулись ставни окна на верхнем ярусе терема.

– А ну-ка, княжичи, ступайте сюда! – раздался строгий голос воеводы Ивана.

Владимир и Святополк неохотно поднялись в хоромы.

Посреди широкой горницы рядом с воеводой Иваном стоял худой сердитый человек, весь в чёрном, с розгами в руках.

– За что княгиню Святославлеву обидели? – спросил Иван. – Сорбм.

– Воевода, не вели бить, – дрожащим голосом пробормотал Владимир.

– А что ж, гладить вас по головке, что ль, за такие делишки?!

– Они... Девчонки сии. Обзывались всяко. – Владимир виновато понурил голову.

– Обзывались, а вы что?! Тож мне, воины! – Иван презрительно сплюнул. – С девками дерётесь. Какие ж вы мужи ратные будете, коль девица, и та вас одолевает! Ну-ка, Моймир, всыпь им как следует! Разумней в иной раз будут.

– Ох, воевода! – злобно осклабился Святополк, нехотя спуская порты.

...Владимир, стиснув зубы, лежал на лавке и корчился от боли.

А в самом деле, думалось ему, чего ввязался он в эту ненужную затею с гнилыми сливами? Ну что уж такого обидного сказали ему эти девчонки? Подумаешь, ущипнули, подразнили, да ещё так неумело. Нехорошо сложился первый его день в Киеве! Не успел приехать, а уже напакостил тут. Прав Иван: соромно!

– Ну, отвели розог! Вставайте! – велел воевода. – Ступайте топерича, просите прощенья. Живо!

Ухватив обоих отроков за шиворот, Иван потащил их в бабинец и втолкнул в просторную светлицу.

Вышеслава и Ода сидели уже в чистых платьицах, строгие и надменные.

– Простите нас, – чуть не шёпотом, сглатывая слёзы, выдал из себя Владимир.

– А ну, громче! – прикрикнул на него Иван.

– Может, яко поп, епитимью¹⁷⁰ наложишь? – злобно скривившись, с издёвкой спросил Святополк.

– Ах, ты ещё и зубоскалишь тут! – Иван треснул его ладонью по затылку. – Сызнава розог захотел?!

Вышеслава, не выдержав, прыснула со смеху.

¹⁶⁹ Повой, повойник – платок замужней женщины.

¹⁷⁰ Епитимья – церковное наказание (посты, длительные молитвы).

– Не будем мы боле, – угрюмо буркнул Святополк.

– То-то же! Ну а вы, девицы-красавицы, как, простите удалцов наших?

Вышеслава уже каталась, визжа от смеха, по широкой тахте, глядя на насупленные, виноватые лица двоюродных братьев.

Ода, более спокойная, с бледным опухшим от слёз лицом, поднялась и с трудом выговорила по-русски:

– Мы простчаем.

– Ну, тогда ступайте, молодцы, прощены вы. Девы красные зла на вас не держат. А отцам и матерям вашим. – Иван лукаво подмигнул. – О том не скажем. Но чтоб в другой-от раз тако не смели!

Он погрозил отрокам здоровенным кулаком...

– Умный человек – воевода. Умный и справедливый, – говорил Владимир Святополку, когда они шли по широкому гульбищу.

Святополк вдруг снова злобно скривился:

– Тоже мне, справедливого сыскал! Вот мой дядька Перенит...

Владимир почувствовал, как в нём закипает гнев.

– Не ведаю, каков Перенит, а мой дядька – человек верный и справедливый! – с гордостью промолвил он, повысив голос.

Святополк смолчал, досадливо махнув рукой.

Глава 14. Костры в ночи

Посреди стана ярко горел, отбрасывая в ночное небо искры, громадный костёр. Вокруг него у шатров, пряча зябнувшие руки в широкие рукава войлочных халатов, тесной группой сидели половцы. В отдалении неосёдланные кони с хрупаньем жевали пожухлую осеннюю траву.

Худой высокий старик в круглой бараньей шапке, со сморщенным жёлтым лицом и свисающей, как мочало, тонкой козлиной бородкой, покачиваясь из стороны в сторону, словно в такт какой-то ему одному понятной мелодии, говорил, медленно, взвешивая каждое слово:

– Болуш взял с каназом Всеволодом мир... Скрепил своей кровью дружбу. Он не хочет воевать... Наши кони устали... Нам нужен отдых... Сколько дорог мы прошли!.. Сколько переплыли бурных рек... Итиль, Яик, Дон – греки называют его Танаис...

Речь почтенного старца прервал сидящий с ним рядом Искал. Не выдержав, он вскочил на ноги и в исступлении прокричал:

– Какие жалкие слова я слышу! Ты, Осулук, стал как баба! Тьфу! – Он злобно сплюнул и грязно выругался. – Тебе коров доить! Посмотри, наши кони жрут одну сухую траву, они голодны! Каждую зиму – джут¹⁷¹, кони гибнут! Кипчаки бродят по степи, как нищие! Скоро нечего будет есть! Что будет тогда?! Пойдём кланяться урусам в ноги, как печенег и берендеи?! А помнишь, Осулук, как наши деды рубили арабов и огузов, как отцы наши гнали хазар и болгар¹⁷²?! Какие богатства добывали они в честном бою! Кони их обгоняли ветер! И все, все племена и народы боялись их! Болуш изменил памяти отцов!

Осулук спокойно слушал резкие обидные слова Искала и с бесстрастным видом спокойно кивал головой. Когда молодой солтан остановился перевести дух, он поднял десницу и, улыбаясь беззубым ртом, громко сказал:

– Ты не дослушал меня, Искал. Ты смел и бесстрашен, ты – настоящий кипчак. Такой вождь, как ты, сейчас нужен нам... Да, наши кони устали, они истощены, бег их утратил обычную быстроту. Но весной будет ещё хуже. И я говорю... Все меня слушайте!.. Надо идти в поход зимой... На урусов, на каназа Всеволода, на Переяславль! Мы возьмём его стада, угоним табуны и людей... Потом пойдём в Кырым, в Сугдею, в Херсонес. Лукавые греки дадут за невольников-рабов много золота. Вот как надо жить! В шёлк и парчу оденем наших жён, в кольчуги из булата – наших воинов, сёдла и сбрую добудем для наших скакунов!

– Ты прав, Осулук! – воскликнул Искал. – Прости меня. Я давно бы пошёл в землю урусов, но этот проклятый Болуш. – Он развёл руками и хищно осклабился. – Что делать с ним?

– Он развежился, как баба, – раздался гортанный голос одного из беков. – Такой хан не нужен кипчакам!

– Тогда... Я его убью! – Искал вырвал из ножен кривую саблю. – Осулук, я обещаю, я принесу и брошу к твоим ногам его глупую голову!

Старый хан снова холодно кивнул.

Искал сел обратно к костру, привычно поджав под себя ноги. Он сгорал от нетерпения, резкость слов и движений выдавали его горячность, дикость, в душе его безудержно клокотали страсти. Такие, как Искал, становятся или лучшими друзьями, или злейшими врагами, для них нет середины, они не умеют мыслить и взвешивать, их стихия – порыв, гнев, бесстрашие, без-

¹⁷¹ Джут – зимняя бескормица скота, вызванная обледенением пастбищ.

¹⁷² Булгары (болгары) волжско-камские – тюркоязычный народ, предки современных казанских татар. Основали к X веку на Нижней Каме и Средней Волге государство – Волжско-Камскую Болгарию, которое существовало до монголо-татарского нашествия в XIII веке.

рассудство, граничащее с безумием. И старый степной лис Осулук это знал. Знал и разогревал в душе Искала, потихоньку, не спеша, ярость и ненависть. Они нужны кипчакам!

– Вот, Арсланапа! – обратился Искал к сидевшему напротив мальчику-подростку лет четырнадцати. – Скоро наступит пора и тебе показать свою доблесть. Что ты дрожишь? Ты боишься?! – гневно спросил он.

– Нет, отец, я не страшусь опасности, – с достоинством ответил Арсланапа. – Я дрожу от желания скорей сразиться с врагом!

– Хороший ответ, Арсланапа! Эй, Иошир! – крикнул Искал в темноту одному из нукеров. – Тебе поручаю своего сына. Присмотри за ним.

Осулук опять поднял руку, прося слова.

– Ты, Искал, поведёшь наши орды на урусов. И да помогут тебе наши добрые духи!

Искал встал, поклонился и поцеловал край одежды старика.

– А теперь иди, – добавил Осулук. – И помни: Болуш должен умереть! Он стал помехой нашему делу.

Глава 15. Резня

Запрокинув голову, Искал посмотрел на тёмное ночное небо. Не видно ни луны, ни звёзд, холод пронизывает тело, снег кружится в воздухе, хрустит под копытами коня. К вечеру выпал и совсем укутал землю белым покрывалом. Осулук прав: надо спешить. Наступает зима, джут, голод.

Искал жестом подозвал Арсланапу и молча указал рукой вперёд, туда, где посреди крошечной тьмы мелькали огоньки. Там, за излучкой реки, стан Болуша – злейшего врага, предателя, продавшегося урусам! Настала пора покончить с этой падалью!

Искал выхватил саблю и издал воинственный, леденящий душу вой – сурен – знак атаки.

Нестройной лавой, как коршуны на добычу, полетели в ночную степь оружные конники.

...Рубили всех без разбора: стариков, женщин, детей, врывались в шатры и кибитки, хватали дорогие одежды, золотые и серебряные чаши, уводили коней.

Ханские нукеры, один за другим, захлебываясь кровью, падали на снег, окрашивая его тёмными расплывающимися пятнами.

«Верные псы!» – С презрением отдёргнув окровавленной саблей войлочный полог, Искал ворвался внутрь шатра Болуша. С визгом скользнула к стенке обнажённая рабыня.

Болуш, бледный и спокойный, облачённый в цветастый халат из бухарской зендьяни¹⁷³, стоял возле тлеющего очага.

– Убивать пришёл, разбойник? – с усмешкой спросил он, хладнокровно взирая на брызжущего в ярости слюной Искала. – Убивай. Но вот что я тебе скажу: если ты решил воевать с урусами, ты – мертвец. Это такая сила! Тебе и Осулуку их не одолеть. Будет литься кипчакская кровь.

– Хватит, довольно каркать, трусливая ворона! – Искал взмахнул саблей. Со свистом обрушилось смертоносное оружие на жирную ханскую шею.

Схватив за волосы отрубленную голову Болуша и потрясая своей кровавой добычей в воздухе, с диким хохотом выскочил Искал из шатра.

В сумеречной темноте, освещённой пламенем горящих факелов, сверкнули испуганные чёрные глаза рабыни.

– Держите её! Она любимая хасега¹⁷⁴ Болуша! – крикнул Искал. – Приведите её ко мне!

Беспомощную рабыню привели и бросили к его ногам.

– Эй, Арсланапа! – позвал солтан сына. – Пора тебе познать женщину! Возьми её! Это твоя доля добычи!

Арсланапа, спустившись с коня, немного смущённый, подбадриваемый воинами, через силу улыбнулся и, повалив наложницу на землю, стал срывать с неё дорогие одежды.

Толпа галдящих степняков обступила было его, но суровый богатырь Йошир, потрясая копьём, отогнал прочь всех любопытных.

Вопли и плач рабыни прорезали воцарившуюся после разгрома стана тишину. Арсланапа, грязный, испачканный кровью, навалившись сверху, дико вращая глазами, насильно свою жертву. Лишь мрачный Йошир да кружащий в предутренней выси ястреб стали свидетелями первого в жизни молодого сына солтана злодейства.

¹⁷³ Зендьянь – пёстрая хлопчатобумажная среднеазиатская материя.

¹⁷⁴ Хасега (вост.) – наложница.

Глава 16. Сквозь вой пурги

В посеченном саблями, покорёженном шеломе, пешком, хромя и тяжело дыша, приплёлся Всеволод к Княжеским воротам Переяславля. Яростно кружила жестокая вьюга, бросая в лицо снежные клубы. В ушах стоял неистовый свист, голова гудела от сабельных ударов.

Половцы налетели внезапно, смяв и разметав сторожевые отряды за Сулой. Воинский воевода беспечно проспал неожиданное нападение коварного врага и не прислал вовремя гонца. Только уже когда запылали сёла и деревни на Трубеже, Всеволод узнал о набеге Искала. Сведав, бросился из Переяславля во главе малой дружины – большую собрать было уже не успеть – и вот теперь, лишившись коня и хоругви¹⁷⁵, бежал, прячась в перелесках и зарослях кустарника, замёрзший, дрожащий от дикого холода, потерявший всех гридней. Пробирался ночью, наугад, безотчётно, сквозь метель, проваливаясь ногами в глубокие сугробы. Когда наконец он различил в предрассветной мгле стены Переяславля, то возвёл очи горе, набожно перекрестился и поклялся поставить в городе церковь в честь святого Феодора, своего небесного охранителя.

Холод стоял страшный, обмороженные персты прилипали к дощатой броне. На затылке колыхалась иссеченная саблями кольчужная бармица.

На сей раз Искал провёл его, он не учёл силу и воинское умение половца, а главное, его малая дружина не выдержала их бешеного, отчаянного натиска. И приходилось теперь горько сожалеть о порубленных русских ратниках, о спалённых дотла слободах и сёлах, об угнанных в полон крестьянах и посадских людях.

«Ничего, ничего, княже, – успокаивал сам себя Всеволод. – Поквитаемся ещё с этим Искалом. Вот братьев созову...»

Братьев! Только двое осталось их у Всеволода. Оба молодых, Вячеслав и Игорь, один за другим внезапно быстро захворали и умерли. Игорь умирал тяжело, мучительно, Всеволод ездил к нему в Смоленск и со скорбью и страхом взирал на его страдания. Брат корчился от боли в животе, судорожно дёргался, беспокойно ворочался, шептал хрипло, едва связно:

– Помни... завет... отцов... Всеволод... За ты тамо... Молить буду...

Перед самой кончиной боль отступила, он лежал, успокоенный, измученный, с заострившимся серым лицом. Посмотрел на Всеволода, улыбнулся бескровными устами. Извечный насмешник, живчик, проказник – и вот нету его среди живых! А ведь Игорь был младше его, Всеволода, на целых четыре года, казалось, жить бы да жить, но один Всевышний определяет длину пути человека на этом свете. По лицу Всеволода покатила слеза.

Стражи узнали князя по шелому с ликом Феодора Стратилата. Молча прошёл он через ворота, спустился к домово́й церкви, после короткой жаркой молитвы через гульбище и крытый переход добрался до своих хором. Только когда подымался по крутой лестнице, почувствовал вдруг смертельную, сковавшую мускулы усталость. Даже раздражение и боль – и телесная, и душевная – как-то вмиг схлынули, оставили его.

Подбежали гридни, челядь, боярин Никифор громовым голосом приказал позвать бабку-знахарку. С князя стянули сапоги, старая колдунья какой-то противно пахнущей мазью протёрла ему руки и ноги. Запрокинув голову, Всеволод с тяжёлым вздохом откинулся на ложе.

Появилась Мария в чёрном платье и повойнике на голове.

Всеволод злобно усмехнулся: носит траур по своему умершему родителю, базилевсу Константину Мономаху. Сколько слёз пролила, и ведь вовсе не оттого, что любила отца – нет, просто он был властью, силой, поддержкой для неё в чужой, «варварской стране скифов». Теперь

¹⁷⁵ Хоругвь – воинское знамя, стяг.

вот чувствовала, как никогда раньше, своё одиночество, пугаясь приходившими с родины новыми вестями о смутах и мятежах.

А базилевс... Говорят, неглупый был человек, только вот восьмистам русским пленным приказал выжечь глаза. В последние годы, овдовев, жил он по большей части в Манганском монастыре – возможно, самом роскошном храмовом сооружении, какое когда-либо видел город Равноапостольного Константина. «Здание всё было изукрашено золотыми звёздами, словно небесный свод», – писал о Мангане знаменитый ромейский философ Михаил Пселл.

Посреди сада с висячими деревьями устроена была купальня, в которой страдающий приступами подагры базилевс проводил каждый день по несколько часов. Однажды осенью, когда было уже холодно, он пролежал там слишком долго, простудился и заболел плевритом. От этой болезни отец Марии и скончался, всего на год пережив своего бывшего противника, а позднее союзника – князя Ярослава.

– Что, побили тебя половцы? – холодно рассмеявшись, спросила Мария. – Тоже, воин!

В руке она держала тонкую свечу и взирала вдаль, за окно.

Всеволод смолчал, скрипнув зубами, слыша, как завывает на улице вьюга. Воистину, права Мария, плохой из него воин, никудышный. Во время сечи – одна надежда на воевод, да нынче вот, не получилось, как они замыслили. Слишком яростным и сокрушительным оказался удар вражьей конницы. Проклятый Искал! Верно сказал про него воевода Иван. Иван – вот кого не хватало там, на поле брани! Уж он бы придумал что-нибудь.

– Не довольно ли тебе носить траур? – хмуря чело, обратился Всеволод к Марии. – Немало лет ведь прошло. До скончания дней, что ли, будешь убиваться по почившему отцу и в чёрных одеждах ходить? Не монашенка пока ещё!

Ромейка гордо вскинула голову.

– Не смей так со мной! – вскричала она, топнув ногой. – Ненавижу! Ненавижу! Варвар! Дикарь! Скиф! – захлёбываясь от злости, бросила она ему в лицо и с остервенением сорвала с головы повойник. Рыжие распущенные волосы упали ей на плечи.

Обычные холод и высокомерие уступили внезапно в душе её дикой, страстной злобе и ненависти. Всхлипывая, вздрагивая от рыданий, княгиня стремглав вылетела из палаты.

Всеволод почувствовал в этот миг с предельной ясностью – всё, ничего у них с Марией больше не будет. И так после рождения Анны ни одной ночи, ни одного дня не провели вместе. Да и Анна – по-домашнему прозвали её Янкой...

Всеволод вспомнил, как подошёл к нему однажды противный чёрный евнух¹⁷⁶ – слуга верный из верных – и тихо шепнул на ухо:

– Из последних скопцов, которые присланы из Царьграда, один – совсем не скопец. Ночами бывает он у твоей княгини.

– Ты уверен в этом? – спросил после долгого молчания потрясённый князь.

– О, сиятельный архонт¹⁷⁷! Разве позволил бы я вложить в твои уши ложь?! Клянусь, это правда! – затрясся от страха евнух.

– Хорошо, верю тебе. Кто этот человек?

– Ангеларий. Кто он на самом деле, я не знаю точно. Но похоже, он из знатного рода.

– Хорошо. – Князь задумался. – Вот что. Сделай так... Чтобы его не было.

– Я понял, архонт. Его не будет. Ты о нём больше ничего не услышишь. – Издав короткий смешок, евнух исчез за дверью.

¹⁷⁶ Чёрный евнух – темнокожий евнух, но необязательно негроидной расы.

¹⁷⁷ Архонт (*греч.*) – князь, правитель области, наместник.

...Неприятный разговор породил в душе сомнения: а его ли дочь Янка? Смотрел на растущую девочку с пристальным вниманием и находил в ней некоторую схожесть с тем самым «внезапно пропавшим» по его велению лжескопцом. Вот, выходит, какова Мария.

«Ты заплатишь за свои слова!» Что же, она сдержала свою клятву.

«Коварная хитрая ведьма! Ничего, приручу тебя!» – Всеволод в ожесточении сжал кулаки. Обмороженные персты пронзила боль. Вскрикнув, князь смачно выругался.

Вдруг подумалось о Гертруде, сердце забилося в радостном предвкушении неземного блаженства. Но возможно ли оно? Грех ведь думать о таком! Но захотелось отбросить, отмести прочь сомнения и колебания. Если бы не смерть Игоря и не набег Искала, он бы, наверное, затеял ту охоту, про которую она тогда говорила. И сейчас ещё не поздно. Вот только оправится сначала он от ран и ушибов. Надо будет послать гонца.

«Того самого евнуха, – ударило в голову. – Этот не выдаст. Повязан со мной кровью. Кровь сплачивает людей крепче всякой клятвы».

Всеволод вздрогнул, ужаснувшись этой мысли.

Глава 17. В дальнем селе

Снег сыпал и сыпал, непрестанно, нескончаемо, заметая тропы, дороги, залепляя глаза возникшим и гридням. Кони шли медленно, возницы устали подгонять их плетью. Всеволод, развалившись на кошмах в возке, подрёмывал, искоса бросая взгляд в крохотное окошко. Но там всё было, как и час, и два назад – серое пасмурное небо, кроны сосен с шапками снега, сугробы, скованные льдом узкие ленточки рек.

На лавке спал, поджав ноги и накрывшись чёрным суконным плащом, евнух. Рядом с ним потягивал из кружки хмельной мёд молодой боярин Ратибор.

– Скоро ль доедем, княже? – спросил он нетерпеливо, набрасывая на плечи тёплую медвежью шубу. – Длани чешутся, ловитвою б поразвлечься.

– Успеешь. – Всеволод начинал жалеть, что взял в попутчики этого молодого удальца и рубаку. Лучше бы с Хомуней ехать – тот тих, неприметен, не будет вот так во всё лезть и задавать глупые вопросы. А может, и правильно он решил? Хомуня – сакмагон, лазутчик, догадается, узнает, о чём не следовало бы ему знать. Ратибор – не такой, кроме охот и битв, ни о чём не думает. И об их с Гертрудой делах вряд ли он что проведаёт.

Возок сильно трянуло, кони понеслись вскачь, под гору. Ввысь с карканьем взмыла стая ворон. Они въехали в какое-то селение с убогими, покосившимися хатами. Из печных труб густо валил в сизое небо дым.

– Тпрууу! – громко прокричал возница.

Кони, круто остановившись, замерли на месте. Евнух, изрыгая ругательства, полетел с лавки на пол.

– Холопы! Ездить не умеете! Жалкий раб! – пропищал он возничему, высунувшись и грозя маленьким кулачком.

– Цегой, цегой?! Ах ты, пёсья морда! Ну, погоди! Я-от те задам! – Добродушный румяный возница-новгородец, смеясь, отворил дверцу и протиснулся внутрь возка. – Приехали, княже!

Кутаясь в кожух и надвинув на чело мохнатую шапку, Всеволод спустился на землю. Снег громко закрипел под каблуками сафьяновых сапог.

За высоким тыном князь увидел возвышающийся свежесрубленный терем с золочёной кровлей, богато украшенный киноварью.

Князь шагнул через ворота, поднялся по всходу. В пояс ему кланялись безбородые бароны-саксонцы и польские шляхтичи, лопотали на своих языках приветствия и похвалу.

Гертруда, вся разодетая в дорогие меха, стояла на пороге сеней. Рубиновые серьги алели у неё в ушах, на плечи поверх шушуна наброшен был цветастый плат, соболью шапку украшали драгоценные камни – сапфиры, смарагды¹⁷⁸, яшма, пуговицы шушуна горели золотом.

– Здравствуй, князь Хольти! Рада тебе, – промолвила она, вся светясь хитровой улыбкой. – Прямо скажу: не ждала в гости! Милости прошу!

«Начинает лукавить на людях, – подумал Всеволод. – А впрочем, чему здесь удивляться?»

– Эй, бароны мои, шляхтичи, слуги верные! Принимать будем по чести бояр и гридней князя Всеволода! Дворский! Вели столы накрывать на сенях! Печь истопить, да пожарче!

Она быстро, расторопно раздавала наказы и наставления.

Рослый слуга-лях в зелёном кафтане провёл Всеволода в просторные сени. Здесь было довольно холодно, стояли длинными рядами столы, крытые цветными скатертями, широкие лавки обиты были фландрским и анбургским¹⁷⁹ сукном. Всеволода усадили в высокое кресло в

¹⁷⁸ Смарагд – изумруд.

¹⁷⁹ Анбургский – гамбургский.

середине горницы, во главе самого большого стола. Шумно расселись вокруг него шляхтичи и бароны, одетые один краше другого. Кожухов и шуб не снимали – по горнице гулял холодный ветер, и изо ртов исходил густой пар. Гертруда, раздумываясь с мороза, села по правую руку от князя.

Холопы приволокли жбаны с пивом, маленькие бочонки с искристым греческим вином, расставили яства, куманцы¹⁸⁰ с водой – разбавлять вино.

Наполнились хмельным мёдом большие чары и братины¹⁸¹. В углу заиграл на дудочке весёлый скоморох.

Началось пиршество. Всеволод брезгливо переглянулся с Ратибором. Грубые польские дворянчики и саксонские бароны ели прямо руками, без ножей и вилок. Чтобы отрезать себе куски от огромной кабаньей туши, они доставали из ножен булатные мечи.

– Что, князь? Не так у тебя в Переяславле? – насмешливо спросила Гертруда. – Твоя княгиня ест только золотой вилкой, на чистой тарелке? Извини, немного дики и неотёсанны мои люди. Прости их.

Сама княгиня тоже ела руками. Сок и жир текли по её перстам с розовыми накрашенными ногтями.

К концу пира многие бароны и шляхтичи еле передвигали ноги, некоторые храпели под столами, другие, шатаясь, выходили во двор.

Ушли, сославшись на усталость, Ратибор и многие Всеволодовы гридни. Евнух в чёрном под недовольным взглядом Гертруды юркнул в тёмный переход.

Всеволод во время пира почти не пил. Как-то неловко чувствовал он себя в окружении этих грубых, громко чавкающих, урчащих от удовольствия мелких людишек – Гертрудиных прихлебателей, променявших прозябание в болотах Польши и лесах Саксонии на сытую киевскую жизнь в свите молодой дочери князя Мешко и немецкой принцессы Риксы. Вдруг подумалось, что и Гертруда-то, собственно, немногим отличается от них. Но сердце князя начинало учащённо биться, когда она бросала на него полные неги взгляды.

И неважно уже было, что один из баронов позволил себе во время пира обнять Гертруду за тонкий стан, а другой – пощупать её упругую грудь, засунув руку под расстёгнутый шушун. Гертруда в ответ лишь смеялась и смотрела на Всеволода всё с большим томлением. И странно: от этого она становилась для Всеволода только более желанной. Или это хмель так ударил ему в голову, или какого-нибудь любовного зелья тихонько подсыпали ему слуги княгини в золотую чашу.

Вечерело. За окном светила луна, в избах мерцали огоньки лучин. Снегопад прекратился, стих свист ветра, лишь слышался вдали залиvistый собачий лай.

– Князь... Давай поедем кататься в возке. У тебя большой возок. Нам двоим хватит места! Постелим солому. – Гертруда засмеялась, обнажив ослепительно-белые зубы.

Всеволод молча кивнул. Он сторал от нетерпения, внутри него всё клокотало, бурлило от яростного неутолённого желания.

Они шли вдвоём по двору, Гертруда вскрикивала, проваливаясь в рыхлый снег. В конце концов Всеволод подхватил её на руки и, шатаясь, тяжело дыша, – совсем не лёгкая, оказывается, ноша – княгиня киевская, – внёс её, визжащую и болтающую в воздухе ногами, в возок. Бережно усадил на солому, забрался сам, закрыв на защёлку дверь.

– Куда поедем? – спросил он, стряхивая с кожуха и шапки снег. – Позвать возничего?

– Давай никуда не поедем. Останемся тут. – Гертруда заговорила шёпотом. – Тут тепло. Теплей, чем в сениях... Ну, князь Хольти, я жду. Я вся перед тобой.

¹⁸⁰ Куманец – узкогорлый восточный сосуд, обычно металлический.

¹⁸¹ Братина – большая чаша для питья. Чаще всего применялась на дружинных пирах.

Она сбросила с плеч шушун и цветастый саян¹⁸². Перед глазами Всеволода полыхнула в свете топящейся походной печи белая пышная грудь с округлыми сосками. Не помня себя, князь бросился в жаркие женские объятия...

После они лежали на соломе, укрывшись медвежьими шкурами, выпуская в морозный воздух клубы пара.

– Как сладко! – Гертруда потянулась. – Только становится холодно. Надо было идти в палату. Я испугалась евнуха. Он подозрителен, князь. Откуда ты его взял?

– Это верный человек. Главное, повязан... кровью.

– Какой кровью? Расскажи-ка. – Гертруда наморщила нос.

Всеволод промолчал, прикусив губу.

– Расскажи, – допытывалась Гертруда.

– В иной раз. О нём, что ли, думать теперь.

– Воистину. – С уст княгини сорвался тихий смешок.

– Дай, поцелую тебя. Люба ты мне, княгинюшка, – прошептал Всеволод, норовя обнять её.

Гертруда со смехом увернулась, прыгнула, навалилась на него, прижала к соломе.

Оказывается, она сильная, и страсть её сильная, в ней мало томности и ласки, зато сколько неистовства и пыла! Она целует его, порывисто, яростно, постанывает от удовольствия, руки её судорожно скользят вдоль его тела.

...Утром отправились-таки в возке за околицу села. Там Гертруда отпустила возницу, они сели на коней и верхом поскакали вдоль берега скованного льдом озера.

– Здесь утки зимуют. Много уток, – говорила молодая княгиня.

– Где сейчас Изяслав? – спросил вдруг Всеволод.

Его мучили угрызения совести. Как мог он вот так, забыв о добродетелях, грязно, как мужик, предаться блуду – одному из гнуснейших грехов?!

Гертруда, видно, поняла его чувства и грустно улыбнулась.

– Ушёл с новгородским посадником Остромиром на чудь¹⁸³. Наверное, лежит сейчас в походной веже с очередной наложницей.

Она подъехала к Всеволоду вплотную. Нежная женская ладонь легла на его длань.

– Ты не заботь себя, не думай о нём. Ему хорошо без меня, лучше, чем со мной. – Она вздохнула. – И отчего мне так не повезло?! Если бы я была твоей женой! Мне и киевский стол не нужен без тебя! Как я была бы счастлива! Была бы твоею, открыто, не таясь. Ну почему, почему не за тебя меня отдали?!

– Не нам судить о том. Господь так определил, ему видней, – мрачно отрезал Всеволод. – Пора возвращаться, нас начнут искать.

Он резко повернул коня и стегнул его плетью.

Гертруда мчалась за ним следом, задорно крича:

– Ты говоришь, как монах, князь Хольги! Да, да, как монах!

Она громко, заливисто хохотала.

– Монах! Монах! – словно эхо, звенели в его ушах её слова.

¹⁸² Саян – разновидность сарафана.

¹⁸³ Чудь – народ, предки современных эстонцев.

Глава 18. Щель в двери

Как одно мгновение, пролетели для утонувшего в пуховых перинах Всеволода часы сна. Наконец, он пробудился, будто от резкого толчка, и, протерев глаза, с недоумением огляделся. За косячатым оконцем горела багрянцем вечерняя заря. Зевнув и набожно перекрестив рот, Всеволод поднялся на ноги. Стал неторопливо одеваться, слыша за дверями покоя шум шагов и негромкие голоса. Десница безотчётно потянулась к сабле в серебряных ножнах. Ощутив холод булатной рукояти, князь немного успокоился, одёрнул себя: «Что за глупости на ум идут?! Чего бояться?! Кого?!»

Подошёл к ставнику с иконами, положил крест, горячо зашептал слова молитвы.

«Грех ведь! Грех створил тяжкий!» – подумалось со страхом.

Предательский холодок пробежал по спине, руки задрожали, колени как-то сами собой подкосились и с глухим стуком ударились о дощатый пол.

В унылой тишине молился Всеволод, с надеждой и тоской взирая на лик Спасителя. Казалось, Бог смотрит на него и скорбит о его сгубленной по глупости душе. Трепет охватывал князя. Это потом, после ничего не останется, кроме ожесточения, ненависти, жажды мщения и безудержного честолюбия, сейчас же любой проступок вызывал неприятие, ужас, Страх Божий в сердце, благоговение перед вышней несокрушимой силой и волей. Хотелось плакать, рыдать, умолять о прощении, клясться, делать что угодно, только бы смыть с души позор и грязь.

За спиной послышалось тихое шуршание, скрипнула и затворилась дверь.

Евнух в чёрном опустился на колени, тенью распластался на полу.

– Не вели казнить, архонт. Проведал я, покуда ты спал... Твой племянник, Ростислав, сын Владимира, твоего покойного брата, у княгини Гертруды. Вчера ещё был, до нас, тайно.

– Ростислав?! – Всеволод аж подскочил от удивления. – И откуда его принесла нелёгкая?! Вроде сидел тихо-мирно в Новгороде, потом на Волынь перебрался. Не узнал, что ему надо?

– Не всё, архонт. Знаю одно: с киевской княгиней он греху предаётся.

Спокойный, вкрадчивый голос евнуха вывел князя из себя.

– Что?! Врёшь, скотина! Врёшь! Врёшь! – Всеволод схватил скопца за грудки и стал яростно трясти его, слыша, как бессильно клацают у того во рту зубы.

Отшвырнув соглядатая в угол, князь выскочил из палаты в тёмный переход. Ярость прошла, уступив место чувству гадливости – как мог он польститься на ласки развратницы-польки?! Или не видел, как вела она себя с баронами на пиру?!

– Эй, иди сюда! – окликнул он евнуха. – Показывай, где, что видел.

Скопец угодливо улыбнулся, вытер капли крови с лица и безмолвно пошёл вперёд. Они крались по гульбищам, холодным переходам, взбирались по крутым лестницам, спускались, снова шли. Наконец, оказались в узкой светлице с окнами, выходящими в сад.

Евнух поманил князя перстом. Всеволод прильнул к крохотной щели в двери.

За дверью находились просторные покои, озарённые ярким светом огромных семисвечников и хоросов¹⁸⁴. На разобранной постели лежала Гертруда – Всеволод сразу узнал её распущенные льняные волосы, её улыбку, её острый нос. Княгиню страстно обнимал плечистый молодец. На его загорелых обнажённых руках играли мускулы, он был силен и могуч.

– Ростислав, – ошарашенно пробормотал Всеволод.

Князь с презрением плюнул в темноту. Ещё раз взглянул на Гертруду, уловил её серебряный, весёлый смех.

– Любуется со всеми подряд! Как баба дорожная! Тьфу!

¹⁸⁴ Хорос – люстра.

А ведь он полюбил её, полюбил по-настоящему, сильно, страстно, он не стал бы с кем попало, с тоски или от безделья. И вот – словно пощёчина, звонкая и обидная.

Рука легла на эфес сабли. И как-то вмиг схлынул в душе недавний страх, исчезли мысли о каре Господней, улетучились сомнения, переживания, и вспоминалось вчерашнее лишь как нелепая глупая ошибка, так, мелкий грешок, каких не счесть. Осталось одно ожесточение!

Если бы Гертруда могла хоть на миг задуматься, что натворила, если бы могла понять, что только сейчас, именно этой ночью держала она поводья колесницы судеб многих людей в своих руках и способна была повернуть эту колесницу в какую угодно сторону! Но нет, такие люди, как Гертруда, – рабы страстей, они не задумываются и вершат свои дела по велению чувств и сиюминутных порывов.

И выскользнули поводья из её рук, другие длани жадно потянулись к ним. Пройдёт ещё немало лет, прежде чем эти руки – костлявые, с длинными, тонкими перстами, холёные руки Всеволода заставят колесницу двигаться, сминая под собой многих, колыхаясь, подсакивая, наезжая на жертвы. Но начало положено теперь, в глубинах души, давешняя любовь сменилась жгучей ненавистью, страх – жестокостью, радость – подозрительностью.

Кипят, бурлят дикие страсти. Безумным огнём охватило Всеволода, и сквозь огонь этот прорываются отцовы слова: «Будешь ты князем великим!»

Истлела, выгорела любовь в ярком зареве душевного пожара. Отныне, начиная с этого мгновения, с этой щели в двери, иные цели будут побуждать Всеволода, «князя Хольти», к действию, он отдастся одной, единственной на всю жизнь жажде – жажде власти и величия. Сама того не подозревая, создавала сейчас Гертруда могильщика своим близким!

...Ростислав ушёл от неё далеко за полночь, а рано утром она услышала за окнами скрип полозьев и топот копыт. Это переяславские возки с шумом и грохотом выкатились за ворота. Сытые, накормленные кони рысью понеслись по снежной равнине.

Задыхаясь от волнения, непричёсанная и неумытая, на ходу набрасывая на плечи шубу, бежала Гертруда по крутым ступеням крыльца, падая, спотыкаясь. Кликнула конюха, взмыла в седло, бросилась вслед уходящим в туманную февральскую даль возкам.

Догнала у леса, резко развернула коня, крикнула возничему: «Стой!» Ворвалась, тяжело, отрывисто дыша, в возок, не обратив внимания на изумлённого Ратибора. С возмущением, размахнувшись, хлестнула десницей по роже злорадно улыбающегося евнуха.

– Князь... Воротись... Зачем отъезжаешь?! Зачем обижаешь меня?! – выпалила она прямо в лицо Всеволоду.

– Ратибор и ты... Выйдите! – Всеволод гневно сдвинул брови. Тёмные глаза его налились злобной яростью.

– Ну, что тебе ещё? – мрачно спросил он Гертруду. – Не нагулялась, что ли, вчера? Шла бы тогда к Ростиславу. Или к своим баронам, ко шляхте.

– Ты... ты не понял. Я нарочно... Хотела, чтобы ты... ревновал, – выдавила из себя Гертруда, устало рухнув на лавку.

– Теперь это неважно. В прошлом всё, – сказал Всеволод ледяным тоном.

Равнодушие и холод в его словах вызвали у Гертруды приступ отчаяния. Она закрыла лицо руками и с воплем повалилась на кошмы.

– Уйди, искусительница коварная! Думаешь, не знаю я ничего? Есть люди верные. – Всеволод презрительно поморщился, словно увидел перед собой что-то грязное, отталкивающее.

Гертруда порывисто вскочила, в ней вдруг проснулась гордость, родовая, княжеская, та, что бурлила у неё в крови. Нет, она не какая-нибудь жалкая потаскушка, она покажет этому святоше! Раз он так, то она уничтожит его!

Она через силу, истерично, громко расхохоталась.

– Думаешь, с тобой мне было хорошо? Да Ростислав намного сильней и приятней тебя. С ним намного лучше. Знай: он – князь, настоящий, благородный, он – рыцарь! А ты! С тобой

противно, женщин ты не ценишь и не любишь! – крикнула она. – Окружил себя одними скопцами да монахами!

– Уходи, княгиня. – Всеволод устало зевнул и перекрестил рот. – Надоела со своими криками.

– Ну, Всеволод! – Гертруда вспыхнула. – Это неслыханно! Как ты смеешь?!

Она сделала последнюю попытку вернуть утерянное. Снова разрыдавшись, всхлипывая, вытирая платком нос, заговорила жалобно, с мольбой:

– Остайся. Мне не надо Ростислава. Нужен только ты. Ты люб мне. С тобой спокойно.

– Сказал уже: уйди. Оставь. Ничего уже нет, княгиня. Один позор и стыд. Эй, гридни! – окликнул Всеволод, распахнув дверь возка. – Стемид, Издень! Сопроводите княгиню в село. И ворочайтесь поскорей...

Униженная, растоптанная, с красными воспалёнными глазами ехала Гертруда по заснеженной дороге. Она ещё жила надеждой вернуть Всеволода, понимала, что вела себя, как глупая несмышлёная девчонка, но сделать ничего не могла. И в душу её по капельке проникал яд презрения к Всеволоду.

«Ханжа, святоша, лицемер!» – думала она, морща острый нос.

Устало сойдя с коня при помощи переяславских гридней, она торопливо засемила по двору.

Глава 19. Явление Ростислава

Снова яростно бушевали за окном холодные зимние ветры, обрушивая клубы снега на людей, лошадей, дома, деревья, заметая до самых крыш утлые хижины переяславской бедноты. В ночном небе вдруг ярко вспыхнула молния и раздался чуть надтреснутый сильный глухой удар грома. Всеволод вскочил с постели, испуганно перекрестился и упал на колени перед ставником с образами.

– О, Боже! Что за знамение небесное?! Гром среди зимы! Господи, помоги рабу своему! – зашептал он, устремив взор на лик Божий.

Христос-Пантократор смотрел на князя с иконы грозно, с гневом, тёмные жгучие глаза его словно говорили: «Жди, берегись, лихо тебе будет! Грешен ты, раб Феодор!»

Всю ночь на дворе неистовствовала стихия, отрывисто свистел ветер за ставнями, кружила бешеная вьюга. Князь беспокойно ворочался под беличьим одеялом, тщетно пытаясь уснуть. К утру буря стихла, из-за туч проглянуло солнце и осветило землю слабым сиянием. Всеволод успокоился.

«Видно, сатана бесновался. Отвёл я беду жаркой молитвой», – решил он.

В хоромах привычно засуетились холопы, люди тихонечко перешёптывались о ночной грозе. Вдруг до слуха Всеволода донёлся стук копыт и громкое конское ржание. С тревогой в душе, набросив на плечи кожух, он поспешил на крыльцо.

Посреди двора на огромном вороном скакуне с долгой густой гривой восседал широкоплечий молодец лет немногим более двадцати. Светлые волосы его кудрями разметались по плечам, а синие васильковые глаза смотрели упрямо и твёрдо. Грудь пришельца защищала дощатая бронь, поблескивали гладкие металлические пластины, поверх брони с этакой высокомерной небрежностью был наброшен красный плащ-корзно. На голове молодца красовалась лихо заломленная набекрень островерхая соболя шапка.

Всеволод вздрогнул, узнав Ростислава.

– Ну что, стрый, не встречаешь?! Али не признал?! Коротка ж у ты память! – с громким смехом задорно крикнул ему молодец.

«О, Боже! Вот напасть! И чего ему надо от меня?» – с удивлением и тревогой подумал Всеволод.

Деланная широкая улыбка заиграла на его устах, он шагнул вперёд и, приложив руку к сердцу, вполголоса проговорил:

– Здравствуй, сыновец. Давненько не видались мы с тобою. Сколько и лет минуло – сразу не сосчитать.

«Провались ты в болото!» – скрипнул он с раздражением зубами.

Совсем не хотелось ворошить недавние события и вспоминать лишний раз о своей глупости и об этой развратной ведьме Гертруде.

Ростислав вынул ногу из стремени, спрыгнул на снег и, сорвав меховую перчатку рукавицу, протянул Всеволоду десницу. До чего же была она сильна!

– А ты, гляжу я, вовсе захирел тут, в Переяславле своём! Верно, охотой не балуешься, всё в тереме киснешь. Знаю, письмена иноязычные чтить. Экое занятие! То для монахов! – Ростислав раскатисто расхохотался и хлопнул дядю по плечу.

У Всеволода внезапно позеленело в глазах, он пошатнулся и едва не осел в сугроб.

– Ну, ты не очень. Всё-таки я князь, не простолюдин, не гридень тебе какой, – недовольно морщась, Всеволод стряхнул с кожуха снежные хлопья.

Ростислав снова захохотал.

– Ну, веди ж мя в терем свой! Угощай олом¹⁸⁵, квасом, брашном¹⁸⁶! Принимай гостя! – сказал он, с трудом сдерживая приступы смеха. – Не кажен день, поди, родичей принимать приходится.

...На столе в горнице выставлены были кружки с вкусным медовым квасом. Ростислав не спеша выпивал одну за другой. Лукавой синевой светились его большие глаза с длинными мохнатыми ресницами.

– Тут у тя, яко в келье монашеской. – Он презрительно скривился. – Стол да скамья.

– Земное величие бренно, – хмурясь, ответил Всеволод. – К чему мне излишняя роскошь? Было бы чем володеть, а остальное... – Он махнул рукой. – Зачем оно мне?

– А туры у тя в лесах как, водятся ли? Длани чешутся, поразвлечься б, ловитвою побаловаться! – Ростислав зачарованно закачал русой головой.

– Туров не так здесь много, не то что в лесах на Припяти да на Волыни. Там их целые стада бродят. Но и у нас есть.

– Как мыслишь, не затравить ли нам хотя б двух-трёх? Ловчие-то у тя, надеюсь, сыщутся?

– Можно бы и затравить, ловы устроить. Только иные вот туры здесь, бывало, встречаются. Лютые туры. Зовут их половцами, иначе – кипчаками. Нынешней зимой ворвались они в землю мою, под самый Переяславль подходили. Множество люду сгубили, пленных великое число угнали. Вот от этих злодеев советовал бы я тебе, сыновец, подальше держаться. Народ половцы дикий. Поклоняются они духам добрым и злым, а воинам знатным ставят на могилы бабы каменные. Иной раз, как в степь выедешь, глянешь – стоят, этакие страшные, огромные. Аж жуть берёт.

Ростислав опять звонко расхохотался.

– Ну, стрый, потешил ты меня! – Вытерев выступившие на глазах от смеха слёзы, промолвил он. – Видать, напустили на тя степняки страху, коли каменной бабы, и той испужался! Сидишь тут сиднем, дрожишь, яко лист осиновый!

– Тебе, сыновец, потеха, а мне не больно-то по нраву, когда вокруг Переяславля сёла пылают и смердов в полон уводят, и скот, и лошадей забирают. Обгорелыми брёвнами править кому в радость! – Всеволод злобно осклабился. – Ну да ладно. Этой зимой они больше не сунутся. Можешь себе охотиться без опаски.

– Да я их и не боюсь вовсе! – Ростислав молодецкато тряхнул кудрями.

– Ой, остерегись, сыновец. Половцы – лихие люди. Ты их, верно, и воочию-то не видел, а бахвалишься. Не возгордись, – поучительно изрёк Всеволод, придвигая к себе кружку с пенящимся олом.

– Ну да, не видал! Как же! – вырвалось из уст Ростислава.

Всеволод вздрогнул, поднял на племянника беспокойный, блуждающий взгляд и недоумённо спросил:

– Когда же ты их встречал?

Ростислав отмахнулся, недовольно пробормотав:

– Да было се.

«И где его носило? – подумалось Всеволоду. – Вроде сидел себе на Волыни, ни в какие большие дела не мешался, которы¹⁸⁷ не ковал. И вдруг – на тебе! Объявился, как будто из-под земли вышел!»

Прервав воцарившееся неловкое молчание, он предложил:

– Давай, сыновец, в шахматы сыграем. Вот, видишь, экие чудные они. Резные, из слоновой кости, присланы из самой Ындеи. По юности мы, бывало, с отцом твоим покойным бало-

¹⁸⁵ Ол – пиво.

¹⁸⁶ Брашно – кушанья, «хлеб-соль» в широком смысле.

¹⁸⁷ Котора – распря.

вались ими, а теперь всё как-то недосуг. На-ка тебе белые, начинай. Одно только помни: не сила в этой игре, а разум нужен.

Ростислав поплевал себе на руки и с громким стуком двинул белую пешку вперёд.

...Партия затягивалась. Будучи оба достаточно искушены в игре, соперники хитрили и тщетно пытались обмануть один другого.

Вдруг Ростислав, задумавшись над очередным ходом, неожиданно спросил:

– Так как о Ростове порешим, а, стрый?

Всеволод вскочил со скамьи, словно ужаленный.

– О каком Ростове?! Ты чего, сыновец, белены объелся?! Смотри, не шути так.

– Да я не шучу вовсе, – усмехнулся Ростислав. – Грамоту имею деда покойного. Писано тамо чёрным по белому: Ростовская земля-де – моя волость.

– А ну, покажи грамоту. Чую, подложная она. Ростов мой. Так в отцовом завещании сказано.

Всеволод недовольно нахмурил чело.

Ростислав вытащил из сумы перевязанный шёлковой лентой харатейный свиток и показал великокняжескую печать.

Всеволод развязал ленту, повертел грамоту в руках, вскользь глянул на выведенные полууставом ровные буквицы. Размышлял, возвращая харатью племяннику: «Лукавая, ясное дело, грамотица. Состряпал её в Новгороде или на Волыни какой ловкач, да ещё и печать подложную привесил на шнурке. Но по чьей указке сработано? Ростислава? Нет, сыновец слишком прост и прям для подобных делишек. Кто-то из ближних мужей ему нашептал. Тот, кто жаждет ростовских богатых волостей, обширных лесных угодий, обильных пашен. Всюду, везде – боярские ковы, боярские переветы. Но что же мне теперь делать? Как быть? Как отвратить Ростислава от Ростова и избежать войны? Вот, пожалуй, выход».

– Ничего себе подарок – грамотка эта, – нарушая затянувшееся молчание, процедил Всеволод сквозь зубы. – Ну, давай же дальше играть. И на что тебе сдался Ростов?! Удел самый что ни на есть худой. Один раз посылал меня туда ещё отец покойный. Сперва на ладьях до Смоленска добрался, а оттуда... Страшно вспомнить. Двадцать дней через дрягву¹⁸⁸ непролазную, весь вымок, в грязи. Домой воротился, так и мать родная не узнала. А городок-то захудалый, кругом леса глухие, топи. Народу мало селится, да и те, которые есть, по лесам хоронятся, язычники нераскаянные. А по прямой дороге отсюда, через землю вятичей, и того хуже. Вот второй год уже как послал в Ростов тиунов дань собрать, так с тех пор от них ни слуху ни духу. Видно, сгнули в пути. Эх, да разве это удел?! Я мыслю: солнце светит, море плещет о скалы, вот то – удел! А Ростов – слякоть, глухомань, сырость, лихорадка! Тьфу!

– Чего ты вдруг про море тут запел? – удивлённо приподнял брови Ростислав.

– Ну а возьми, к примеру, Тмутаракань. – Всеволод закрыл глаза, словно пребывая во власти сладостных воспоминаний, и причмокнул с наслаждением языком. – Мне бы такую волость.хлопот бы не знал никаких. У ног – море, суда плывут в неведомые страны, рядом – прекрасноокие девы, дворцы давно усопших правителей – греков и хазар, а главное – золото, оно так и течёт к тебе в руки. Тут и доходы от пошлин. Огромные доходы, почитай, вся торговля со странами восходными идёт через Тмутаракань. А ты говоришь: Ростов. На кой чёрт он тебе?!

Кажется, хитрость удалась. Ростислав слушает, затаив дыхание. Вот он подался всем телом вперёд и взволнованно прошептал:

– Стрый, а правда ль се? В самом деле, вот лепо б было!

– Всё от тебя, сыновец, зависит. Собери дружину, добрых удальцов найти на Руси нетрудно. Пойди выгони из Тмутаракани Святославовых воевод, вот и добудешь ты княжеский стол. Зачем нужна Святославу Тмутаракань? Далеко, тянуться рук не хватит. А от Ростова-то

¹⁸⁸ Дрягва – болото.

что ждать? В Тмутаракани же богатства так и поплывут к тебе по морю. – Всеволод покосился на забранное слюдой окно. – Ну, вижу, устал ты с дороги. Идём-ка, отдохнёшь покуда. А над тем, что я тебе сказал, подумай, крепко подумай.

Он был почти уверен, что племянника удастся облапошить и тот польстится на солнечную доходную Тмутаракань, владение Святослава. А богатый и обширный Ростовский край, главную свою хлебную житницу, он, Всеволод, князь Хольти, не отдаст никому, зубами в горло вцепится, но не отдаст, чего бы то ни стоило.

Глава 20. Из разных эпох

К крыльцу подлетели открытые возки с гурьбой молоденьких девиц. Ростислав, в одной алой рубахе с косым воротом, выскочил во двор, подхватил одну из них на руки и понёс её, прижавшуюся всем своим хрупким телом к его могучей груди, в высокие сени. За спиной князя шумел весёлый смех – дружинники перебрасывались с молодницами острогами и шутками.

На гульбище встретил племянника Всеволод. Кривая усмешка играла на его смуглом, хмуром лице.

– Гуляешь всё, Ростиславе? – сказал он, укоризненно взглянув на девушку, которая, вырвавшись из объятий Ростислава, испуганно юркнула обратно в сени.

– Вижу, ратников набираешь. Даже воевода Вышата, сын посадника Остромира, и тот пришёл к тебе из Новгорода. Поторопился бы, сыновец. – Всеволод говорил бесстрастно, холодно, наставительным тоном. – Вдруг Святослав что узнает, пошлёт рать в Тмутаракань, в помощь тамошним воеводам.

– А с чего ты взял, будто я в Тмутаракань пойду?! Может, я в Ростов! – подбоченясь, выкрикнул ему в лицо Ростислав.

– Мальчишка! Дурак! – вспыхнул, не выдержав, Всеволод, но тотчас же заставил себя успокоиться и даже через силу улыбнулся. Гнев – плохой спутник в любом важном деле. Коря себя за невыдержанность, он заговорил, вкрадчиво, осторожно, стараясь быть убедительным и точным:

– О Ростове речь между нами уже была. Глушь там и слякоть. Поезжай лучше в Тмутаракань. Место крепкое, стены каменные, гавань, порт, море, товары греческие. На полях – виноград, овощи разные, хлеб родится, ролья¹⁸⁹ добрая. Покоришь касогов¹⁹⁰, ясов – великим господарем станешь. Красные девы вокруг тебя стаями, как вороны, залетают. Верных слуг найдёшь новых. С греками, с Корсунем торговлю наладишь. А потом вместе мы с тобой на половцев, в степь нагрянем.

Ростислав долго молчал, задумавшись, уперев руки в бока. Наконец, он вскинул голову, весело тряхнул русыми кудрями и рассмеялся.

– А хитрец ты, стрый! Верно княгиня стольнокиевская, Гертруда, о тебе сказывала. Всё мыслишь по-лукавому, сбегать меня хошь подале!

Он уставился на длинную, доходящую почти до пупа, бороду дяди. Странно, Всеволод старше него, Ростислава, всего на восемь лет, а кажется, будто меж ними – пропасть, будто жили они и живут совсем в разное время и думают по-разному. Всеволод – в той, Ярославовой эпохе, с книгами, храмами и молитвами, Ростислав – в лихой языческой разгульной молодой поре, когда нет ничего устойчивого, раз и навсегда созданного, когда жизнь подобна бурлящей бешеной горной реке.

– Куда же ты теперь? Скоро весна, половодье, – спросил напрямую Всеволод.

– Я, стрый, птица вольная. Куда ветер дует, стрела летит, туда и я. Не любо мне сиднем сидеть, яко сыч. Ездить люблю, в походы славные хаживать, девок красных лобызгать. Пригоже ли доброму молодцу в тереме киснуть, как тебе? Прощай, князь. Надоел ты мне. Скука здесь. Мечи затупились у моей дружины. Заутре ж и отъеду. Ну, бывай.

...Наутро, пред расставаньем, Всеволод холодно расцеловал племянника, троекратно перекрестил его и со вздохом облегчения проводил до Епископских ворот. В снежную даль полетели быстрые кони, унося могучих всадников в булатных бронях, спустились с горы, миновали земляной вал, поскакали вдоль пристани.

¹⁸⁹ Ролья – пашня.

¹⁹⁰ Касоги – группа племён, предки черкесов, адыгейцев, кабардинцев.

Всеволод, стоя на заборолу возле ворот, долго смотрел им вслед. Сейчас он не знал, не ведал, что ни живым, ни мёртвым не суждено будет ему увидеть больше Ростислава. Если бы настигла сейчас молодого богатыря-князя вражья стрела, не стал бы он горевать – лишь подумал бы, сколь всё в мире бrenно. Ибо кто ему Ростислав? Всего лишь соперник, покусившийся на его земли. Всюду встал этот мальчишка у него на пути. И самое страшное – за ним идут! Гридни, отроки, бояре смотрят с обожанием, не налюбуются красивым, смелым, сильным удалцом. Такими, наверное, были князья в прошлом – покоряли всех доблестью, отвагой, бесстрашием, молодечеством.

Всеволод велел позвать Хомуню. Верный сакмагон, мрачный, с глубоким шрамом через всё чело – досталось во время набега Искала – холодно выслушал короткое повеление.

– Проследи за князем Ростиславом. Посмотри, куда он тронется. По степи разошли людей.

Хомуне сейчас нелегко. Всю семью его: жену, детей – убили половцы. Но службу несёт он исправно, на него можно положиться в любом деле.

...Седьмицы не прошло, как Хомуня снова стоял перед Всеволодом, шатаясь от усталости, тяжело, с надрывом, дыша.

– Погрузили Ростиславлевы вой¹⁹¹ полти¹⁹² мяса на обозы, пошли на полдень, вдоль Днепра, – доложил он.

Начинающие сесть волосы и густая борода обрамляли его желтоватое лицо, изрытое оспинами. Кольчатая броня и бутурлыки¹⁹³ сияли в солнечном свете. Словно архангел Гавриил перед Девой Марией, стоял он перед князем. Воистину, весть принёс благую. Посветлело у Всеволода на душе.

– В Тмутаракань отъехал, – обрадовался он, крестясь. – Ну, хвала Всевышнему. Отвёл от Ростова беду.

Он улыбнулся одними уголками губ.

¹⁹¹ Вой – воин. Войми называли не профессиональных дружинников, а набранных на время войны ратников из крестьян и горожан (ополчение).

¹⁹² Полть – половина мясной туши.

¹⁹³ Бутурлык – доспех на ноги воина.

Глава 21. Спасение Тальца

Задыхаясь от быстрого бега, Талец мчался через засеянное пшеницей поле. Высокие упругие колосья хлётко ударили ему по ногам. Пригибаясь, спотыкаясь о кочки, Талец с надеждой и отчаянием взглядывал вперёд: скоро ли? С каждым мгновением приближалась опушка леса; там, в темноте, под кронами сосен, в яругах¹⁹⁴, балках, посреди чащобы – спасение.

Поскользнувшись, он беспомощно растянулся на земле, изодрав посконную рубаху и больно ударив колено. Устало смахнул с чела пот, вскочил; прихрамывая, побежал дальше.

Вот он, наконец, лес. Пот заливал паробку лицо, рубаха вся стала мокрой – хоть выжимай. Талец юркнул в спасительную лесную прохладу, скатился в глубокий овраг, жадно испил воды из громко журчащего ручья.

Теперь можно было немного перевести дух, подумать, осмыслить случившееся.

...День стоял как день, привычно закипала работа. Отец с рассветом засобирался в поле, мать гремела ухватами у печи, сестра и двое братьев копошились во дворе возле конюшни.

– Поехали, Талец! – позвал отец, запрягая в телегу коня.

Паробок забрался на жёсткую солому. Отец тронул поводья, и телега со скрипом выкатилась за ворота. Так происходило изо дня в день, из года в год. Скоро уже, осенью, как обычно, приедут из Чернигова строгие, сердитые тиуны, соберут обильный крестьянский урожай, увезут его в княжеские и боярские житницы, зорко осмотрят кладовые: не утаили ли чего людины, не упрятали ли от их бдительного ока пару мешков с зерном.

Иногда, бывало, наедут бояре в пёстрых кафтанах, оружные гридни в блестящих кольчугах, будут охотиться в окрестных лесах на дикого зверя, останутся на постой в избах. В такое время жизнь в деревне преобразается, хмельной рекой текут меды, смех и веселье наполняют улочки. Но уезжают весёлые шумные гости, и всё возвращается на круги своя: пашня, солёный пот на спинах под палящим солнцем, вечные хлопоты, большие и малые надоедливые работы, идущие нескончаемой чередой – сев, сенокос, жатва, молотьба.

...Уже подъезжали к полю, когда вдруг со стороны села раздались дикие душераздирающие вопли. Ярким заревом полыхнули избы. Посреди дыма и копоти слышались грубые горланные выкрики, ржание и топот большого числа коней, пронзительный свист.

– Поганые! – крикнул отец.

Талец, вздрогнув, порывисто обернулся. К околице села, к высокой деревянной церквушке с чешуйчатым куполом – луковичкой подлетели всадники в панцирных коярах¹⁹⁵ и в лубяных плосковерхих шлемах, скреплённых железными пластинами. Талец разглядел их лица: жёлтые, скуластые, искажённые злобой, перекошенные в крике.

– Беги, Талец! – Отчаянный отцовый вопль вывел отрока из оцепенения, он спрыгнул с телеги и метнулся к обочине, с ужасом увидев, как отец с пробитой головой, весь в крови падает под копыта, в дорожную пыль. Следом за Тальцем понёсся с копьём наперевес половец. Судьбу юнца решили мгновения. Уже настигал его свирепый степняк, целился, готовился воткнуть остриё копья меж лопаток, когда внезапно рухнула поперёк дороги горящая церквушка. С предсмертным визгом ужаса и боли навсегда исчез половец посреди пламени и обломков. Едким дымом заволокло дорогу. Талец свернул, побежал по полю, ранив босые ноги о камни и колючую траву.

Далеко впереди, у окоёма, синей жилкой темнел лес.

«Туда не пойдут!» – подумалось Тальцу.

¹⁹⁴ Яруг – овраг.

¹⁹⁵ Кояр – защитный панцирь, состоял из металлических пластин, скреплённых кожаными ремнями.

Он, не переводя дыхания, из последних сил бежал и бежал. Сердце готово было, казалось, выскочить из груди. Сколько времени он бежал так? Гнался ли за ним кто-нибудь? Или забыли о нём степняки, занялись дележом добычи?

Ничего этого Талец не знал. Забившись в густой малинник на дне оврага, он затаил дыхание и беспокойно прислушался. Тишина. Только птицы щебечут на деревьях.

Дрожащими руками он стал срывать с кустов спелые ягоды малины. Есть не хотелось, делал он это почти безотчётно, стараясь заглушить нахлынувшую в душу горечь и страх ожидания неведомого.

В лесу просидел до вечерних сумерек, потом тихонько выполз на опушку, начал медленно, осторожно пробираться краем поля.

Надеялся: а вдруг живы, уцелели мать, братья, сестра, ближники-соседи. Тогда можно будет заново отстраивать хату, налаживать понемногу былую, привычную жизнь. Но мертвенная гробовая тишина встретила Тальца в селе. Догорали разорённые избы и гумна, всюду лежали полуобгоревшие трупы. Страшное зрелище предстало глазам отрока.

Тел матери, сестры и братьев он не отыскал – видимо, все сгорели в пламени пожара. Не было рядом ни единой живой души.

«Всех сгубили, треклятые!» – Талец упал наземь возле пепелища, какое осталось от родной хаты, и горько разрыдался.

Перевернувшись на спину, лежал он долго, с трудом сдерживая слёзы, и смотрел на полное звёзд ночное августовское небо.

Что делать ему теперь? Куда идти? Родных и близких в окрестных сёлах и слободах у него нет, да и сёла те и слободы, невестимо, уцелели ли. Может, тоже похозяйничала в них свирепая орда.

Остался, правда, у него один родич. Мать как-то сказывала, что есть у неё брат, Яровит. Ещё в малых годах забрали его в ученье, чем-то приглянулся он киевскому князю Ярославу, сделал его князь боярином, земли дал, усадьбу имеет Яровит в Чернигове. О нём почти никогда в семье не говорили, так, изредка упомянут, и только. Отец всегда хмуро сдвигал брови, едва заходила о Яровите речь. Но вот как повернула жизнь – придётся теперь, верно, Тальцу искать этого неведомого дядю. А там, как знать: может, примет Яровит его, может – прогонит взашей.

Поутру, взяв в руку сучковатую палку, забросив за плечи котомку со скудным скарбом – собрал у соседки в уцелевшей бретьянице¹⁹⁶ немного еды на дорогу, – в последний раз глянув на родное пепелище и обронив слезу, направил Талец стопы вдоль широкого шляха. Шёл, беспрестанно озираясь, днём больше отсиживался в лесу или крался опушкой, стараясь быть тихим и неприметным. На третий день, уже к вечеру, добрался до берега большой, многоводной реки. Ни души не встретилось на пути – лишь набрёл однажды на разорённую половцами пустую деревню.

Куда идти дальше – не знал, пошёл наугад вдоль берега, вниз по течению. Тревожно, смутно было на душе, уже и голод давал о себе знать – съестные припасы кончались. Решил заночевать в прибрежных камышах, а утром вплавь перебраться на другой берег, где виднелся густой сосновый бор. Там хоть ягоды, грибы удастся раздобыть.

Свернувшись калачиком, подложив под голову котомку, забылся Талец беспокойным сном.

– Эй, отроче! – Кто-то осторожно потряс спящего паробка за плечо. – Ишь, куда забрался! А ну, вставай!

Талец вздрогнул, оторопело вытаращил глаза, с криком вскочил, метнулся в сторону. Судорога страха сжала его сердце.

– Да ты не бойся. Экий пугливый!

¹⁹⁶ Бретьяница – кладовая.

В неясном свете предутренних сумерек Талец разглядел тонкую фигурку монашка в долгой рясе, с посохом в деснице. Чуть дальше, возле дороги, стояла крытая холстом телега, на которой сидел, свесив ноги, другой монах. Тучная кобылка помахивала широким хвостом.

– Ну, ступай сюда. Говори, кто ты, откуда будешь, куда путь держишь? Я, Иаков-мних, писатель княжой, иерей, иннок пещерский, вопрошаю тя.

Талец несмело подошёл к монашку.

Чем-то сразу расположил его к себе этот низкорослый, худенький человек с заострившимся лицом и редкой русой бородёнкой.

С трудом сдерживая слёзы, Талец коротко поведал ему о набеге половцев, разорении села, гибели родных.

В скорби потупив взор долу и вороша посохом траву, Иаков слушал, слегка покачивая головой.

– Куда ж ты топерича? – спросил он, едва отрок замолчал.

– В Чернигов хошу. Дядька тамо у мя быть должен. Баят, боярин важный. Может, приютит. А нет – не ведаю, как и бысть, куда и податься.

– В Чернигов, – задумчиво повторил Иаков. – Вот и мы туда ж. Книги везём ко князю Святославу. Я да Никита, грек-евнух, тож монах, слуга Божий. Со Лытеца идём, с монастыря. От поганых, яко и ты, едва убереглись, в роще за дубами укрылись. Книги вот спасти помог Господь. Поедем с нами, отроче. Садись на телегу.

Тальцу лишний раз повторять было не надо. Чуть не бегом помчался он к телеге и поспешно забрался на неё, сев рядом с евнухом Никитой. Молодой, безбородый грек окинул отрока косым, подозрительным взглядом и хитровато прищурился.

– А как звать твоего дядьку? – спросил он.

Голос у Никиты был тонкий, как у бабы.

– Яровит, Божий человек.

– Гм... Яровит. – Никита заметно насторожился, в тусклых глазах его блеснул недобрый огонёк. – Поганое имя, языческое. А по крещёному как его звать?

– Не ведаю, Божий человек. Я ж его отродясь в глаза не видывал.

– Гм... Иаков, знаешь ты такого боярина? – обратился Никита с едва скрываемой насмешкой к своему спутнику, тоже уже севшему на телегу.

– Слышал, как же. Был Яровит при князе Ярославле видным боярином. В Чернигове дом имеет, ещё земли где-то возле самых вятичей, в лесах да на болотах. Сказывают, муж смекалистый, посольские дела правил – к уграм ездил, к ятвягам¹⁹⁷, в саму Ромею хаживал.

– Как же можешь ты, безродный раб, такому человеку родичем быть?! Врёшь ты всё! – визгливо прикрикнул Никита и замахнулся на Тальца плетью.

Лицо его потемнело от злости, маленькие чёрные глазки налились яростью и готовы были, казалось, выскочить из орбит.

– Не трожь мальчика! Веди себя, как Божьему слуге подобает, брат! Кроток будь, смиренен. – Иаков схватил евнуха за руку. – И не врёт, думаю, ничего парень. А еже¹⁹⁸ что и приврал, дак не нам его судить. Вишь, от поганых он бежал, спасался, родичей всех потерял. А что до Яровита, то ведомо – не из бояр он вышел. За то и недолюбливают его в Чернигове были¹⁹⁹ родовитые, за ровню себе не почитают. А сами же токмо обжорством да пьянством славны. Ты, отроче, – обратился он с ласковой улыбкой к Тальцу, – сиди покуда, отдыхай, гляди на бел свет. Сподобит Господь, доведём тя до Чернигова. Недалече. К вечеру будем тамо. Трогай, Никита.

¹⁹⁷ Ятвяги – литовское племя, жило на реке Неман, в современной Гродненской области. Платило дань киевским князьям.

¹⁹⁸ Еж (др.-рус.) – если.

¹⁹⁹ Были (др.-рус.) – бояре.

Телега сдвинулась с места, заскрипела. Кобыла с жёлтой свалывшейся гривой неторопливо, шагом побрела вдоль реки. Никита со злостью хлестнул её плетью.

– Старая кляча! – ругнулся он, но, уловив осуждающий взгляд Иакова, презрительно скривился и умолк.

Кобыла перешла на рысь. Трясаясь на кочках и ухабах, покати́лась телега по пыльному шляху.

Справа, за курганами алела багрянцем утренняя заря. Лёгкие розоватые облачка медленно ползли по светлеющему небосводу. В рощах пробуждались птицы, отовсюду слышалось громкое щебетание. Унылой чередой потянулись поросшие ковылём и разнотравьем дикие поля.

Солнце выплыло из-за окоёма, ударило в глаза яркими копьями-лучами. Талец зажмурил глаза. По щеке покати́лась стружкой слезинка.

– Жаркий день будет, – взглянув на небо, промолвил Иаков.

Талец спросил:

– А книги где, что вы везёте?

– Да вон в ларях. Зришь?

Отрок обернулся назад и изумлённо уставился на два огромных окованных серебром ларя с висячими замками.

– Ты грамоту разумеешь? – добродушно спросил Иаков.

Талец смутился и отрицательно мотнул головой.

– Научат тя. В Чернигове школа есть. Не токмо бояр – и людинов, и смердов учат. Всяк человек разуметь грамоту должен. Вот книги везём. На русском, греческом, латынском писаны. Евангелие, Деяния апостолов, молитвослов, хронографы разноличные.

– Ветхий Завет забыл, брат Иаков, – провизжал Никита. – Не эта ли книга наипаче иных важна для разумения?

– Что ты мне всё про Ветхий Завет, брат Никита? – Иаков нахмурился, помрачнел, в светлых глазах его вспыхнул неодобрительный огонёк. – Дивлюсь те. Сдаётся, впал ты в ересь жидовскую. Ибо ни Евангелия, ни Апостола, – святых книг, в Благодати Господней нам переданных, – ни честь, ни слушать не хочешь. Боюсь, прельщён ты еси от ворога.

– Дивлюсь и я тебе, писатель. – Безбородый евнух ухмыльнулся. – Из Ветхого Завета – мудрость почерпнёшь, советы, опыт, из поколения в поколение переданный. Как и людская жизнь ныне полна грехов, так и там. И страх Божий, и кары, и казни Господни – обо всём сведаешь из этой книги. Весь наш греховный мир, как на ладони, узришь. В том великая ценность Ветхого Завета. Мудрым станешь, как царь Соломон.

Монахи шумно заспорили, с русского языка перешли на греческий, непонятный отроку, Талец с раскрытым от изумления ртом смотрел на них, ожесточённых, одержимых, готовых, казалось, вцепиться друг в друга.

Никита брызгал в ярости слюной; Иаков, гневно сжимая обеими руками палку, отвечал – зло, резко, лицо его покраснелось от волнения.

Талец немало испугался. Он никак не мог уразуметь, из-за чего вспыхнул этот странный горячий спор, почему монахи готовы побить друг дружку, как какие-то грубые, неотёсанные мужики. У них в селе, бывало не раз, спорили, учиняли драки, ругались – то по пьяному делу, то из-за бабы, но чтобы вот так! Из-за книг?! Отрок удивлённо пожал плечами.

– Такие, как ты, семя зловерное сеют! – заключил Иаков.

Он устало смахнул со лба пот, откинул на спину чёрный куколь и, посмотрев на растерянного Тальца, неожиданно рассмеялся.

– Эй, отроче! Гляжу, перепугали мы тя. Али как?

Талец промолчал, смущённо улыбнувшись.

– Не пужайся. Мы вот поспорим, покричим да отойдём. Монахи ведь, не ратные люди. Верно ли говорю, брат Никита?

Евнух хмуро кивнул.

Дальше ехали молча, Талец с любопытством завертел головой, осматриваясь вокруг. Дикую степь сменили возделанные поля, густо засеянные пшеницей. Вдали видны были работающие крестьяне – мужики в посконных рубахах, бабы в ярких, разноцветных саянах, в платках на головах. В самый разгар вступила жатва. Талец вздохнул и, вспомнив с остротой и горечью всё случившееся в родном селе, вдруг расплакался, уткнувшись лицом в колючую холстину.

Иаков с участием посмотрел на него, но ничего не сказал. Да и что толку тут было говорить, чем мог он утешить юного паробка? Безжалостное время неотвратимо, и Талец ещё сам до конца, наверное, не понял, что с потерей близких ушла навсегда из его жизни золотая пора детства. Что ждёт его впереди? Встреча с безвестным дядькой, а дальше? Неведомо. Многолик и причудлив мир, при всей своей необъятности он тесен, судьбы людские переплетаются в нём порой чудно и дивно, одному Господу известно как...

В полдень остановились у околицы большого, богатого села, монахи наскоро поснидали и накормили изрядно проголодавшегося паробка. Сушёная рыба и чёрствый хлеб сейчас, после нескольких дней трудного пути, показались Тальцу особенно вкусными.

– Ишь, оголодал, – усмешливо заметил Иаков. – Ну да Господь те в помощь. За сим селом большак, а тамо уже и Чернигов недалече с дядькою твоим. И нам, грешным, конец дороги. Монастырь, княжьи палаты.

Никита достал из сумы немного овса, с руки покормил кобылу, после чего они продолжили путь. Проехали мимо села, в котором наряду с обычными утлыми мазанками и совсем убогими полуземлянками высились добротные срубленные избы, окружённые тыном. Было даже два или три каменных дома.

– Богатое село, княжеское. Когда выезжает кажен год князь Святослав на полюдь, здесь становится. Тут двор у его, тиуны, волостель, – пояснял Иаков Тальцу. – Народец здесь не токмо землю пашет, но и ремеслом разнообразным пробивается: кузни имеют, скудельницы. Верно, твоё-то село, отроче, невелико было, одни мазанки да землянки, да хаты утлые?

– Тако, – кивнул Талец.

– Верно, непривычно глядеть. Ну, даст Бог, повидашь бел свет. Никита! Хлестни-ка. Поедем борзее.

Кобыла понеслась вскачь, роняя на пыльную дорогу хлопья жёлтой пены.

Глава 22. Во граде Чернигове

Огромный город с шумными, полными люду площадями, дубовыми стенами на мощных земляных валах, суровыми воинами в булатной броне, охранявшими обитые листами меди тяжёлые ворота, оглушил юного паробка. Весь сжавшись, недоверчиво, но с заметным любопытством взирал Талец на большие дома, нарядные церкви из розовой плинфы, украшенные резьбой, со свинцовыми куполами и золотыми крестами, рассматривал одежды горожан – боярские кафтаны, свиты купцов и видных ремесленников, летники и высокие кики²⁰⁰ жёнок.

Позади остался мост через Стрижень, монашеская телега въехала во внутренние ворота. Здесь рядами стояли оружные чубатые воины, все в сверкающих на солнце доспехах.

– Кто таковые?! А, это ты, Иаков! – пробасил здоровенный детина.

Узнав знакомого монаха, он махнул волосатой рукой. – Пропустить! По княжому порученью люди!

Телега остановилась на площади возле боярской усадьбы, обнесённой частоколом из длинных, в несколько сажен высоты, остроконечных дубовых жердей. Из-за огромных деревянных ворот визгливо и зло залаяла собака.

– Вот твою Яровита хоромы, – пояснил Иаков. – Слазь, стучись. Не робей.

Талец несмело шагнул к воротам, тихо постучал. Лай собаки усилился, стало слышно, как кто-то недовольно цыкнул на неё, лягнула цепь, отворилось сбоку от ворот смотровое оконце.

– Кто тут? Кому чего надоть?! – раздался хриплый, сердитый голос.

– До боярина Яровита мы, – отвечивал за вконец растерявшегося Тальца Иаков. – Передай, добр человек: племянника ему привезли.

Воротник с любопытством просунул в оконце голову.

– Ты, что ль, племянник? – удивлённо спросил он Тальца. – Чегой-то свитка у тя худовата.

– Ты бы, добр человек, кликнул боярина. Да не мешкай. Мы ведь со братом Никитой к самому князю спешим, ждут нас тамо, – молвил Иаков.

За воротами послышался какой-то шорох.

– Кто там? Что случилось, Младан? – раздался другой голос, мягкий и вкрадчивый.

– Да вот, боярин, – отозвался воротник. – Монахи тут. Бают, племянника твою привели. Да парень одет больно худо, и... Чудной какой-то.

– А ну, отворяй скорей!

Врата широко распахнулись. Иаков подтолкнул Тальца в спину. Навстречу им вышел высокий человек лет тридцати с небольшим в наброшенном на плечи лёгком суконном кафтане, под которым виднелась лиловая шёлковая рубаха. Серого цвета шаровары перетягивал золочёный пояс с раздвоенными концами. На смуглом лице незнакомца горели чёрные пронизывающие глаза, лицо отличалось правильностью черт и какой-то особенной, спокойной красотой. Боярин был не худ, но и не толст, носил тонкие усы и густую короткую чёрную бороду, волос на голове у него было мало, на затылке они вились колечками и доходили почти до плеч. В левом ухе его отливала золотом крупная серьга, на пальце смуглой десницы сверкала жуковина²⁰¹ величиной с горошину.

– Ты Талец, да? – ласково, с улыбкой спросил боярин паробка.

– Талец. – Ланиты отрока окрасил багряный румянец смущения.

– Тебя видел малым совсем. Года два или три тогда тебе было. Ну, заходи. И вы заходите, люди Божьи. Вот вам по серебренику, молитте Господа за нас.

²⁰⁰ Кика – головной убор замужней женщины, кокошник с «рогами» или высоким передом.

²⁰¹ Жуковина – украшение на перстне. Часто – сам перстень.

Яровит провёл гостей к крутому крыльцу, кликнул дворского и коротко распорядился накрывать стол в горнице. Монахи кланялись боярину в пояс и просили отпустить их – важное дело имеют, книги везут князю Святославу.

– Книги! – оживился Яровит. – Ну что же, дело доброе. Ступайте тогда, да возвращайтесь только. Покуда будете в Чернигове, становитесь у меня на постой.

– Спасибо, добрый боярин. Храни тебя Господь! – визгливо пропищал Никита.

Монахи отправились восвояси, а Яровит провёл Тальца в горницу.

– Так, говоришь, поганые село сожгли? Отец, мать, братья, сестра – все погинули? Да, верно, так. А может, жив кто остался? Может, поганые в полон увели?

Талец застыл в оцепенении. Как же он не подумал?! А если, воистину, прав дядька?!

– Знать бы, из какой орды были те половцы. Осулуковы или Шарукановы. Тогда послал бы я к ним в становище, поискали бы среди полоняников, – раздумчиво изрёк Яровит.

Они сели за стол, челядинец принёс с поварни жаркое. Голодный Талец с жадностью приступил к еде.

Яровит, улыбаясь, смотрел на худое, измождённое лицо паробка.

– Ты, видно, ни грамоте не учён, ни ремесла никакого не знаешь? Да, упряма твой батька был. Я ведь хотел всю вашу семью в Чернигов забрать. Так нет, говорят. У тебя, мол, Яровит, своя жизнь, у нас – своя. Только позорить тебя своим худородством да сиволапостью будем. Ну, вот что! – Он хлопнул ладонью по подлокотнику кресла. – Жены у меня нет, детей Бог не дал. Ты, Талец, покуда единственный наследник мой. Обучу тебя всему, что сам умею. Тебе весь достаток, все вотчины свои передам. Будешь боярином, не последним среди черниговских былей. На том и порешим.

Обалдело, со смешанным чувством испуга и радости смотрел Талец на дядю, усмехающегося в усы, и всё никак не мог понять, серьёзен тот или шутит. Наконец, постиг, что начинается для него совсем иная, новая жизнь. И весь окружающий паробка мир как бы раздвигается, расширяется, беспощадно врываются в его, Тальца, судьбу свежие струи пока ещё непонятного, но прекрасного в новизне своей этого бесконечно огромного мира. И отрок, взирая на дядю, слабо улыбнулся, чувствуя в его словах и жестах поддержку и участие.

Глава 23. Боярин Яровит

На княжеском дворе кипел ожесточённый бой. Вооружённые деревянными «турнирными» мечами младшие гридни – совсем ещё паробки с едва пробивающимся над губами пушком, со страстью наносили друг другу удары. На синяки, кровоподтёки, ссадины внимания не обращали – это было обычным делом. Да и пристало ли воину ныть и жаловаться на пустяковые царапины?! Терпеливо, стиснув зубы, кружили паробки по стоптанной, покрытой кое-где жухлой травой земле. Старшие, встав поодаль, усмешливо и одобрительно кивали головами.

Удалой богатырь Ратша, сбросив остроконечный шишак, молодецки тряхнул льняными кудрями. Всех перемог он в короткой яростной схватке. Побитые боярские сыны и вскормленники черниговской дружины хмуρο вытирали кровь с лиц, досадливо морщась, растирили ушибленные места.

Расправив крутые плечи, Ратша горделиво глянул в высокое оконце на верхнем жиле терема. Там виднелась белокурая головка юной красавицы Миланы. Маленькая рука приветливо махнула ему шёлковым платочком.

С шумом раскрылись провозные ворота. Во двор въехал в нарядной свите боярин Яровит. Не спеша спустился с седла, передал поводья одному из гридников, только что «сражённому» Ратшей.

– А что, боярин! Давай с тобою биться! – задорно выкрикнул Ратша. – Не деревянными мечами – харалужными, острыми! До крови!

В дружине не любили Яровита, его считали человеком умным, но хитрым и далёким от прямоты и искренности. Никогда Яровит не участвовал в их поединках, не гремел железом, не хвалился попусту. Никто не видел его ни на рати, ни на охоте, только в думе княжеской он выделялся и всегда был готов дать дельный совет. Бояре презирали его как выскочку, невестимо какими путями добравшегося до богатства и власти. Да и сам князь Святослав, похоже, не особенно жаловал Яровита, хотя и старался с виду ничем не показать своего недоброжелательства. Но Яровит, немало повидавший на своём веку, прошедший месяцы и даже годы в трудных посольских поездках, видевший Эстергом²⁰² и Прагу, Роскильду²⁰³ и Сигтуну²⁰⁴, Сауран и Сыгнак, Царьград и Охриду²⁰⁵, встречавший разных людей и познавший разнообразную иноземную молвь, всё подмечал и втайне досадовал.

Чересчур распустил Святослав свою дружину. Слов нет, люди у него храбрые, смелые – такие любому князю завсегда надобны, только вот заносчивы они, спесивы сверх всякой меры. Взять хотя бы этого Ратшу.

– Ну, чего молчишь? – смеялся раскрасневшийся молодец. Подбоченясь, он нагло взирал на холодного Яровита.

– Сором мне с тобой тут, – спокойно ответил боярин. – Чем похвальбой безмерной забавляться да попусту кулаками махать, каким добрым бы делом занялся.

– А что, Яровит, дело ратное – не доброе? – с издёвкой спросил пожилой седатый дружинник Воеслав.

Облачённый в дощатую бронь, он держал в руке сверкающий на солнце булатный шишак.

– Доброе, – кивнул Яровит. Боярин старался не отвечать на колкие насмешки. – Только вот кичиться своей силой – глупо и соромно.

²⁰² Эстергом – столица королевства венгров в X–XIII веках.

²⁰³ Роскильде – древний город Дании. В XI–XV веках резиденция датских королей.

²⁰⁴ Сигтуна – крупнейший город Швеции в XI–XII веках.

²⁰⁵ Охрида (Охрид) – город в Болгарии. В древности являлся крупным и известным культурным центром. С 990 до 1015 года Охрид был столицей Болгарского царства царя Самуила.

– То ты баишь, пото как ни за что Ратшу не одолеешь! – раздался в толпе дружинников крик.

– И верно. Ты, Яровит, всех учишь – сором, не сором! – шумно поддержал Воеслав. – А как биться надоть будет – ты и не видать, ты – последний! Сече доброй уговоры разнообразные да лукавства предпочитаешь!

Яровит досадливо махнул рукой. Совсем не хотелось слушать этих хвастунов и крикунов.

– Кровь лить не любо мне, – сквозь зубы бросил он в смеющиеся самодовольные лица.

Он поднялся по каменным ступеням взохода; услышав громкие женские голоса, невольно глянул ввысь.

У большого стрельчатого окна стояли несколько боярских дочерей. Девушки, видно, с живостью обсуждали недавний бой и, смеясь, перемигивались с гриднями.

Рядом с белолицей Миланой выделялась рослая дочь Воеслава – Роксана. Яровит залюбовался писаной красавицей в нарядном саяне тонкого сукна с серебряными пуговицами. На плечи девушки наброшен был голубой расшитый плат с огненными петухами, в прямых русых волосах блестели жемчужные заколки. Серые глаза молодницы горели, как показалось боярину, неким затаённым лукавством, а чуть припухлые губы, напротив, придавали её лицу выражение простодушия. В маленьких ушках сверкали крупные золотые серьги, носик у девушки был твёрд, прям и тонок.

Боярин одёрнул себя: непристойно. Роксана сосватана за Глеба, старшего сына князя Святослава. И зачем князь потекает страсти сына?! Не срам ли, не позор?! Издревле брали князи в жёны иноземных царевен или княжеских же дочерей. Неужели Святослав хочет иметь сватом вот этого ржущего как лошадь, языкастого грубого Воеслава?!

Яровит презрительно передёрнул плечами.

Князь сожидал его в горнице. Он только что вкусил крепкого мёду и чувствовал, как по телу растекается приятное тепло. Вытерев перстом широкие рыжие усы, Святослав неодобрительно уставился на боярина.

– Что тамо опять стряслось, Яровит? – спросил он недовольно.

– Племянник ко мне днесь²⁰⁶ приехал, сестрич. На дороге подобрали его монахи. Те, которые книги тебе привезли.

– Монахи! – Святослав поморщился. – Евнуха сего, Никиту, гнать я велел взашей. Не терплю лукавую енту породу. Жаль, Иаков тож осерчал. Он, бают, учёный вельми, у брата Всеволода сына грамоте обучает да наукам различным.

– О том тоже сказать хочу. – Князю Яровит никогда не льстил и всегда говорил ему в глаза то, что думал. Зря упрекали его бояре в лукавстве – лукав он бывал только, когда требовали того дела.

– Не надо было так поступать с Никитой. Помни, княже: евнухи злопамятны. Люди ущербные таят в душе зло, жестоки ко всем, мстительны, безжалостны. Готовы любого считать виновным в своих несчастьях.

– Да пошёл он! – Святослав смачно выругался. – Нечисть всякая! Развёл Всеволод у ся в Переяславле всякую мразь! Тьфу! Голос-от, яко у бабы!

– Никита – не переяславский инок, киевский. С монастыря Печерского.

Святослав задумался, почесал пятернёй затылок. Громко ударив ладонью по крытому белой скатертью столу, с досадой заключил:

– Прав ты, Яровит! Зови его заутре на пир! Передай, князь кличет... Киевский... Ха! Киевский! – В серых, слегка подёрнутых синевою глазах Святослава засветилась какая-то затаённая мысль. – Отмолви-ка, боярин. Слыхал ли ты, будто в Киеве простолюдины недовольны?

²⁰⁶ Днесь (др.-рус.) – сегодня, ныне.

– Да, княже. Подол бурлит. Поборы велики. Жида-ростовщики великие резы²⁰⁷ берут, кабелят людинов, в закупы обращают. А за жидами теми, говорят, тысяцкий²⁰⁸ Коснячок, он через них гривны²⁰⁹ и куны свои в долг даёт. Но, думаю, найдутся в Киеве разумные головы – уймут народ, успокоят, сбавят резы.

– То как знать, как знать, Яровит. – Святослав вдруг рассмеялся. – Да ладно. Что ты тамо про племянника свово?

– Наладить хочу сторбжу в степь. В станы бы людей послать.

– Енто ещё зачем?! – удивлённо вскинул брови Святослав.

– Может, сестра моя жива, в полон попала. Или кто из детей её.

– Ах, тако.

– Да вот незадача: мало кто их в лицо знает. Придётся, видно, самому ехать, и племянника с собою брать. Дал бы гридней в подмогу.

– Езжай, коли головы своей не жалко. – Святослав равнодушно пожал плечами. – С половцами живём ноне ратно. А гридней не дам – самому надобны.

Он не заметил на мгновение полыхнувшей во взгляде Яровита злобной ярости и не понял, что совершил сейчас ошибку, оттолкнув этого умного, прозорливого человека.

Боярин молча поклонился ему, коснувшись ладонью пола, и поспешно вышел из горницы за дверь.

Красивое лицо Яровита исказила гримаса ненависти, когда услышал он шум и смех, несущийся со двора. Остоявшись в тёмном переходе, он стиснул кулак и сам себе поклялся, что до скончания лет будет вредить Святославу, его сыновьям и боярам. Даже о Роксане подумалось со злостью – надо же, нашла суженого. Небось власти захотелось, богатства – всё ей мало.

Вот только бы отыскался Яровиту друг, пронизательный и умный покровитель, такой, чтоб был чем-то сродни ему самому. И как-то вдруг невзначай подумалось о переяславском князе Всеволоде. Тих, неприметен, не то что Святослав. И ум, спокойствие, здравомыслие так и сквозят в каждом его слове, видятся в каждом движении. Вот такому бы ближником стать. Но нет... Ведь родной брат Всеволод этому гуляке и крикуну Святославу, против брата он не пойдёт. А если пойдёт?

Яровит резко вскинул голову и ужаснулся самой мысли о подобном. Как только приходит на ум эта безлепица²¹⁰!

Он решительно толкнул десницей дубовую дверь и вышел на крыльцо.

²⁰⁷ Рез – процент.

²⁰⁸ Тысяцкий – в Древней Руси должностное лицо в городской администрации. В обязанности тысяцкого входило формирование городского ополчения во время войны.

²⁰⁹ Гривна – денежная и весовая единица Киевской Руси. Название происходит от золотого или серебряного обруча, который носили на шее (на «загровке»). Первоначально (до XII века) 1 гривна серебра равнялась примерно 410 граммам серебра. Денежная единица 1 гривна кун = 20 ногатам = 25 кунам = 50 резанам = 150 веверицам.

²¹⁰ Безлепица – нелепость, глупость.

Глава 24. «На тот берег»

Резкий, пронзительный свист разбудил юного княжича, он продрал заспанные глаза и, отбросив в сторону одеяло, вскочил с мягкого ложа.

«Утро уже, верно», – подумал Владимир, раскрывая скрипящие деревянные ставни.

Яркое летнее солнце брызнуло ему в лицо.

Святополк и Роман, один из сыновей князя Святослава, стояли посреди двора, одетые по-простому, в холщовые рубахи, босые.

– И не добудишься тебя, Владимир. Вон сколько свистели! – недовольно проворчал Святополк. – Полезай-ка сюда к нам. Покуда княгиня спит, сходим на речку, искупаемся, лодку возьмём. В плавни, на тот берег съездим. Чего в тереме киснуть? Не красны девицы на выданье, чай.

Владимир наспех натянул на плечи рубаху и выпрыгнул через окно во двор.

– Сторожко²¹¹ ты! Не ушибся? – испуганно спросил Роман.

– Да нет, – усмехнулся Владимир, стряхивая с портов пыль.

– Ну, тогда пошли. Я старший, потому слушались чтоб меня! – стиснув кулак, надменно изрёк Святополк.

... Отроки незаметно для гридней и челяди перебрались через забор (что неловкий долговзый Святополк проделал с немалым для себя трудом, порвав на локте рубаху), стремглав проскочили мимо стражи через Подольские ворота, оттуда сбежали по Боричеву увозу на Подол, где уже с раннего утра кипела бойкая торговля, и, пройдя через ворота внешних киевских укреплений, никем особо не охраняемые, оказались за городом, неподалёку от берега Днепра.

В густой дубовой роще шумно щебетали птицы. Зелёные кузнечики стрекотали в густой траве, княжичи ловили их руками и выпускали, со смехом следя за их длинными прыжками.

Крут и высок правый Днепровский берег, а в такое утро было здесь пустынно, никто не мешал паробкам резвиться и шалить.

Отроки отдохнули после долгого бега, чуть поостыли, а потом наскоро сбросили с плеч рубахи и окунулись в холодную с утра реку. В лица им полетели колючие водяные брызги.

Владимир отплыл подальше, перевернулся и лёг на спину. Мечтательно улыбаясь, смотрел он на небо, по которому, как стада барашков посреди безбрежной голубой равнины, плыли белые кучевые облачка. Солнечные лучи, отражаясь в воде, вспыхивали яркими звёздочками.

Вспенив днепровскую гладь, к Владимиру подплыли братья. Княжичи весело смеялись, обрызгивая друг друга водой.

– Ишь, куда нас занесло! – вдруг взволнованно пробормотал Святополк, с заметным беспокойством озираясь по сторонам. – Боязно чегой-то.

– Чего ж бояться? – Владимир недоумённо пожал плечами.

– А русалка вот какая подплывёт к нам и ка-ак схватит! Так мы сразу ко дну и пойдём, к водяному чёрту в гости! – сокрушённо качнул головой боязливый Роман.

– Я-от ей схвачу! Сам возьму за золотые волосы да вытащу из воды! Погляжу, как она тогда запоёт! – решительно отмолвил Владимир. – Да токмо враки то. Нету никоих русалок вовсе.

– Ну да, нет! – с жаром возразил ему Роман. – Григорий, мних, баил, будто сам видал единойды. Чуть было не утащила его такая русалка к себе в царство подводное, да Григорий вовремя опамятовался, крест положил, мыслию к Богу обратился, нечисть и исчезла тотчас же. Боятся они креста, лиходейки.

– Лодку бы где добыть, – в раздумье нахмурил чело Святополк. – Давайте-ка поплывём назад ко берегу. Там, может, чего и сыщем...

²¹¹ Сторожко – осторожно.

Ступая мокрыми ногами по песку, княжичи побежали вдоль прибрежной кручи, на ходу бросая в воду камни и споря, кто дальше кинул.

Тщедушный, слабый Роман быстро уморился и присел на песок.

– Ты чего? – спросил его Святополк.

– Да устал я, отдохну малость. Невмочь²¹². Голова закружилась.

– Ну и сиди себе тут тогда, а мы пойдём, – презрительно усмехнулся Святополк.

– Нет, подождём давай, покуда Роман отдохнёт, – возразил Владимир. – Негоже тут его оставлять.

Святополк угрюмо пожал плечами и нехотя подчинился, сплюнув с досады.

– А Пётр-Ярополк почто с нами не пошёл? И Святославичи тож? – спросил Владимир.

Святополк недовольно скривил уста.

– Мал ещё Ярополк. Матери нашей, Гертруды, страсть как боится! Надерёт она ему уши!

– А Святославичи? – Владимир удивлённо взглянул на внезапно потускневшее лицо Святополка.

Святополк покачал головой – не ведаю, мол, – а Роман неожиданно выпалил:

– Да подрался ты с ими намедни²¹³. Морду те начистили! Рази ж не так? Почто рыбу пойманную украл?!

– А ты молчи! – прикрикнул на него Святополк. – Не слушай его, Владимир. Я ведь не для себя, для кота своего рыбку собирал. Глеб с Олегом её всё едино есть бы не стали. А что в драку полезли, дак они завсегда силою своею кичатся. Оттого, видать, что разумом Господь обделил.

– А ну, не наговаривай на братьев! – возмутился Роман. – На их ты ить²¹⁴ давно взъелся. Ще с прошлого лета зло в душе держишь! Волче-Святополче!

– Чего ты мелешь? – Святополк ринулся на Романа с кулаками.

Владимир решительно встал между ними.

– Оставь его, не трогай! Не стоит, братья, из-за всяких пустяков прю зачинать.

Святополк, остыв, отошёл в сторону и процедил сквозь зубы:

– Ну да бог с тобой, Романе. Мал ещё покуда. Пойдём.

Они двинулись дальше берегом реки, волны Днепра ласкали им стопы, и молодые княжичи, забыв о времени и недавней ссоре, играли, звонко и весело смеясь.

– Вон лодка. И лодочник отцов, – указал Святополк.

Отроки бегом бросились к колышущейся на волнах утлой рыбацкой лодчонке. Впрыгнув в неё, Святополк властно приказал:

– А ну-ка, Олекса, вези нас на тот брег.

Узнав княжеских детей, Олекса раскрыл в изумлении рот и с дрожью в голосе пробормотал:

– Дворский не велел никого пущать.

– Что?! Дворский?! Ах ты, ослушник этакий! Образина лысая! А ну, вези! Кому сказано! – прикрикнул на него Святополк. – Худо будет!

Лодочник несмело взялся за вёсла.

– Господи, грех экий! – прошептал он испуганно...

Покачиваясь на волнах, лодка быстро достигла середины Днепра.

– А теперь убирайся вон! – внезапно велел лодочнику Святополк.

²¹² Невмочь (др.-рус.) – невозможно.

²¹³ Намедни – накануне.

²¹⁴ Ить (др.-рус.) – ведь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.